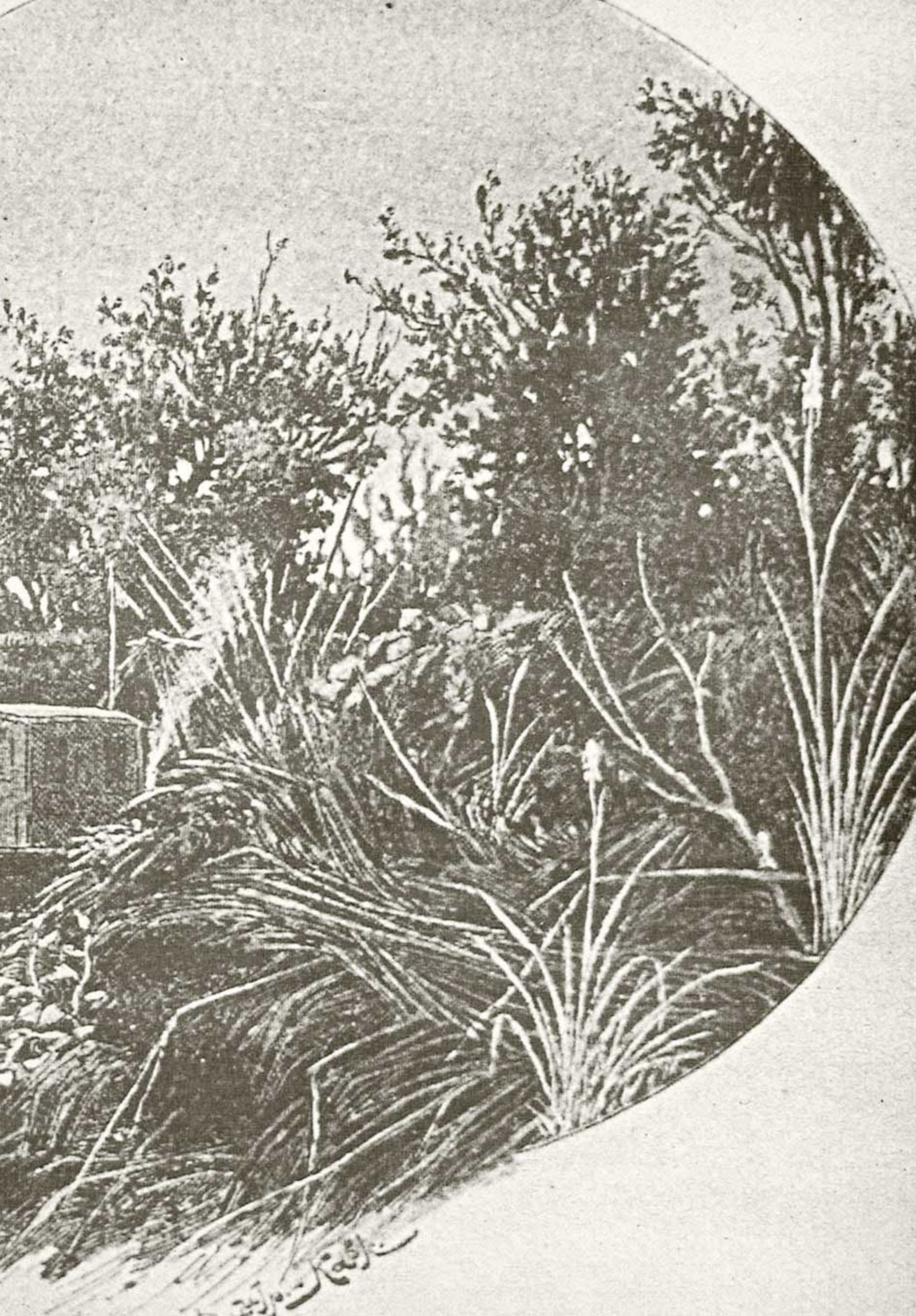

МАТЕРИАЛЫ ТОХАРИСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Археологические исследования
Кампыртепа

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
Отдел истории искусств НИИ искусствознания

МАТЕРИАЛЫ ТОХАРИСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ВЫПУСК 2

Археологические исследования
Кампыртепа

Ташкент 2001

ББК 63.4(5Узб)я43
М-341
УДК 902(575.1)(082)

Сборник статей под редакцией
академика АН РУз Э. Ртвеладзе

М-341 Материалы Тохаристанской экспедиции. Выпуск 2.
Археологические исследования Кампыртепа
2001. — 136 с.; илл.

ББК 63.4(5Узб)я43

Данный выпуск продолжает серию систематических публикаций результатов археологических исследований, проводимых на одном из самых интересных древних памятников Узбекистана – городище Кампыртепа. Тематически он охватывает важные аспекты истории материальной и художественной культуры этого городища, а в хронологическом плане ограничен периодом от последних веков до н. э. до второй половины II в. н. э.

Для археологов, историков, искусствоведов, студентов и широкого круга читателей, интересующихся древней историей Узбекистана.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Японского Агентства Международного Сотрудничества – Japan International Cooperation Agency.

ПРЕДИСЛОВИЕ:
К итогам
археологических
исследований
Кампыртепа в 2000 году

Полевой раскопный сезон на городище Кампыртепа в 2000 г. продолжался с марта по декабрь. Работы были сконцентрированы в разных частях на нескольких объектах.

На цитадели осуществлялись раскопки помещения для установления его микростратиграфии (А. Восковский). На основной части городища работы проходили на трех объектах: С. Болеловым были начаты раскопки нового блока-квартала № 10; в северо-восточной части городища Л. Сверчковым осуществлялись вскрытия башен 2–3, а также примыкающих к крепостной стене помещений блока-квартала № 2; К. Шейко и Г. Никитенко были продолжены исследования блока-квартала № 5, а также участков главной улицы «стрелковой галереи» вдоль этого блока. О. Цепова раскапывала помещение в западной части блока-квартала № 2.

В пригородной зоне С. Болеловым осуществлено вскрытие гончарной печи и землянки мастера-керамиста, находившихся в 110 м к востоку от крепостной стены городища, на краю надпойменной террасы. Эти работы дали прекрасный комплекс греко-бактрийской керамики III в. до н. э. Э. Ртвеладзе в восточном некрополе проводились исследования погребального сооружения № 2, а также еще нескольких подобного типа памятников в этом районе, от которых сохранились отдельные участки стен. На территории «пристани» С. Дудаковым были заложены два стратиграфических шурфа. Археологические исследования осуществлялись также на расположенном в 0,5 км к западу от Кампыртепа городище ахеменидского времени Шортепа (Э. Ртвеладзе, А. Восковский).

Рис 1.
Городище Кампыртепа.
Фото К. Шейко.
Июнь 2001 г.

Эти широкомасштабные раскопки дали возможность уточнить ряд вопросов, связанных с периодизацией и структурой, материальной и художественной культурой, по-новому осветить историю возникновения и развития этого населенного пункта, стоявшего на важнейшей караванной дороге из Бактрии в Согд у одной из переправ через Окс.

В данном, втором выпуске «Материалов Тохаристанской экспедиции» публикуются статьи, отражающие результаты большей части исследований, проведенных в 2000 г., хотя и не всех. В частности, публикацию результатов исследований жилого блока-квартала № 10 решено отложить до полного вскрытия всего объекта. Однако уже сейчас можно отметить, что эти исследования принесли интересные результаты. Так, впервые удалось выделить керамический комплекс времени правления одного из кушанских царей – в данном случае Канишки, так как в раскопанной части этого блока в стратиграфических слоях, от нижнего до верхнего, найдены монеты только этого царя.

Проведенные в 2000 г. исследования значительно расширили вскрытую площадь всего городища – не раскопанным остался его участок внутри крепостных стен протяженностью около 70 м в направлении с востока на запад (см. план).

Помимо перечисленных выше работ, осуществлялись топографические исследования (Э. Ртвеладзе) и обмеры городища и объектов (Д. Русанов), архитектурная реконструкция (И. Азимов), реставрация керамики (В. Лунева), фотофиксация (Д. Михайлов, А. Шепелин, Н. Утарбеков), этнографические исследования (Ш. Устаев).

Раскопки минувшего года приблизили нас к осуществлению давней нашей цели – полному вскрытию всей площади городища в пределах ограждающих его стен, что осуществляется впервые в археологической практике для поселений такого масштаба и времени в Средней Азии и сопредельных странах. Именно такая цель должна быть поставлена, в конечном счете, перед любой археологической экспедицией, ибо как бы ни были интересны отдельные здания, как бы ни была прекрасна найденная в них скульптура или другие предметы искусства, но все это, выхваченное из целого, без всякого контекста, не дает четкого и полного представления о жизни древних поселений.

В кушанской археологии множество пробелов, она, собственно, по-настоящему только начинает разрабатываться, ибо внимание прежних исследований было в основном направлено на наиболее яркие области материальной и художественной культуры, вне поля зрения оставались такие рядовые, но могущие многое рассказать об определенных сторонах и уровне развития материальной культуры объекты, как, к примеру, грузила (ткацкое ремесло и рыболовство), пряслица (ткачество), зернотерки (мукомольное производство), находки которых на кушанских поселениях исчисляются сотнями, но по которым нет еще ни одного научного исследования. Восполнение этих пробелов – одна из насущных задач кушанской археологии. Обратимся теперь к ряду проблем истории Кампыртепа и его окрестностей.

Историческая топография района

Объектом наших исследований является участок первой надпойменной лёссовой террасы, круто обрывающийся в пойму Амударьи, протекающей сейчас в одном километре к югу от городища. Этот участок ограничен с востока рекой Карасу, впадающей в Амударью, а с запада – широкой

долиной большой древней реки, по дну которой и сейчас протекает небольшой ручеек Солянка. Протяженность всего участка с запада на восток – немногим более 2 км.

Историческая топография его определяется наличием разновременных, последовательно сменявших друг друга городищ: Шортепа – крайнее западное, основной период обживания – V–VI вв. до н. э., частичное обживание – I–II вв. н. э.; Кампыртепа – центральное (III в. до н. э. – II в. н. э.), Шуроб-Курган – крайнее восточное, у русла Карасу (начало обживания – III–IV вв. н. э., последний период на цитадели – XIX – нач. XX в.). У этого городища находилась постоянно действующая, вплоть до XX в., переправа через Амударью по дорогам в Балх – Шуроб, исследованная А. Быковым [2, с. 7, 26] и Н. Маевым в 1878 г. [6, с. 164].

Обживание этого участка, судя по отдельным находкам изделий из кремня, началось еще в эпоху неолита. По-видимому, в V в. до н. э. здесь была основана крепость для охраны важнейшей дороги из Бактр в Согдиану и переправы через Окс. Место для крепости, известной сейчас как Шортепа, было выбрано весьма удачно, с учетом природного рельефа местности. Она была основана на несколько выступающем вперед мысу, с юга защищена Амударьей, а с запада – руслом древней реки, вероятно, в ту пору полноводной. С запада и востока этот мыс был ограничен оврагами, впоследствии превращенными в рвы. Остановимся более подробно на описании Шортепа, поскольку описания Кампыртепа и Шуроб-Кургана уже неоднократно публиковались [1, 3, 9, 11, 14].

Шортепа находится в 0,5 км к западу от цитадели Кампыртепа, на правой, высотой до 10 м, надпойменной террасе Амударьи. Городище состоит из двух частей: собственно крепости и примыкающего с северо-востока поселения, разделенных между собой рвом. Общая протяженность городища по оси юго-запад – северо-восток более 300 м, ширина – 130–150 м.

Первая часть (230–130–150 м) с юго-запада ограничена поймой Амударьи, которая в древности вплотную подходила к городищу, а с северо-запада – широким, до 10 м, и глубоким рвом, хорошо сохранившимся до настоящего времени. С юго-востока ее также ограничивал ров, на месте которого сейчас образовался глубокий и широкий овраг. В юго-восточной, несколько скошенной стороне первой части хорошо прослеживается вход на нее со стороны Амударьи, идущий наклонным пандусом. Он проложен между естественными холмами, ширина его – до 5–6 м понизу.

Вход начинается с ровной площадки, расположенной у подножья террасы, от которой сохранился небольшой треугольный участок (35х15 м), возвышающийся над уровнем Амударьи на 2,5 м. Не исключено, что данный участок, судя по его расположению, представлял собой пристань, куда причаливали суда, переправлявшиеся через Амударью, и отсюда же начинался подъем по пандусу в крепость. В срезях края этого участка на глубине до 2–3 м хорошо прослеживается культурный слой с характерной для ахеменидского времени цилиндрико-конической керамикой.

За пределами рва расположена вторая часть городища, также защищенная с трех сторон рвами, однако ее граница с северо-восточной стороны неясна, так как здесь, как, впрочем, на всей поверхности городища, располагается кладбище.

В шурфе, заложенном в южной части Шортепа, выявлен культурный слой общей мощностью около 2 м с типичной для V–IV вв. до н. э. цилиндрико-конической керамикой, являвшейся заполнением большого полуподземного жилища.

Заброс этого поселения, по-видимому, произошел во время походов Александра Македонского или несколько позднее, в ранне-селевкидское время [13, с. 122–130]. Ахеменидская администрация Бактрии придавала важное значение переправе через Окс в этом месте. Поэтому для ее охраны была возведена грозная крепость, поскольку именно здесь, а не в другом месте проходила основная дорога в столицу Бактрии – Бактры, соединившая в ахеменидское время две сатрапии – Бактрию и Согдиану. Если следовать с юга, то она начиналась в Бактрах, следовала через Алтынтепа (Аорн), переправу через Окс у Шортепа. Далее через крепость Талашкантепа дорога выходила к Кафыркале у Шерабада, шла по долине Шерабаддарьи к Железным воротам, а оттуда на север, в Наутаку и далее в столицу Согда – Мараканду. Почти на всем протяжении этой дороги имеются поселения ахеменидского времени, причем некоторые из них выполняли функции крепостей у переправ (Шортепа) и в горных проходах (Кафыркала и скала Сисимитра у Дарбанда).

Такого рода «сторожевые посты» весьма характерны для Ахеменидского государства. Согласно Геродоту, описавшему дорогу от Эфеса до Сус, «сторожевые посты» сооружались на границах между областями, в горных проходах и у речных переправ (Геродот, V, 52). Они описаны также Ксенофонтom и Диодором. По-видимому, подобного рода «сторожевым постом» при главной в то время переправе через Окс было Шортепа. Согласно античному источнику, из последнего похода в Согдиану, после взятия скалы Хориена, Александр «двинулся в Бактрийскую землю, прошел мимо какой-то крепости и переправился через реку Окс» [8, с. 43]. Сейчас становится очевидным, что этой крепостью могло быть только Шортепа, так как никаких других крепостей ахеменидского времени в долине Окса от слияния Пянджа и Вахша и вплоть до Керки не зафиксировано.

Другое важное обстоятельство. Арриан писал, что Бесс при своей переправе через Окс приказал сжечь все суда, находившиеся на ней (Арриан, III, 28). Следовательно, это была постоянно действующая переправа, при которой непременно должно быть поселение с пристанью, где проживали лодочники и стояли суда, как это было, к примеру, в средневековье. С подобного рода поселением, расположенным на берегу Окса, можно соотнести опять же только Шортепа.

Таким образом, анализ всех данных показывает, что первая переправа, перейдя которую Александр Македонский вторгся в Трансоксиану, и последняя его переправа, через которую он навсегда покинул ее территорию, находилась на участке этой реки между Кампыртепа и Шортепа. В позднее средневековье эта переправа называлась Шуроб.

Периодизация

В предыдущей публикации нами были выделены четыре основных периода в истории городища Кампыртепа, что в свете новых исследований можно уже уточнить. К ним, как мне представляется, можно добавить еще один – парфянский. Позволим себе дать краткую характеристику данных периодов.

1. Эллинистический, конец IV – середина II в. до н. э. Возведение на краю террасы Окса крепости, обведенной рвом и защищенной мощной системой фортификации, включающей основную стену бастиона и переднюю стенку – протейхизму общей толщиной более 8 м. Первоначальные размеры крепости (почти до половины ныне разрушенной с южной стороны) – 80х90 м. Внутренняя застройка крепости пока еще не ясна, однако не исключено, что она, как и на Шортепа, состояла из редко расположенных полуподземных жилищ.

У подножия крепости, с юго-восточной стороны в пойме Окса, возможно, располагалась пристань, однако нижние слои шурфов, заложенных в данном месте, пока могут быть отнесены только к I в. до н. э., возможно, второй половине II в. до н. э.

В 100–120 м к востоку от цитадели находились гончарные мастерские; одна из них, вероятно, III в. до н. э., включающая печь для обжига керамики, площадку для сушки посуды и землянку-жилище, давшую прекрасный комплекс керамики этого времени, вскрыта С. Болеловым. Таким образом, если первоначально Кампыртепа служило только крепостью, охранявшей переправу по важнейшей дороге в Бактры, находившиеся всего в 60 км на юг, то затем оно разрастается в поселение – двухчастного, по-видимому, характера: крепость и торгово-ремесленное предместье (пристань + гончарные мастерские).

2. Юечжийский. Вторая половина II в. до н. э. – середина I в. до н. э. С захватом юечжами Бактрии (между 139 и 129 гг. до н. э.) городище не прекращает свое существование. Наоборот, в отличие от греко-бактрийского времени, интенсивно застраивается по всей площади крепость, где толщина культурного слоя этого времени достигает в разных местах 2 м и более. Не исключено, что начинают обживаться пристань и отдельные участки будущей укрепленной части, возводятся погребальные сооружения в восточном некрополе, на принадлежность которого к этому времени указывают некоторые формы керамики. Свидетельством обживания являются и юечжийские подражания монетам Гелиокла, в количестве более 10 экз. найденные преимущественно в крепости.

3. Парфянский. Вторая половина I в. до н. э. – первая половина I в. н. э. О наличии этого периода в истории Кампыртепа свидетельствуют находки парфянских монет, список которых опубликован [12, с. 89]. К ним следует добавить два мелких халка Орода II (51–39 гг. до н. э.) – наиболее ранние из парфянских монет, обнаруженных на Кампыртепа. Самой поздней является монета Готарза (41–53 гг. н. э.), найденная вместе с монетой Сотера Мегаса (Вимы Такто). Промежуток времени между ними заполняют монета Фраата IV (40–3 гг. до н. э.) и подражания монетам Фраата IV с надчеканами, принадлежавшими, вероятно, местным правителям, находившимся под парфянским влиянием, а также халк Сападбиза, аналогичный найденному на Хайрабадтепа [10, с. 94].

Не исключено, но еще не доказано, что именно в этот период обносится крепостной стеной участок за пределами крепости к северу, востоку и западу от нее. На это, в частности, намекает найденное на полу башни-1 подражание монетам Фраата IV, которые имели обращение здесь до массового притока кушанских монет при Сотере Мегасе.

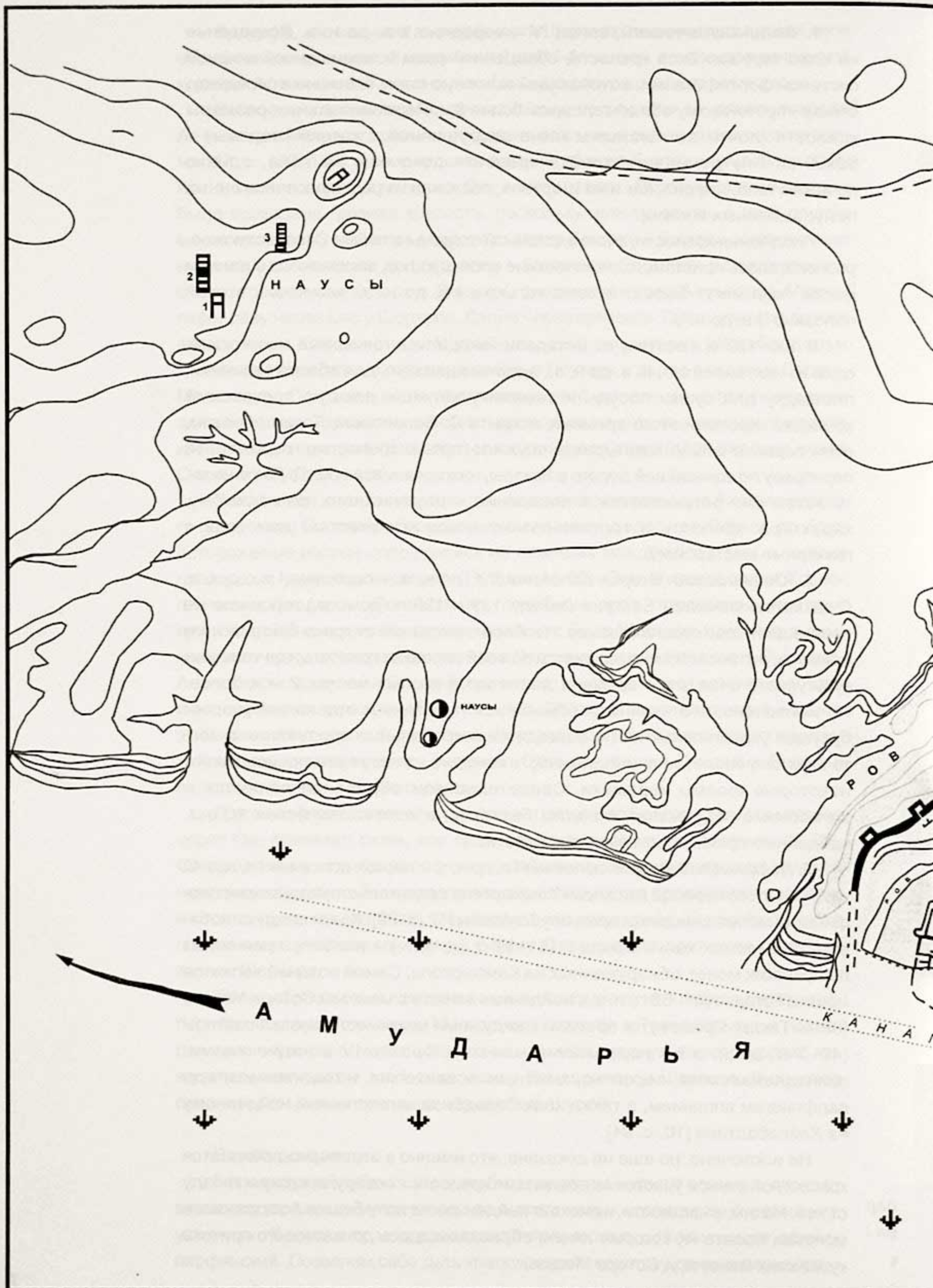

Рис. 2. План городища Кампыртөпә. Составил Э. Ртвеладзе.

КАМПЫРТЕПА

0 10 20 30 м

В этот период Кампыртепа являлось крайним форпостом Парфянского государства на востоке, в долине Окса, осуществлявшим контроль над важнейшим торговым путем, который шел из Индии в Бактрию, а затем пролегал по Оксу до современного г. Керки (средневекового Замма) и далее через пустыню в Маргиану, к Каспию, в Закавказье и Рим.

Это был, в частности, кратчайший и наиболее удобный путь проникновения буддизма в Маргиану из двух основных его центров в Бактрии: из Бактр до Келифской переправы и далее по описанному выше маршруту и из Термеза – Тармиты по долине Окса. Отдельные пункты его в этом направлении уже отмечаются – Кампыртепа, где найдена статуэтка Будды и буддийских персонажей [4, с. 102–103], и Ак-Кала у Мукры [7, с. 247–250]. Я не думаю, что буддизм в Парфию и Маргиану шел из Индии через Кандагар и Сакастан – это был гораздо более трудный и долгий путь [5], чем из Тармиты и Бактр, от которых, следуя по вышеописанному маршруту, до Мерва всего лишь немногим более 300 км. Весь этот путь был пройден мною маршрутом в 1989 г. вместе с ныне покойным водителем Р. Марковским.

4. Кушанский. Вторая половина I – первая половина II в. н. э. Период интенсивного развития и расширения площади Кампыртепа (Пандахейона), которое превращается в четырехчастное поселение – городок общей площадью около 30 га, включая некрополи и пристань, находившиеся за пределами крепостных стен.

Первая часть. Цитадель. Со временем теряет свою военно-оборонительную функцию, превращаясь в огромный жилой массив с центральной улицей, делящей ее на две части, и боковыми улочками, разделяющими их на кварталы. Наличие в них большого количества хумхана, в некоторых из которых были установлены от 10 до 20 экз. хумов, свидетельствует о превращении цитадели в своеобразный огромный «склад», предназначенный для хранения различного рода жидкостей и зерна. Они, видимо, предназначались не только для собственных нужд, но в основном для продажи останавливавшимся здесь торговым караванам.

Вторая часть. Основная жилая территория. Структура ее устанавливается достаточно четко. Первоначально была возведена крепостная стена с башнями, а затем уже началась застройка всей части. Вся территория была застроена большими блоками-кварталами, разделенными радиально расположенными улицами шириной 1,50–3,50 м, спускающимися сверху вниз от главной улицы, которая шла вдоль всей крепостной стены до рва. Размеры таких блоков-кварталов 50х25 м, 45х30 м и т. д., в каждом из них имелись разнообразные помещения различных функций: трапезные, спальни, святилища и т. д., а также дворы. Здания были двухэтажными. Об этом свидетельствуют обнаруженные в некоторых помещениях остатки лестниц, хотя не исключено, что они вели на крыши домов, предназначенные для ночного сна во время знойного периода, который длится здесь с апреля по октябрь. Кварталы-блоки спускались террасами ко рву, причем перепад высот в блоках 1 и 4 между полом верхних помещений у крепостной стены и полом нижних помещений составляет 3,0–3,5 м.

В 50 м к востоку от башни-1 вся жилая территория была разделена широкой (до 3,5 м) улицей как бы на два сектора: восточный и северо-западный. В восточном секторе было пять блоков-кварталов, в северо-западном, где остался еще не вскрытым большой (до 60 м) участок, – также, по-видимому, пять.

Что означало такое деление на сектора и равное количество блоков-квартиров и какой принцип заложен в нем – по родам, этносу или религиозным верованиям, – пока остается неясным. Подтверждением деления всей этой жилой территории именно на два сектора является и наличие двух некрополей: восточного и западного.

Третья часть. За пределами крепостной стены выявлены два культово-погребальных комплекса, которые мы для удобства называем некрополями.

В западном некрополе выявлено около десяти зданий с ритуальными площадками около них.

В восточном некрополе выявлено длинное продолговатое здание, состоящее из ряда помещений, которое мы интерпретировали как зороастрийское ката. Рядом с ним к востоку и югу раскопаны четыре погребальных сооружения, которые, судя по сравнительно хорошо сохранившемуся погребальному сооружению-2 (ПС-2), предназначались для захоронения костей в сопровождении множества керамических сосудов. В данном районе выявлено еще по крайней мере три таких сооружения, от которых остались россыпи фрагментов керамики и следы сырцовых кирпичей.

Четвертая часть. Торгово-ремесленная пристань. Она расположена в пойме Амударьи, к востоку от укрепленной части, сразу же за рвом. От нее сохранилась небольшая территория длиной 130–140 м, ограниченная с севера и востока обрывом террасы высотой до 10 м, а с запада – рвом, превратившимся сейчас в широкий овраг. С южной стороны, обращенной к Амударье, значительное пространство этой части разрушено.

В заложенных здесь шурфах выявлен достаточно мощный культурный слой, датируемый I в. до н. э. – II в. н. э., хотя не исключено, что часть этой территории обживалась и в более раннее время. Судя по месту расположения и уровню древней поверхности, почти на уровне Амударьи, это была пристань, куда причаливали суда, переправлявшие караваны на правый берег Окса, и отсюда шел уже подъем в крепость и укрепленную часть (см. план городища).

5. *Середина – вторая половина II в. н. э.* Полное запустение городища, произошедшее или еще в правление Канишки или сразу же после него. По всей площади городища в самых верхних культурных слоях найдены только монеты Канишки и никаких монет его преемников. Спустя некоторое время отдельные башни крепостной стены (7 и 8) стали использоваться под погребения, датировка которых определяется монетами Хувишки. Две монеты Хувишки найдены на поверхности городища вблизи башен 4 и 5. Не исключено поэтому, что после запустения городища небольшая группа его жителей какое-то время продолжала оставаться здесь.

Причины запустения городища неясны. Наиболее вероятно, что жители покинули его из-за угрозы разрушения Амударьей, хотя, возможно, имелись и какие-то иные причины.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что столь широкомасштабные раскопки Кампыртепа стали возможными благодаря поддержке Японского Агентства Международного Сотрудничества (JICA), которому все участники экспедиции выражают искреннюю благодарность.

Эдвард Ртвеладзе

Библиография:

1. Болелов С. Б. Комплекс керамики VII–VIII веков из Северного Тохаристана // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.
2. Быков А. Очерк переправ через реку Амударью. Ташкент, 1879.
3. Гендельман П. И. Результаты археологических исследований на цитадели Шуроб-Кургана // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Указ. изд.
4. Ильясов Дж. Я. Терракоты Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2000.
5. Кошеленко Г. А. Парфия: политические и культурные контакты // Индия и Центральная Азия: доисламский период. Ташкент, 2001.
6. Маев Н. А. Очерки Гиссарского края // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 5. СПб., 1879.
7. Пилипко В., Масимов И. Буддийская статуэтка из Аккала (средняя Амударья) // СА. 1969. № 3.
8. Пьянков И. В. Бактрия в эллинистической традиции. Душанбе, 1982.
9. Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л., 1974.
10. Ртвеладзе Э. В. Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1985.
11. Ртвеладзе Э. В. Кушанская крепость Кампыртепа // ВДИ. 1984. № 2.
12. Ртвеладзе Э. В. Парфия и Юечжийская Бактрия // ИМКУ. 31. Самарканд, 2001.
13. Древнебактрийская крепость Шор-тепе // Археологические исследования в Узбекистане – 2000 год. Самарканд, 2001.
14. Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Указ. изд.

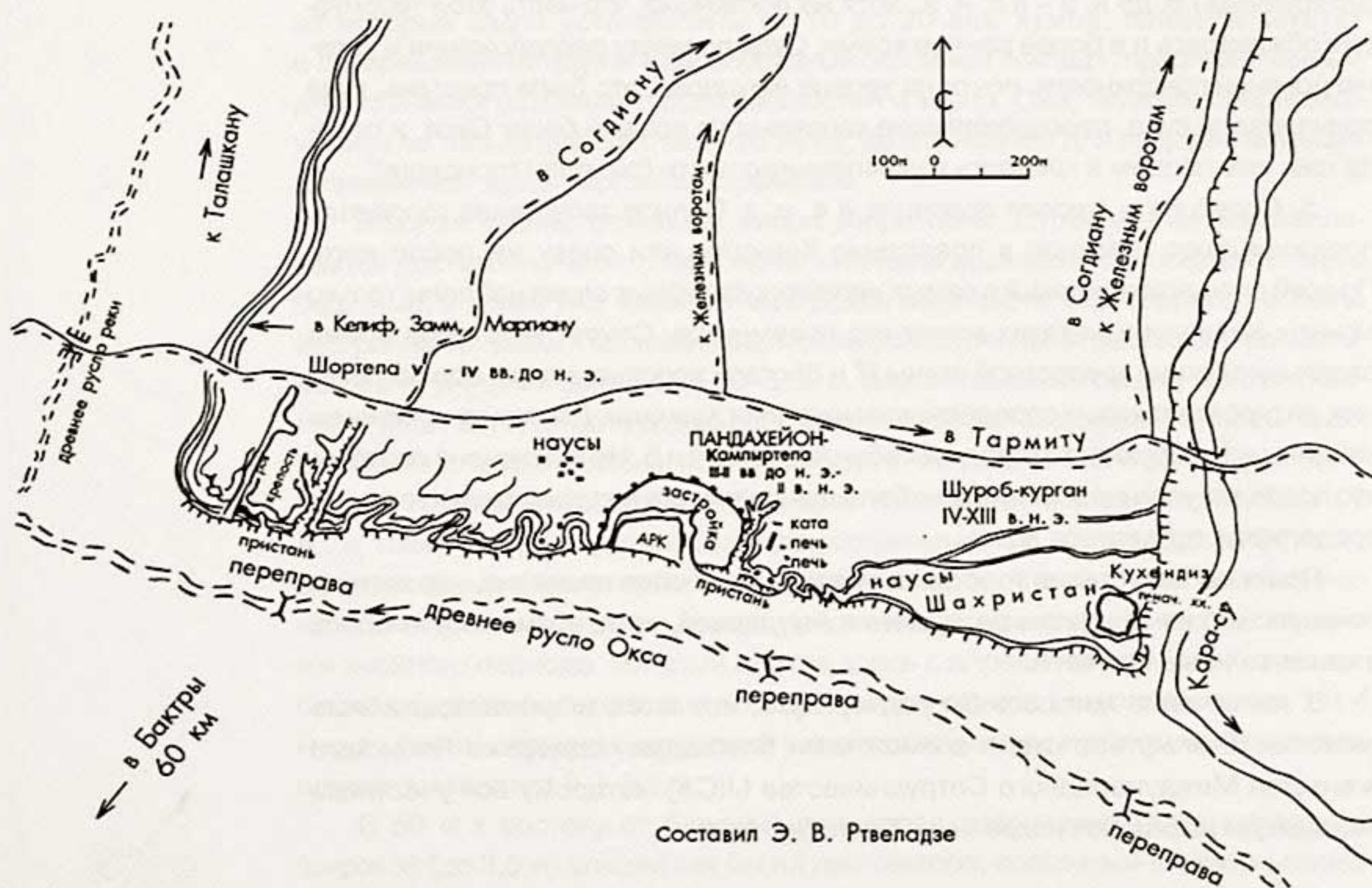
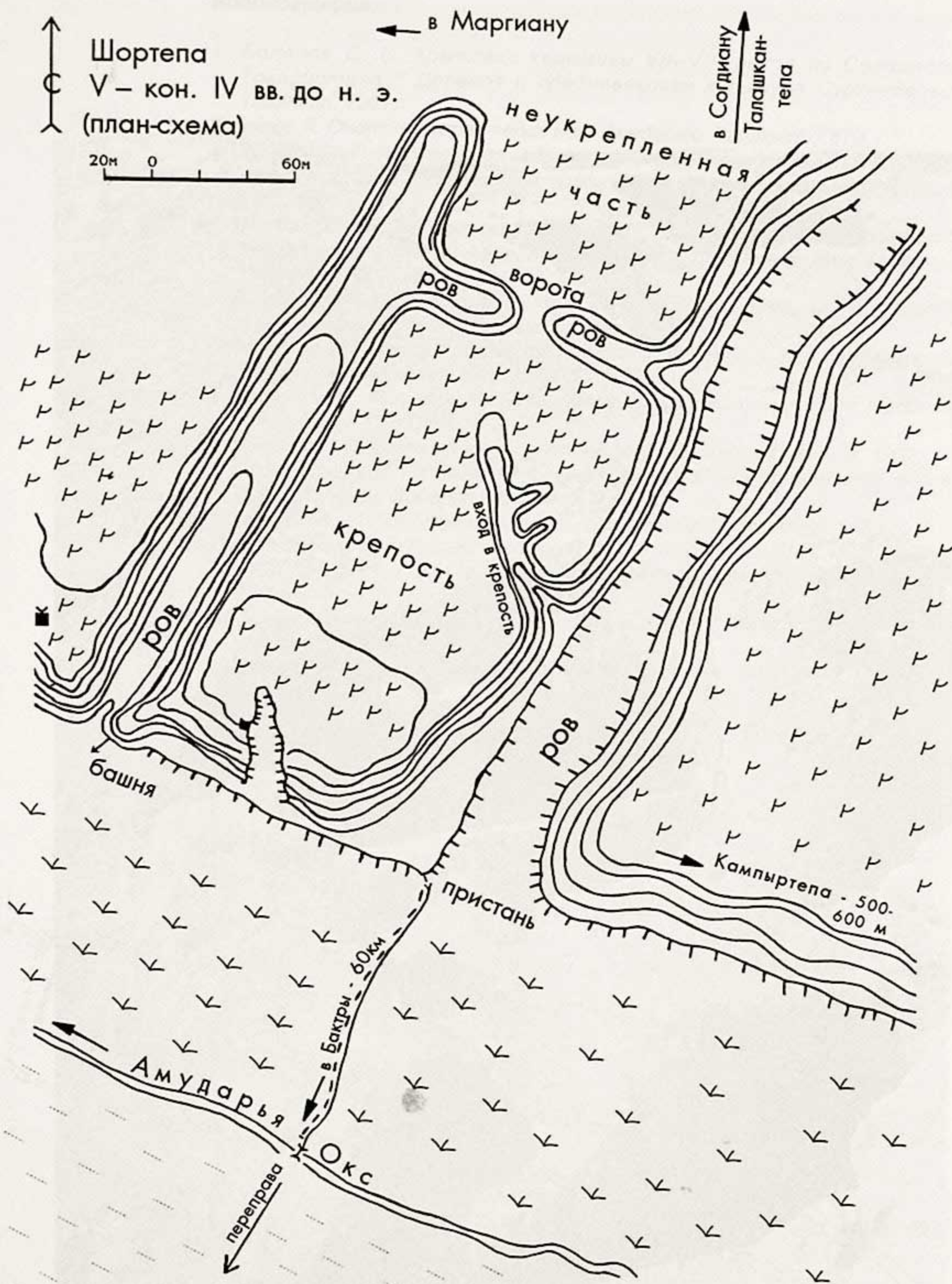

Рис. 3. Эллинистическая крепость Пандахейон (Кампыртепа).

Рис. 4. Северный столб ворот цитадели греко-бактрийского времени. Раскопки весны 2001 г.

*(К вопросу о керамическом производстве и организации
ремесла в Северной Бактрии эпохи эллинизма)*

Впервые следы керамического производства на Кампыртепа были обнаружены Э. Ртвеладзе в 1982 г. в западной части пригородной зоны, приблизительно в 100 м от северо-западного угла крепостной стены нижнего города. В том же году был раскопан керамический обжигательный горн, у которого сохранилась лишь топочная камера. Горн – двухъярусный, округлый в плане. Восемь жаропроводящих каналов располагались радиально [32, с. 221]. Перекрытие топки не сохранилось, но есть основания предполагать, что оно было купольным, так как стены обжигательной камеры были заглублены в материк, а жаропроводящие каналы устроены в кирпичной кладке. Следов опорного столба в топке не обнаружено. Аналогичную конструкцию имели горны на поселении Джин-тепе в Маргиане, где стены обжигательной камеры также были заглублены в материк, а топочная камера перекрывалась методом ложного купола, иногда в сочетании с керамическим диском, перекрывавшим верхнюю часть купола. Горны Джин-тепе датируются II в. до н. э. [24]. Этим же временем, на основании подъемного материала (рис. 2), а также керамики из заполнения топочной камеры, где была найдена исключительно сероглиняная посуда, датируется и горн на Кампыртепа.

Приблизительно в 100–120 м к юго-востоку от первого горна обнаружены остатки еще одного подобного сооружения.

Уже до раскопок на этом участке были зафиксированы керамические шлаки и куски обожженной глины, что дало основание предположить наличие здесь керамического производства.

*Рис. 1.
Горн 2. Общий вид.*

После зачистки поверхности в юго-восточной части раскопа были выявлены остатки керамического обжигательного горна. В 2,75 м к северу от него обнаружена прямоугольная в плане вымостка из сырцового кирпича, размеры которого 33х33 см (рис. 4).

Топочная камера сохранилась полностью. Внутренний диаметр обжигательной камеры – 2,10–2,15 м. Стены обжигательной камеры, сложенные из сырцового кирпича (33х33х12; 33х34х12; 32х33х12 см), в настоящее время имеют высоту 0,75 м от уровня ее пода, который зафиксирован на глубине 0,8 м от уровня современной дневной поверхности (0,95 от реперной точки)¹. Следует заметить, что стены обжигательной камеры значительно заглублены в материк ниже уровня пода. Это позволяет полагать, что котлован, врубленный в материковом грунте под топку, был обложен кирпичом. Затем на этом основании возводились стены обжигательной камеры, вход в которую (шириной 0,85–0,9 м) был с юга. Под обжигательной камерой сохранился полностью. Горячий воздух из топки поступал в камеру обжига через округлые продухи диаметром 12–13 см. В поду зафиксировано 13 продухов. Они располагались двумя концентрическими кругами по окружности обжигательной камеры. Схема расположения продухов позволяет предполагать, что горячие газы поступали из топки через 6 радиально расположенных жаропроводящих каналов. Каждый из них имел по два продуха. Центральный продух соединял топку и обжигательную камеру напрямую (рис. 4)².

Заполнение обжигательной камеры состояло из фрагментов обожженных кирпичей, глины и прокаленных до красного цвета кусков глиняной обмазки (обвалившийся свод). По всей видимости, перекрытие обвалилось не сразу, и какое-то время южная его часть сохранялась. Косвенно об этом свидетельствует слой натеков, зафиксированный в заполнении (рис. 3, IV). Надо полагать, по аналогии с другими округлыми горнами Средней Азии, что перекрытие обжигательной камеры осуществлялось методом ложного купола [11, с. 150–151].

Топочная камера также была округлой формы. Точно размеры ее установить не удалось. Глубина была не менее 1,5 м. Вход в топочную камеру (высота – 0,75, ширина – 0,6 м) был с восточной стороны, на склоне оврага. Перед ним было устроено углубление (прямоук), имевшее в плане эллипсоидную форму (рис. 4). Дно прямоука плавно понижается с востока на запад, к входу в топочную камеру, где зафиксирована максимальная глубина – 1,9 м от уровня дневной поверхности (210 см от реперной точки). Углубление заполнено золой, кусками обожженных кирпичей, глины и керамического шлака (рис. 3, II). Стенки прямоука в нижней части облицованы кирпичами, поставленными на ребро. По всей видимости, это стенки топочного канала, перекрытие которого не сохранилось. На входе в топочную камеру устроен невысокий порог в два кирпича, положенных плашмя (рис. 4).

Можно полагать, что топочная камера, как и обжигательная, была перекрыта ложным куполом. Радиальные жаропроводящие каналы изначально устраивались в кирпичной кладке пода и перекрывались кирпичами (вариант реконструкции см. на рис. 3, V).

Как уже отмечено выше, к северу от горна зафиксирована кирпичная вымостка. Она явно связана с производственным процессом – это площадка для просушки готовой продукции перед обжигом.

Аналогичные устройства отмечены и в других керамических мастерских, раскопанных на территории Средней Азии. Следы площадок, вымощенных сырцовым кирпичом, найдены при раскопках специализированного керамического производства на городище Кюзелигыр в Хорезме [9, с. 200, рис. 45]; пло-

щадка со следами навеса над ней зафиксирована около одного из горнов на Нурумском поселении в Северо-Западной Туркмении [8]. Большая площадка, забутованная кирпичными кладками, которая также использовалась для просушки готовой продукции перед обжигом, находилась в западной части квартала керамистов VI–VII вв. на городище Ер-Курган [15, с. 124–126; 16, с. 106–108]. Навесы и площадки для просушки посуды за пределами мастерской известны и по этнографическим данным [12, с. 384–385; 26, с. 165–166].

Между горном и вымосткой зафиксированы две столбовые ямки диаметром 15 см. Расстояние между ними – 3,65 м (рис. 4). По всей видимости, это следы навеса, который защищал горн от ветра.

На расстоянии 3,1 м к западу от горна находилась большая, квадратная в плане яма размерами 3,5х3,5 м, глубиной 0,9 м (рис. 4), которая была заполнена производственным мусором – куски керамического шлака, обожженная глина и т. д. (рис. 3, I). В небольшом количестве здесь найдены фрагменты керамики, в том числе необожженной.

В 1,5 м к западу от мусорной ямы и в 8,2 м от горна раскопана часть землянки. Она имела, по-видимому, прямоугольную форму. Западная ее часть не сохранилась из-за обрушения крутого склона оврага. Длина сохранившейся части землянки – 7,5 м, ширина – 4 м (рис. 4). Дно зафиксировано на отметке 145 м от реперной точки. У южного борта землянки, на расстоянии 4,4 м от юго-восточного угла, удалось расчистить небольшой (55х70 см), трапециевидный в плане, примыкающий вплотную к борту «пилон», который сложен из квадратного сырцового кирпича (32х32х12 см). Напротив располагалось возвышение, сооруженное из битой глины и обломков сырцового кирпича, которое также примыкало вплотную к северному борту землянки. Его размеры – 1,5х3 м. Видимо, это опоры под несущую балку перекрытия. Можно полагать, что длина последней была чуть больше 2 м. На расстоянии менее 2,5 м от юго-восточного угла землянки, на полу, обнаружено пятно диаметром 80–85 см, рядом – небольшой зольник (рис. 4). Стена над очагом немного обожжена.

На полу, на отдельных участках, зафиксирована глиняная обмазка толщиной не более 3–4 см. У южной стены, на уровне пола, обнаружен небольшой зольник, мощностью не более 3 см. Выше залегает слой рыхлой супеси серого цвета с золой и угольками. Мощность его резко понижается с юга на север. Наслоения перекрыты плотной глиной с натеками. Толщина этого слоя 20–30 см. Выше идет слой рыхлой земли, который, в свою очередь, перекрыт слоем комковатой глины. Максимальная мощность последнего – 30 см. В северной части землянки зафиксирован слой плотной комковатой глины с обломками кирпичей (завал?) толщиной 40–45 см. Выше идет слой плотной слоистой глины зеленоватого цвета мощностью 20 см, который перекрывается надувным лёссом (рис. 3, III).

В процессе раскопок получен небольшой, но очень выразительный комплекс керамики. Всего найдено 54 сосуда, 23 из них – целые или археологически целые. Большая часть керамики происходит из заполнения землянки, остальная найдена в заполнении горна, в культурных слоях около него и в мусорной яме. Вся керамика относится к одному хронологическому периоду. По способу изготовления ее можно разделить на две группы:

1) сосуды, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения (двухдисковом) – 79,7%;

2) сосуды, изготовленные от руки и подправленные на вращающейся подставке или на круге медленного вращения (однодисковом) – 20,3%.

Керамика первой группы находит большое количество аналогий в археологических комплексах Бактрии и Согда эллинистического времени. В большей степени это относится к кубкам и чашам. Сосуды, подобные кубкам на плоском дне из Кампыртепа (рис. 5, 1), найдены в слоях греко-бактрийского времени на Дальварзинтепа; такие же формы представлены в комплексе керамики переходного периода Джигатепе в Северном Афганистане. В раннем керамическом комплексе периода Афрасиаб II (I этап), на северо-западе городища, подобные кубки, покрытые красным ангобом и полосчатым лощением, составляют 46% от общего количества столовой посуды. В относительно более поздних слоях (II–III этапы) их становится значительно меньше [27; 30; 39].

Эта форма считается одной из самых распространенных на территории Бактрии в греко-бактрийское время.

Цилиндро-конические кубки на дисковидном или кольцевидном поддоне (рис. 5, 2–5) также представлены практически на всех памятниках, где вскрыты культурные слои греко-бактрийского времени [45, р. 142, fig. 17]. Они появляются на территории Северной Бактрии и Согда на ранних этапах эллинистического периода и некоторое время сосуществуют с кубками на плоском донце с округлыми стенками.

Все чаши (рис. 5, 6–10) находят большое количество аналогий в керамических комплексах греко-бактрийского времени. Ареал этих форм также довольно обширен и охватывает территорию Афганистана и южных областей Средней Азии, включая Бактрию и Согд. Они являются одними из наиболее характерных в керамическом комплексе эллинистического времени в Средней Азии и находят прототипы в посуде Греции и Ближнего Востока того периода [19, с. 123–128; 40; 46].

Остальные сосуды I группы также обнаруживают аналогии среди керамики греко-бактрийского времени. Прежде всего, это относится к светлоангобированным широкогорлым кувшинам, которые близки по форме сосудам этого типа из Джигатепе. Традиционны для эллинистического периода кувшины с подтреугольным в сечении, иногда клювовидным венчиком (рис. 5, 11).

В группе керамики, сформованной от руки, преобладают открытые формы. Это светлоглиняные миски различных размеров. Диаметр устья – 15–36 см. Среди них выделяются довольно крупные толстостенные миски с полусферическим или коническим резервуаром (рис. 5, 14–16). Венчик не выделен. В одном случае по внешней закраине отсечен слабо выраженный валик, в другом – неглубокий желобок. Кроме того, следует отметить неглубокую круглодонную миску, изготовленную в полусферической форме на песчаной подсыпке.

Форма перечисленных выше сосудов второй группы в общем универсальна. Они встречаются в керамических комплексах и более позднего времени. Однако технология изготовления, качество обжига, а также то, что все они были найдены около горна или в хозяйственной яме, позволяют высказать предположение, что перед нами – комплекс производственной керамики (?), которая использовалась в процессе формовки сосудов. Тот факт, что эти формы не характерны для археологических комплексов греко-бактрийского

времени на территории Северной Бактрии, можно объяснить тем, что до последнего времени эллинистическая керамика Северной Азии была представлена находками из жилых или культовых зданий. Производственный комплекс эллинистического времени, непосредственно связанный с керамическим производством, на юге Узбекистана раскопан впервые.

На основании приведенных выше аналогий мы можем датировать комплекс гончарной керамики из раскопа в пригородной зоне Кампыртепа III–II вв. до н. э. Наличие в комплексе форм, характерных для керамики переходного периода (конец IV – начало III в. до н. э.), позволяет отнести этот комплекс к раннему этапу указанного отрезка времени.

Таким образом, в пригородной зоне Кампыртепа вскрыт производственный комплекс, который в полной мере можно считать небольшой гончарной мастерской. Надо полагать, что она функционировала недолго. Об этом можно судить, прежде всего, по отсутствию следов ремонта горна, а также по сравнительно небольшому культурному слою в землянке.

Есть все основания полагать, что производство было сезонным. Об этом говорит отсутствие бытовых очагов, а также хозяйственной зоны, ям с бытовыми отходами и т. д. По всей видимости, мастерская работала периодически в течение нескольких сезонов.

Керамическое производство эпохи эллинизма, помимо Кампыртепа, открыто и на других памятниках Северной Бактрии.

На одном из участков неукрепленной части городища Саксанохур (нижнее течение р. Кызылсу, Северо-Восточная Бактрия) частично раскопан квартал керамистов, где выявлено девять двухъярусных керамических обжигательных горнов с прямой вертикальной тягой. Три из них относятся к нижнему строительному горизонту и датируются исследователями греко-бактрийским временем. От горнов сохранились лишь топочные камеры, которые имели округлую и прямоугольную (овальную) форму. Топочные камеры вырубались в материке и по периметру обкладывались сырцовым кирпичом. По мнению исследователей памятника, они имели купольное или сводчатое перекрытие. В одном случае (горн № 3) безусловно зафиксировано перекрытие методом ложного свода; в другом (горн № 5) – ложного купола. В заполнении топочной камеры одного из горнов найден керамический диск диаметром 60 см, который, возможно, был частью перекрытия [25, с. 29–33].

Два обжигательных горна открыты в процессе раскопок цитадели Дальварзинтепа. Оба они относятся к раннему периоду обживания памятника, который датируется III–II вв. до н. э. [31, с. 69; 33, с. 13]. Горны расположены в непосредственной близости друг от друга. Топочная камера заглублена в материк. Горны двухъярусные, с прямой вертикальной тягой, округлые в плане. У одного из них, большего по диаметру, перекрытие топочной камеры опиралось на столб, располагавшийся в центре камеры. У меньшего по размеру горна опорный столб не зафиксирован.

Округлый двухъярусный горн раскопан на городище Ай-Ханум в Северном Афганистане. Он располагался в северо-западной части северного ансамбля гимнасия. Обжигательная камера, судя по реконструкции, была перекрыта куполом. Топочная камера, которая по размерам почти равна обжигательной, имела плоское перекрытие на опорном столбе, диаметром 32 см. Жаропроводящие каналы отсутствуют. Продухи располагались по всей

площади обжигательной камеры и устраивались непосредственно в перекрытии топки, соединяя две камеры напрямую. Два горна аналогичной конструкции были открыты также на Ай-Хануме. Один из них был устроен на развалинах театра, другой – на руинах храма Окса. Они относятся к периоду запустения городища и могут быть датированы II–I вв. до н. э. [47, р. 11].

Таким образом, в настоящее время на территории Бактрии известно девять горнов, относящихся к эллинистическому и постэллинистическому периодам (конец IV – I в. до н. э.). По конструктивным признакам, основными из которых являются способ перекрытия топочной камеры и расположение жаропроводящих каналов и продухов, можно выделить два типа этих сооружений:

1 тип – топочная камера округлая (Кампыртепа, Дальварзинтепа, Саксанохур) или овальная (Саксанохур), углублена в материк, обложена по периметру сырцовыми кирпичами, перекрыта ложным куполом или сводом. Жаропроводящие каналы располагались радиально и открывались в камеру обжига одним или двумя продухами. Они конструировались в процессе строительства перекрытия. Площадь обжигательной камеры во всех случаях больше площади топки.

2 тип – топочная камера округлая (Ай-Ханум, Дальварзинтепа). Плоское перекрытие топки опирается на округлый столб. Жаропроводящие каналы не прослеживаются. Продухи, устроенные непосредственно в теле перекрытия, напрямую связывали камеру обжига с топкой. Площадь топки равна или почти равна площади обжигательной камеры.

Горны первого типа по своим конструктивным признакам относятся к двухъярусным, с прямой вертикальной тягой, широко распространены на территории Средней Азии во второй половине I тыс. до н. э. Этот тип горна полностью сформировался на территории Маргианы в середине I тыс. до н. э. Наиболее ранние из них датируются VI–IV вв. до н. э. Они раскопаны на поселениях Чурнок, Уч-депе и Тахирбай 2 в Маргиане [23, с. 65–67, 83–84], Хумбузтепа в Южном Хорезме [7, с. 87], а также на Сарытепа 2, в восьми километрах от Афрасиаба [14, с. 22–25].

К сожалению, в большинстве случаев перекрытия топочной камеры не сохранились, и мы можем лишь догадываться об их устройстве. На Чурнок-депе топки были вырыты в земле и обложены сырцовым кирпичом. Это дает некоторые основания предполагать здесь перекрытие в виде ложного купола. На Хумбузтепа и на Сарытепа 2 применение сырцового кирпича при сооружении топочных камер не зафиксировано. Можно полагать, что колоколовидная топочная камера имела плоское перекрытие в виде толстого диска из глины с саманом соответствующего диаметра, подобное тем, которые использовались в Хорезме в IV–I вв. до н. э. [5, с. 71–76; 9, с. 201–202]. При этом нельзя исключать и возможность использования другой конструкции. На Сарытепа 2 выявлены следы деревянной арматуры [14, с. 23], которая могла служить основой для перекрытия топки, – деревянные жерди, уложенные над ямой, обмазывались глиной с саманом. В процессе эксплуатации горна деревянные части конструкции частично выгорали.

Бактрийские горны 1-го типа по своей конструкции близки к маргианским. И в том, и в другом случае вырытая в земле топочная камера по периметру обкладывалась кирпичом, что позволяет предполагать перекрытие в виде лож-

ного купола. Позднее эта конструкция получила дальнейшее развитие в горнах Джин-депе [13, с. 235, табл. XCIV]. Следует заметить, что использование такого строительного приема, как кладка с напуском каждого следующего ряда кирпича (ложный купол), отнюдь не исключает применения керамического диска, который мог закрывать центральное отверстие топочной камеры, если купол выкладывался не полностью.

Наиболее ранние керамические обжигательные горны на территории Северной Бактрии относятся к эпохе бронзы. При раскопках на Сапаллитепа обнаружено три вида керамических печей: подземные, двухкамерные и двухъярусные [1, с. 127–129]. Последние, по всей видимости, являются непосредственными предшественниками двухъярусных обжигательных горнов с прямой вертикальной тягой. Пока мы не можем представить себе эволюцию обжиговых устройств на территории Северной Бактрии в полной мере, так как горнов, относящихся к эпохе раннего железа (первая половина I тыс. до н. э.), в этой области еще не найдено. В то же время качество посуды того периода, безусловно, свидетельствует об их существовании. Керамическое производство эпохи раннего железа зафиксировано на поселении Алтын-3 в Северном Афганистане, однако раскопок здесь не проводилось, конструкция горнов неизвестна, а по визуальным наблюдениям можно говорить лишь о том, что горны были круглыми [36, с. 128].

Таким образом, есть основания полагать, что двухъярусный обжигательный горн мог появиться на территории Северной Бактрии в результате развития более ранних конструкций, например, двухъярусных печей Сапаллитепа. При этом нельзя исключать и определенного влияния керамического производства Маргианы, хотя, быть может, не в такой решающей степени, в какой оно сказывалось в других областях Средней Азии, например в Хорезме [4, с. 65].

Несколько сложнее вопрос о происхождении бактрийских горнов 2-го типа. Обжиговые конструкции с опорным столбом в топочной камере на территории Северной Бактрии неизвестны, а на территории Южного Афганистана горны этого типа появляются в период Мундигак-IV [42].

Округлый двухъярусный горн с опорным столбом или опорной стенкой в топочной камере был широко распространен на территории Южной Туркмении эпохи бронзы [21, с. 40–41; 22, с. 99]. Однако в процессе развития этих конструкций в конце эпохи бронзы (Намазга VI, вторая половина II тыс. до н. э.) керамисты отказываются от подпорных сооружений в топочной камере. Впоследствии развитие именно этого обжигового устройства привело к появлению двухъярусного обжигательного горна с перекрытием в виде ложного купола.

Как представляется в настоящее время, происхождение бактрийских горнов 2-го типа нельзя связывать с продолжением традиций эпохи развитой бронзы. Во второй половине I тыс. до н. э. на территории всей Средней Азии, за исключением Бактрии, посуда обжигалась в горнах без опорного столба или стенки.

Вместе с тем, в западных областях эллинистического мира (Восточное Средиземноморье, Северное Причерноморье, низовья Дона) обжигательные горны с опорным столбом в топочной камере были широко распространены. В Нимфее и Пантикоопе были открыты небольшие горны этого типа (датированные VI–V вв. до н. э.), которые имеют общие черты с подобными устройствами, хорошо известными в античном мире [37, с. 8]. Аналогичные

конструкции известны и на территории материковой Греции периода эллинизма – поселение Айос-Петрос в Южной Греции [44].

В последующие периоды горны этого типа широко распространяются на территории римских провинций, вплоть до Британии [43, с. 10–27], а также в пределах Восточной Европы [3, с. 202–203].

Следует заметить, что у большинства горнов на территории Северного Причерноморья опорные столбы имеют квадратную или прямоугольную форму, тогда как у горнов римского времени на территории Восточной Европы они округлые. А. Бобринский видит в этом принципиальное различие. Квадратный или прямоугольный столб мог выполнять только функцию опоры перекрытия топочной камеры, тогда как округлая или овальная в плане опора могла быть столбом-обтекателем, организующим движение горячих газов по кольцевой траектории. Напомним, что на территории Южной Греции открыты горны с округлыми в плане опорами, выполнявшими функцию обтекателя. Таким образом, по мнению исследователя, история развития этих обжиговых устройств в европейском гончарстве сопряжена с историей так называемого «варварского» мира, хорошо знакомого с технологией керамического производства античности, прежде всего Греции [3, с. 201–202].

На территории Бактрии известны горны 2-го типа только с округлым подпорным столбом. Учитывая конструкцию топочной камеры горнов на Ай-Хануме, есть основания полагать, что, помимо всего прочего, опора могла выполнять и функции обтекателя. Об этом же косвенно свидетельствует и отсутствие жаропроводящих каналов. Горячие газы, движущиеся по кольцевидной траектории, попадали в камеру обжига через многочисленные продухи, расположенные неправильными концентрическими кругами.

Принимая во внимание все изложенное выше, можно высказать предположение о том, что конструкция округлого горна с опорным столбом была принесена на территорию Северной Бактрии греческими колонистами, которые были приверженцами традиций предков не только в области художественной и духовной культуры [2, с. 256], но и в технологии ремесленного производства. Вместе с тем нельзя исключать появление этого типа горнов на территории Бактрии и в период, предшествующий восточному походу Александра. По письменным источникам известны случаи переселения греков, в том числе ремесленников, на восточные окраины ахеменидской державы [17, с. 196–197; 38, с. 203–204]. В связи с этими данными, появление горнов с опорным столбом в эпоху эллинизма на территории именно Бактрии, как области наиболее подверженной влиянию метрополии, кажется не таким уж случайным. Примечательно и то, что подобная конструкция обжиговых устройств продолжает эпизодически использоваться в этой области и в последующий, кушанский период.

Во время раскопок квартала керамистов на Дальварзинтепа была обнаружена округлая топочная камера с опорным столбом в центре, диаметром 40 см. Горн датируется I в. н. э. [29, с. 210]. Вполне вероятно, что отголоском этой традиции является использование опорного столба при ремонте прямоугольного в плане горна на усадьбе Хирман-тепе (II–III вв. н. э.) в оазисе Шах (Южный Таджикистан) [19, с. 68–70].

Таким образом, учитывая известные, пока сравнительно немногочисленные, данные по истории гончарства Северной Бактрии греко-бактрийского

и постэллинистического периода, можно предварительно наметить две линии развития устройств для обжига керамики в этой области.

Первая – дальнейшая эволюция среднеазиатского двухъярусного горна с прямой вертикальной тягой, сформировавшегося на территории Маргианы и, возможно, Бактрии к середине I тыс. до н. э. (горны 1-го типа).

Вторая – использование бактрийскими гончарами конструкции, возможно привнесенной из западных областей эллинистического мира или материковой Греции (горны 2-го типа).

Касаясь вопросов организации гончарного ремесла в древности, необходимо подчеркнуть, что письменные источники и эпиграфические памятники, известные в настоящее время, практически не содержат данных по этой проблеме. Основным источником для возможных исторических реконструкций служат археологические материалы, но и их для исследуемого периода явно недостаточно. Поэтому все представления о формах гончарного производства в указанное время являются гипотетическими. С уверенностью можно сказать лишь то, что технология керамического производства была на высоком уровне, о чем свидетельствует качество посуды [34, с. 301–303].

Из четырех объектов, связанных с керамическим производством в Бактрии эпохи эллинизма, два (Саксанохур и Дальварзинтепа) расположены на территории поселения, один (Кампыртепа) – в пригородной зоне, три горна (Ай-Ханум) – на территории города, но относятся к периоду запустения и частичного обживания городища. В зоне Северной Бактрии пока не раскопано неукрепленных поселений греко-бактрийского времени, поэтому мы ничего не можем сказать о керамическом производстве в сельской округе.

Все указанные выше объекты различны по объемам производства, о чем можно судить по количеству зафиксированных горнов.

На городище Саксанохур к эллинистическому периоду относятся три горна, находящихся рядом друг с другом. Можно предположить, что здесь работала сравнительно крупная мастерская. То обстоятельство, что она была расположена в пределах жилой части городища, дает основание считать, что производство функционировало постоянно. Особо следует отметить, что чуть позже именно на этом месте были построены еще шесть горнов, которые исследователи памятника считают остатками квартала керамистов. Существование керамических мастерских или кварталов на одном и том же месте в пределах городища – явление довольно распространенное для Средней Азии. Достаточно вспомнить гончарный квартал в юго-восточном углу Хазараспа (Южный Хорезм), который просуществовал на одном месте в течение двух с половиной тысяч лет [10, с. 174]. Вероятно, это объясняется тем, что первоначально гончары выбирали наиболее удобные места в пределах городища, которые использовались следующими поколениями на протяжении всей жизни памятника. Надо полагать, что такой первоначальной мастерской и было производство греко-бактрийского времени на Саксанохуре.

Мастерской, работавшей постоянно, по всей видимости, было и гончарное производство на Дальварзинтепа, но в отличие от Саксанохура оно функционировало на этом месте только в течение определенного периода, на раннем этапе жизни Дальварзинтепа, пока размеры поселения были ограничены ранними оборонительными стенами цитадели. В дальнейшем, по мере расширения городища, керамическое производство выносится за пределы

акрополя. На территории нижнего города Дальварзинтепа, надо полагать, в раннекушанский период формируется квартал гончаров, на территории которого вскрыты жилые и производственные помещения, а также кварталный храм при ремесленном хозяйстве [28, с. 203].

Все эти данные, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что городское товарное ремесленное производство, рост и концентрация которого в южных областях Средней Азии отмечаются в начале I тыс. н. э., существует в бактрийских городах уже в эллинистическое время. Об этом же говорят остатки металлообрабатывающего производства в арсенале городища Ай-Ханум, где, по мнению исследователей, работала мастерская по производству оружия [2, с. 254]. Сосредоточение в городах ремесленного производства Б. Литвинский считает одним из основных факторов усиления роли города в системе экономической жизни страны: «Города – центры товарного производства, отсюда их ведущее значение в системе город–деревня–кочевая степь» [18, с. 121]. Особенно ярко это проявляется в Северной Бактрии, на фоне безусловно сельскохозяйственной округи [31, с. 63].

Наряду с постоянно действующими мастерскими, работавшими на рынок, в Бактрии, как показали раскопки последних лет на Кампыртепа, существовали и временные, работавшие периодически, в течение определенного сезона.

Сезонные гончарные производства – явление весьма распространенное, как в наши дни, так и в древности. На территории Средней Азии специализированные сезонные производства по археологическим данным выявлены на территории Хорезма [4, с. 20–21].

Они известны и по этнографическим данным. Характерная особенность сезонных производств состоит в том, что организаторы последних перемещались из района своего постоянного местожительства в район или районы обитания непосредственных потребителей их посуды, обычно имея при себе несложный инструментарий, необходимый для работы, прежде всего гончарный круг. Сырье добывалось на месте, там же устраивались приспособления для обжига [3, с. 86–87]. Так, еще в начале XX в. в отдаленные селения Ташкентского оазиса, обычно в летнее время, приезжали мастера из ближайшего центра, выделывали на месте глиняную посуду, обжигали ее и продавали местным жителям [41, с. 164].

Весьма вероятно, что такая же форма ремесленного производства существовала на территории Северной Бактрии в III–II вв. до н. э., о чем свидетельствуют материалы раскопок на Кампыртепа.

По-видимому, такие же небольшие мастерские, как на Кампыртепа, существовали на руинах городища Ай-Ханум, используя гончарами после того, как город был оставлен жителями.

Таким образом, по имеющимся в настоящее время данным можно предполагать наличие в Северной Бактрии эпохи эллинизма нескольких форм ремесленного гончарного производства.

Первая – постоянно действующие мастерские в пределах города, производившие продукцию для рынка, снабжая посудой и сельскую округу. Вторая – небольшие мастерские, располагавшиеся в непосредственной близости от населенных пунктов; в них работали профессионалы-керамисты, но не постоянно, а во время какого-то определенного сезона и, возможно, производя посуду на заказ.

Примечания:

¹ За относительный репер принят уровень дневной поверхности в западной части раскопа (у южного борта землянки).

² Подобная конструкция характерна для округлых обжигательных горнов (см.: Мережин Л. Н. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе // Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962; Болелов С. Б. Керамические обжигательные печи Нурумского поселения в Северной Туркмении // Новые открытия в Приаралье. Вып. 1. М., 1991. С. 76–82).

Библиография:

1. Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы на юге Узбекистана. Ташкент, 1974.
2. Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизации эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры. М., 1986.
3. Бобринский А. А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М., 1991.
4. Болелов С. Б. Гончарство Древнего Хорезма: формы организации ремесла // ЭО. 1997. № 2.
5. Болелов С. Б. Керамические обжигательные печи Нурумского поселения в Северной Туркмении // Новые открытия в Приаралье. Вып. I. М., 1991.
6. Болелов С. Б. Керамическое производство на территории Средней Азии в конце I тыс. до н. э. // Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития. Ташкент, 1997.
7. Болелов С. Б. Некоторые итоги археологических работ на Хумбузтепа // ОНУ. 1999. № 9–10.
8. Вайнберг Б. И., Болелов С. Б. Нурумский оазис на западе Хорезма // Культурные ценности 1997–1998. СПб., 1999.
9. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
10. Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1961 гг. // МХАЭ. Вып. 6. М., 1963.
11. Воробьева М. Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1961.
12. Джаббаров И. М. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
13. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР. М., 1985.
14. Иваницкий И. Д. Сары-тепе 2 – поселение керамистов середины I тыс. до н. э. под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992.
15. Исамиддинов М. Х., Раимкулов А. А. Квартал керамистов на Ер-Кургане VI–VII вв. // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
16. Исамиддинов М. Х., Хасанов М. Х. История древнего и средневекового керамического производства Нахшаба. Ташкент, 2000.
17. Кузьмина Е. Е. Бактрия и эллинский мир в эпоху Александра // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М., 1978.
18. Литвинский Б. А. Кушанский город. Индийско-среднеазиатские параллели // Древний Восток и мировая культура. М., 1981.
19. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-Шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
20. Масимов И. С. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-депе // КД. Вып. IV. Ашхабад, 1972.
21. Масимов И. С. Керамическое производство эпохи бронзы в южном Туркменистане. Ашхабад, 1976.

22. Массон В. М. Алтын-депе // ТЮТАКЭ. Т. XVIII. 1981.
23. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73. М.; Л., 1959.
24. Мережин Л. Н. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе // ТЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
25. Мухитдинов Х. Гончарный квартал городища Саксанохур // Известия АН ТаджССР. ООИ. Душанбе, 1968. № 3 (53).
26. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии // Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. XLII. М., 1959.
27. Пидаев Ш. Р. Керамика Джига-тепе // Древняя Бактрия. Вып. 3. М., 1984.
28. Пугаченкова Г. А. Дальверзин-тепе и некоторые общие вопросы истории и культуры северной Бактрии // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
29. Пугаченкова Г. А. Керамические печи кушанского времени в южном Узбекистане // СА. 1973. № 2.
30. Пугаченкова Г. А., Некрасова Е. Г. Керамика Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе – кушанский город... Указ. изд.
31. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия – Тохаристан: очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.
32. Ртвеладзе Э. В. Великий Шелковый путь. Ташкент, 1999.
33. Ртвеладзе Э. В. Цитадель. Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе – кушанский город... Указ. изд.
34. Сайко Э. В. Некоторые особенности керамики кушанского периода Северной Бактрии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975.
35. Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982.
36. Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
37. Свод археологических источников Г 1-20 // Археология СССР. М., 1966.
38. Ставиский Б. Я. Античный мир, его традиции и элементы в истории культуры и искусства Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М., 1978.
39. Шишкина Г. В. Керамика конца IV–II вв. до н. э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
40. Шишкина Г. В. Материалы первых веков до н. э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.
41. Шишов А. Сарты // Сборник для статистики Сырдарьинской области. Вып. IX. Ташкент, 1904. Цит. по: Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // ТХАЭЭ. Т. IX. М., 1976. С. 217.
42. Casal J. M. Fouilles de Mundigak // MDFA. T. XVII. Paris, 1961.
43. Dordez Ph. The Structure of romano-british potteri kilns // The Arhaeological Jornal. T. CXIV. London, 1959.
44. Drews G. Entwicklung der Keramikbrennofen // Acta prachistorica et arhaeologica. 1978/1979. Bonn, V 9/10, 1979.
45. Gardin J.C. Les ceramiques // MDFA. T. XXI. Paris, 1973.
46. Lyonnet B. Ceramique et peuplement du chalcolithique a la conquete arabe. Paris, 1997.
47. Veuve S. Le Gymnase. Architecture, ceramique, sculpture // MDFA. T. XXX. Paris, 1987.

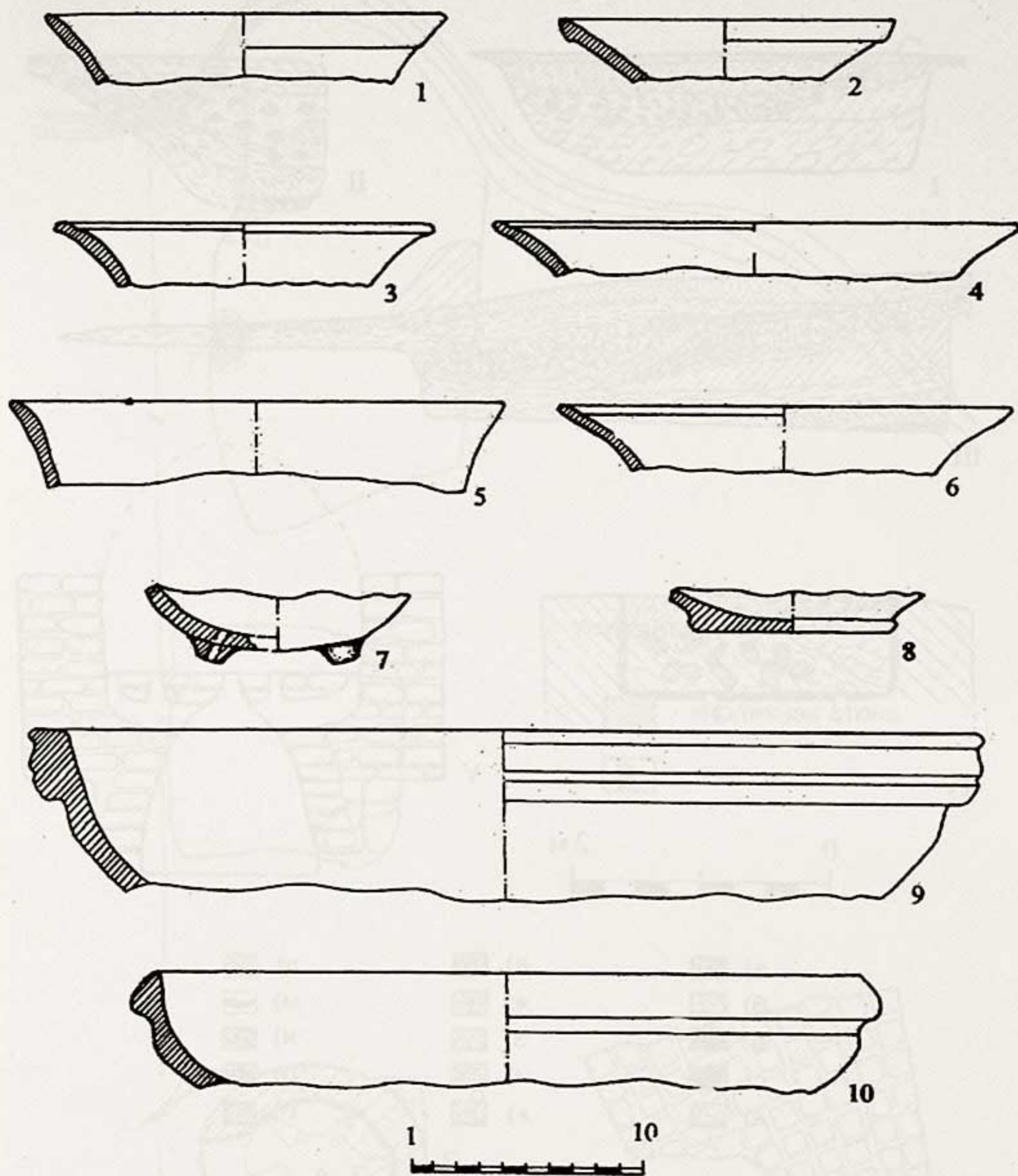

Рис. 2. Горн 1. Керамика.

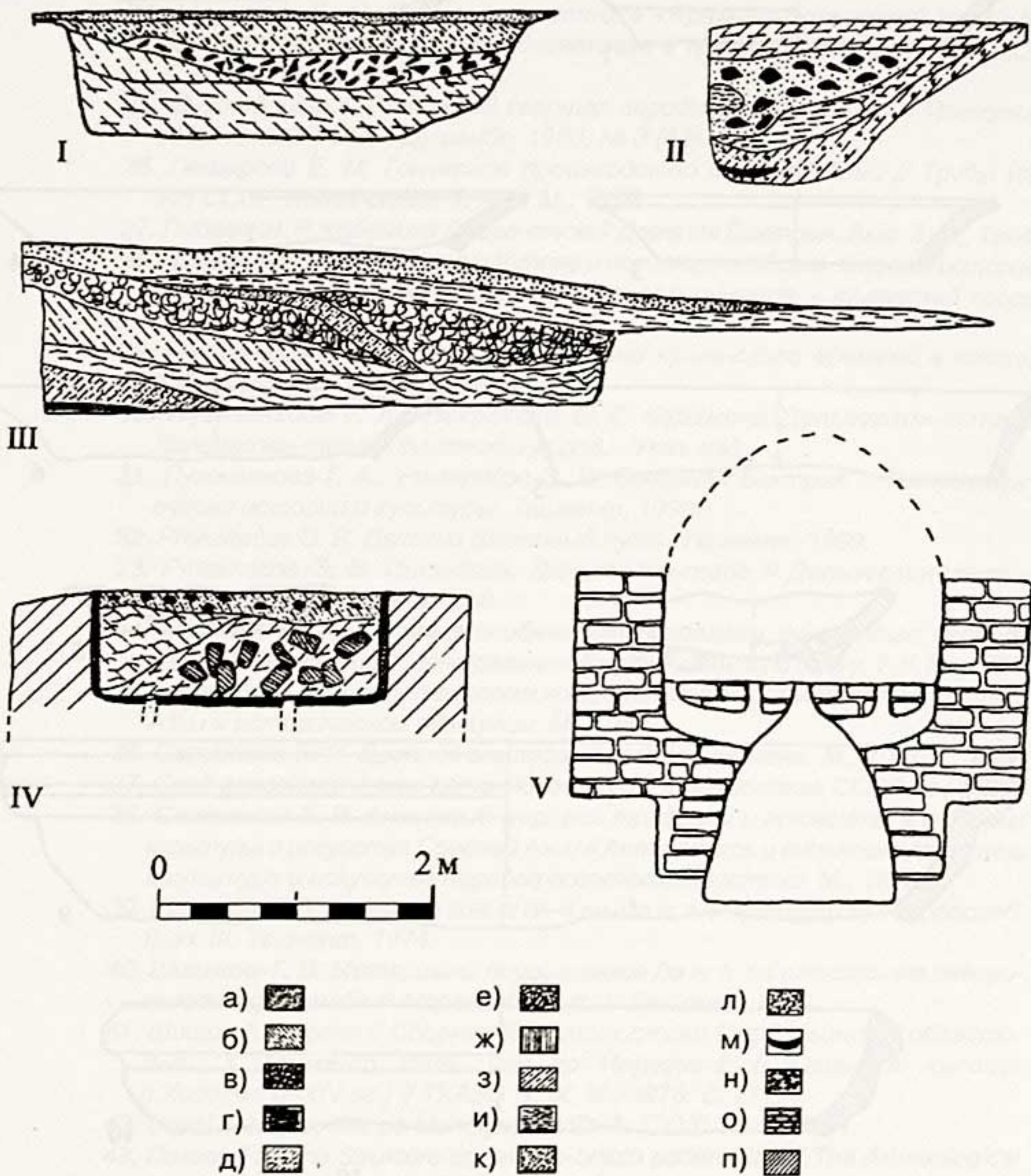

Рис. 3. Раскоп №8. Разрезы:
 I – разрез мусорной ямы по линии Ю – С;
 II – разрез ямы перед входом в топку по линии В – З;
 III – разрез землянки по линии Ю – С;
 IV – разрез обжигательной камеры горна по линии Ю – С;
 V – вариант реконструкции горна.

Условные обозначения: а) пылевидная супесь, б) рыхлая супесь, в) комковатая супесь, г) слой натеков, д) плотная земля, е) слой завала, ж) слой забутовки, з) рыхлая земля, и) плотная глина, к) рыхлая супесь с золой и угольками, л) рыхлая комковатая земля, м) зольник, н) куски обожженной глины, о) кирпичная кладка, п) кирпичная стена.

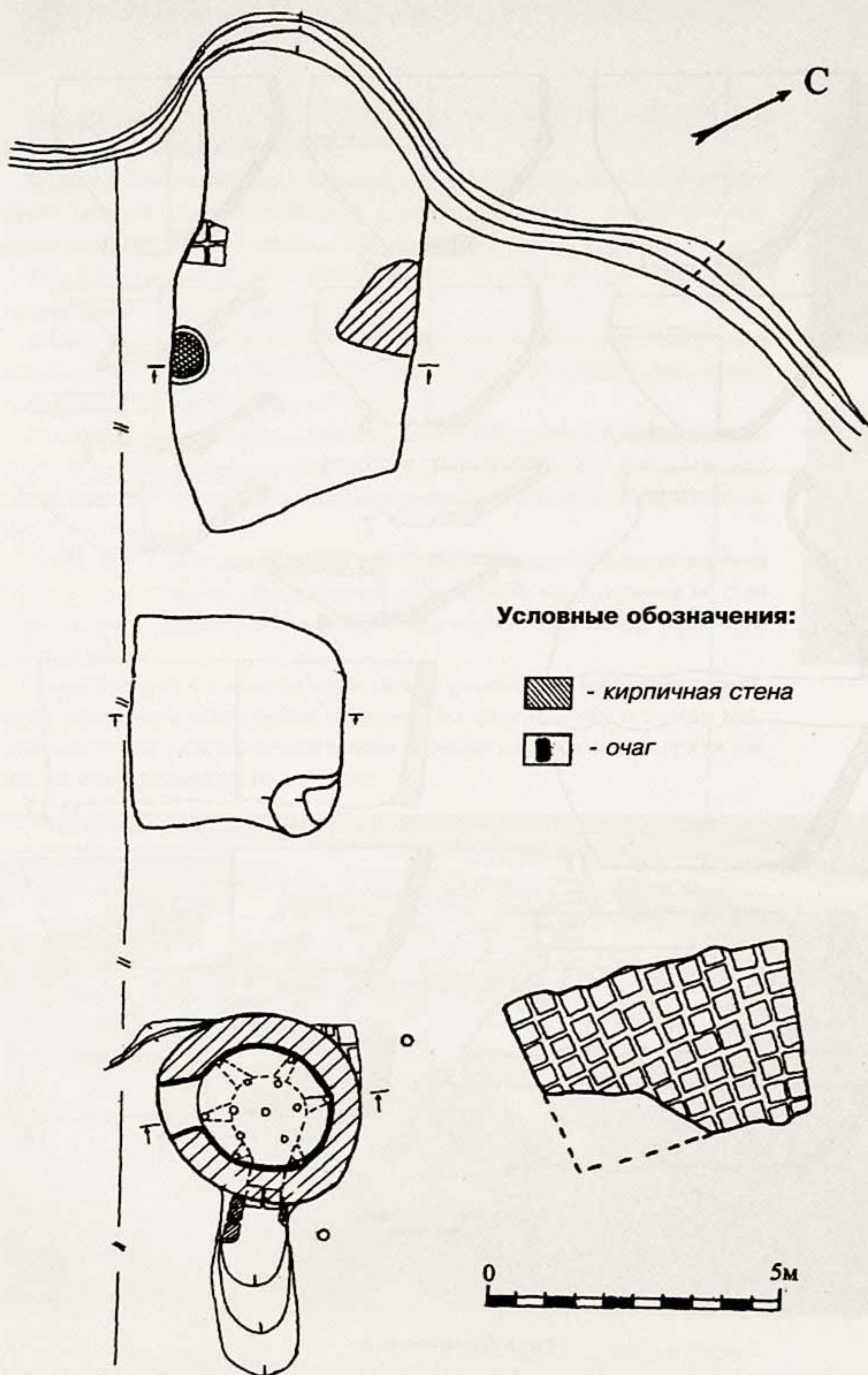

Рис. 4. Горн 2. План.

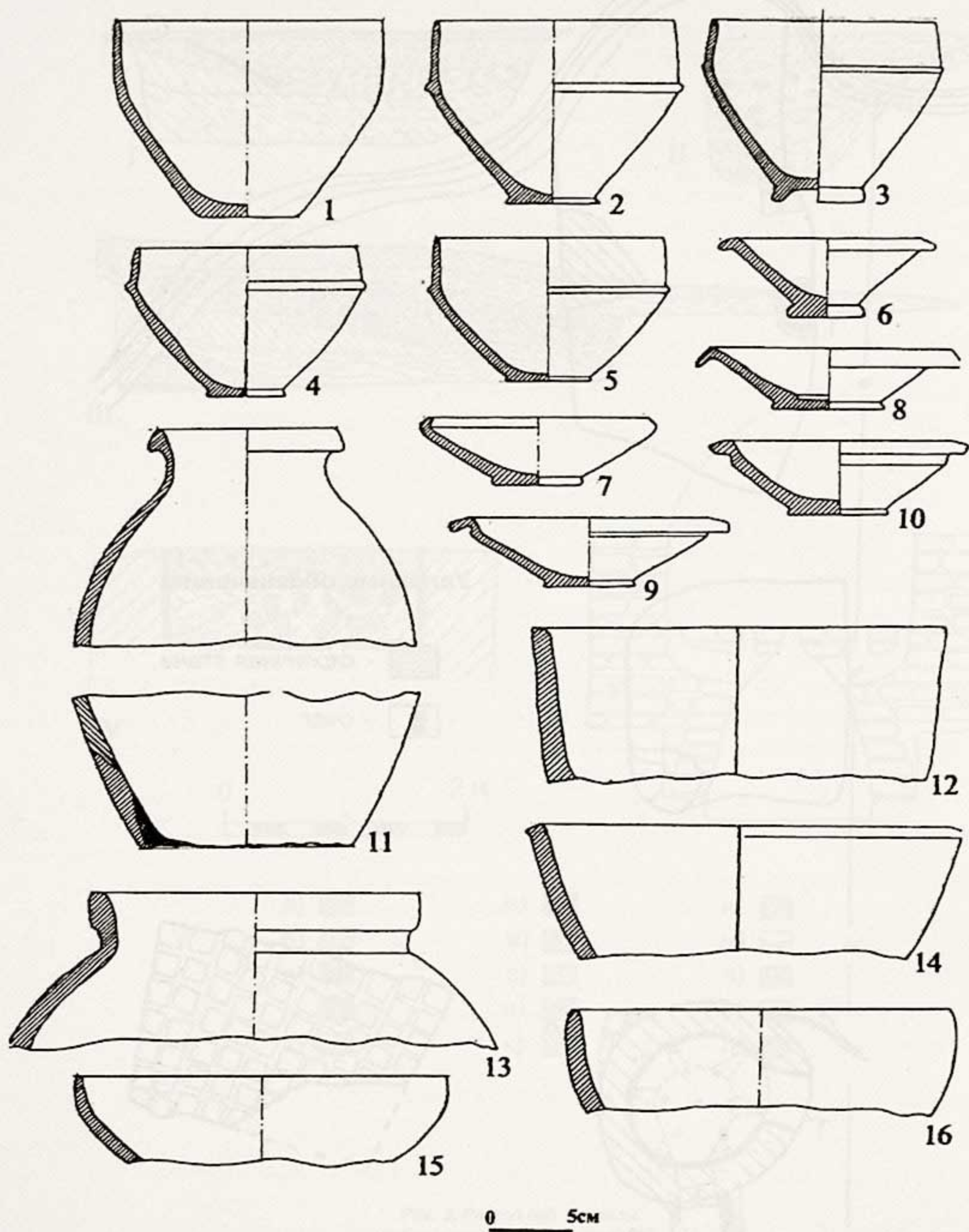

Рис. 5. Горн 2. Керамика.

Данная статья продолжает публикацию материалов археологических работ на квартале-блоке № 5 [1].

Основные работы полевого сезона 2000 г. были сосредоточены на изучении улицы-1 (южная), улицы-2 (северная), стрелковой галереи – основной улицы, идущей вдоль крепостной стены, и помещений в блоке № 5 (рис. 1).

Улица-1. С южной стороны ограничивает блок № 5 от блока № 4, следуя в направлении с востока на запад.

Общая длина вскрытой части улицы составляет 26,9 м. В восточной части она примыкает к стрелковой галерее и имеет длину 3,36 м. Какой-либо проход в стрелковую галерею в ней отсутствует.

С северной стороны улица ограничена стеной блока № 5, которая изогнута под углом, отчего ширина улицы в этой части варьирует от 3 до 5 м. На расстоянии 9 м от восточной стены улица выравнивается и следует параллельно стене блока № 4.

Блоки № 4 и № 5, образующие улицу, выложены из сырцового кирпича 32х32х12 см и покрыты глиносаманной штукатуркой, но, в отличие от стен внутри зданий, лишены побелки. Кладка стен ровная, швы между кирпичами от 5,0 до 7,0 см.

Стена блока № 4 в нижней части сильно размыта, по всей вероятности, именно здесь находился проход, соединявший данную улицу с блоком №4. Сохранилось два ряда кирпичной кладки, стоящих на рыхлом слое, тогда как в центре стена возведена на материке.

Верхний слой в заполнении улицы представлен мощным надувным слоем, толщиной местами до 0,5 м. Значит, перекрытие на этом участке отсутствовало. С отметки 0,5 м от древней дневной поверхности идет плотный слой земли с фрагментами сырцовых кирпичей и битой керамики. Его мощность – 0,1–0,2 м. На отметке 0,7 м зафиксирован первый пол, который представляет

Рис. 1.
Общий вид раскопа.

собой глиняную промазку. В западной части улица имеет понижение, и в этом месте с отметки 1,30 м проходит горелый слой. Наибольшая концентрация его зафиксирована в западной части улицы, у стены блока № 4. На отметке 1,50 м зафиксирован второй пол (рис. 2, 1). Третий пол проходит непосредственно по материку и обнаружен на отметке 1,60 м от дневной поверхности. У восточной стены стояло три хума, остатки которых были зафиксированы работами 80-х годов. Большое количество толстостенной керамики найдено в середине улицы. Два других хума, вернее, остатки их днищ, найдены у западной стены. Здесь же обнаружены фрагменты керамических крышек диаметром 0,60–0,70 м.

Целых форм сосудов здесь не найдено. Из фрагментов отметим стенки и венчики кувшинов, венчики чаш, светильников, тагары и хумчи (рис. 3, 4, 7–10, 13, 16, 19).

Чаши имеют изогнутые стенки тулова, переходящие в вертикальный или слегка загнутый внутрь бортик. Диаметр по венчику от 13,0 до 24,0 см; толщина стенок тулова – 0,4–0,7 см. Венчик приострен или закруглен. Все экземпляры изготовлены на гончарном круге. Тесто хорошей отмучки. Изнутри и снаружи фрагменты венчиков и стенок покрыты плотным красно-коричневым или коричневым ангобом. Встречается и ангоб светло-серого цвета.

Хумчи по своим формам аналогичны хумам, но меньших размеров. Диаметр по венчику – 20–25 см. Изготавливались из глины светлого цвета, но встречаются и красноглиняные.

Тагара представлены двумя группами: столовые и хозяйственные. Хозяйственные тагара имеют усеченно-коническую форму. Венчики нескольких вариантов. Наиболее распространенным видом являются профилированные венчики в виде двух или трех желобков (рис. 3, 5, 6).

В отличие от хозяйственных, столовые тагара меньших диаметров, венчики их оттянуты наружу. С внутренней стороны они обычно покрывались ангобом. Изнутри на стенках сосудов, ближе к венчику, располагался волнистый орнамент.

Улица-2 (северная). Отделяет блок № 5 от блока № 4 и выходит в стрелковую галерею-улицу. Ширина прохода 1,4 м.

Выявленная длина (с востока на запад) составляет 37 м, но, по всей видимости, она была длиннее, так как западная ее часть размыта.

Стены зданий, окаймляющих улицу, выложены из сырцового кирпича 30–33х30–33х10–12 см, покрыты глиносаманной штукатуркой.

В стене блока № 1, на расстоянии 19,5 м от стрелковой галереи-улицы, имеется проход шириной 1 м, щеки которого гладко оштукатурены и покрыты побелкой.

Ширина улицы на разных ее участках варьирует от 1,57 до 2,53 м. Наиболее широкое место фиксируется в ее середине, в районе примыкания к помещениям 23–24 в блоке № 1.

Для изучения стратиграфии и конструкции северной стены в западной части улицы был сделан разрез (рис. 2, 3). В результате выяснилось, что каркасом данной стены служил материковый останец, который обкладывался сырцовыми кирпичами. В некоторых случаях зазоры между останцом и кладкой заполнялись грунтом, в котором встречаются угольки, зола, кости животных и прочий хозяйственный мусор.

Высота сохранившейся северной стены в месте разреза составляет 1,4 м, ширина – 1,6 м.

Мощность культурного слоя внутри улицы на вскрытом участке – 1,3 м. Верхний слой представляет собой мягкий слой земли, который проходит на глубину 0,25–0,3 м. Толщина этого уровня доходит до 0,05 м. Он перекрывает слой завала, в котором встречаются фрагменты сырцовых кирпичей и другого строительного мусора. Его мощность – 1,2–1,25 м.

С отметки 1,6 м от дневной поверхности под слоем завала проходят натечные и надувные слои мощностью до 0,1 м, которые лежат на втором полу улицы. Промазка этого пола выполнена по забутовке, которая, в свою очередь, лежит на втором полу. Уровень этого пола – 1,3 м от дневной поверхности. С отметки 1,3 м до отметки 1,8 м проходит плотный, утрамбованный слой земли, который лежит на третьем полу. Этот пол вымазан непосредственно по материку (рис. 2, 2).

По сравнению с улицей-1, находки керамического материала на улице-2 немногочисленны. Отметим верхнюю часть небольшого одноручного кувшина, найденного в верхнем слое, на уровне первого пола. Он изготовлен из глины светло-красного цвета, тесто хорошей отмучки, без примесей. Диаметр венчика – 5 см. Венчик отогнут наружу. Тулово округлой формы. Ручка крепится к венчику, а внизу к плечикам тулова. По плечу идут две концентрические полосы. Горловина и часть тулова покрыты красно-коричневым ангобом. Из других сосудов, имеющих археологически целую форму, отметим светильник в виде тарелочки, диаметр венчика – 12,5 см, диаметр донца – 5 см. В этом же культурном слое найдена ручка от кувшина, оформленная в виде животного, напоминающего тигренка или кошку (рис. 4). Морда животного округлой формы, уши переданы небольшими бугорками, пасть широкая и чуть приоткрыта, язык высунут, ноздри раздуты. Глаза глубоко посажены и переданы кружками. Ручка выполнена из глины красно-коричневого цвета, сохранилось покрытие ангобом.

В культурном слое, который относится ко второму полу, найдена терракотовая фигурка, изображающая женщину в позе наездницы; туловище вылеплено вручную, голова оттиснута в матрице. Лицо овальной формы, глаза миндалевидные, небольшой рот. Голова украшена высокой прической.

Правая рука отбита полностью, левая сохранилась несколько выше локтя. Ноги переданы толстоватыми «культями». Сзади следы скола, по всей вероятности от штыря, который выполнял роль держателя (рис. 5, 1; фото 1). Особо отметим фрагмент венчика от хума, на котором имеются оттиски двух гемм. На первом изображена сцена гона хищником оленя. На втором оттиске изображены два персонажа – мужской и женский (рис. 5, 3; фото 3, 4).

В западной части улицы, в месте ее сильного разрушения, найдена стенка кувшина, на которой имеется налест в виде головы кабана с непропорциональными ушами, левый глаз расположен выше правого, отчетливо просматривается пяточок (рис. 5, 2; фото 2). Размеры фрагмента – 7х4 см.

С внешней стороны стены улицы, при ее разрезе на уровне второго пола, найдены три монеты Канишки. Из других находок отметим железный наконечник стрелы (рис. 5, 4), найденный внутри улицы на третьем полу, и два керамических грузила из обожженной глины.

Стрелковая галерея-улица. Проходит по всему периметру крепостной стены городища, в том числе и вдоль восточной части блоков-кварталов № 5 и № 1.

Крепостная стена здесь возведена непосредственно на специально подрубленном материке из сырцового кирпича (30–33х30–33х10–12 см) вперевязку.

Ширина стрелковой галереи 1,80–2,25 м. Уровень ее самого нижнего пола совпадает с уровнем нижней постели кладки крепостной стены. Внутренние стены галереи, в отличие от крепостных, на некоторых участках стоят на рыхлом слое, который перекрывает самый первый по времени функционирования пол. Следовательно, крепостная стена возведена ранее, чем стена здания блока № 5. Таким образом, стрелковая галерея возводилась не специально и одновременно со стенами, а образовывалась после строительства стен здания блока № 5, так же, как и других блоков.

Общая длина выявленной части галереи с восточной стороны – 58 м. Археологическим раскопкам подвергался участок длиной 20 м, примыкающий к пом. 17 и 18 блока № 5, где были выявлены чередующиеся культурные слои с остатками керамики, костями животных, золой, разделенные тремя уровнями полов.

На расстоянии 17 м к югу от стыка улицы-2 и стрелковой галереи, напротив юго-восточного угла пом. 17, крепостная стена и заполнение внутри галереи были разрезаны шурфом (рис. 2, 3; рис. 26). Репер здесь установлен на верхней постели кирпичной кладки крепостной стены, соответствующей 2,25 м от общего репера (далее – о. р.).

После снятия 10 см слоя мягкой земли по всей площади раскопа выявлен слой плотной светло-коричневой земли с фрагментами сырцовых кирпичей и керамики. Керамический материал представлен фрагментами чаш, мисок, кувшинов, тагара и хумов (рис. 3, 11, 12, 14, 15, 18, 22).

В западной части галереи мощность этого слоя достигает 0,20–0,25 м. Ниже него проходит слой мягкой земли коричневого цвета, в котором встречаются угольки с золой и большое количество костей животных. Он лежит непосредственно на втором полу¹, который зафиксирован на отметке 0,4 м от дневной поверхности (2,69 м от о. р.).

Мощность слоя, лежащего непосредственно на втором полу, колеблется от 0,05 до 0,12 м.

Первый пол, относящийся к началу функционирования крепостной стены, зафиксирован на отметке 0,64 м (2,93 м от о. р.). Заполнение между первым и вторым полами включало в себя мягкую землю с большим количеством костей животных и органики. Здесь же найден рог животного (козла?), который, по всей вероятности, являлся заготовкой для ручки ножа или иного предмета (рис. 5, 12).

На втором полу найдены медная монета Канишки I и два пряслица из мраморовидного известняка диаметром 3,2 и 3,5 см. В верхнем слое обнаружена ручка кувшина в виде животного, аналогичная найденной на улице-2 (рис. 7).

Из других находок в этом слое отметим терракотовую статуэтку, на которой изображен мужчина, облаченный в накинутый на плечи плащ. Левая рука его, по локоть закрытая плащом, прижата к груди, в ее кисти находится какой-то предмет, напоминающий фигурку животного или птицы. Правая рука опущена вдоль тела, ладонь внутренней стороной прижата к бедру. Из-под пояса

спускается гофрированная «юбка». Высота фигурки – 10 см, ширина – 5 см, толщина – 2,5 см; с тыльной стороны и по бокам следы подрезки ножом и заглаживания. На лицевой стороне следы красно-вишневого ангоба (рис. 6).

В середине галереи прослежен горелый слой толщиной 0,15–0,20 м, уходящий под стену блока № 5, на котором, следовательно, она была возведена. Ниже него проходит слой органики зеленоватого цвета. Ниже уровня третьего пола залегает забутовка из материкового грунта, которым выравнивался этот участок.

Керамический материал из галереи аналогичен материалу из помещений жилого комплекса и также делится на три категории по функциональному назначению – столовая, тарная и кухонная.

Были продолжены работы по дальнейшему исследованию блока-квартиры № 5, зачищены пом. 16, 17, 23, 24, 25 и полностью вскрыты пом. 18, 19, 20, 21.

Пом. 16. Находится в восточной части блока, примыкая к стрелковой галерее; с юга имеет общую стену с пом. 2. В плане имеет квадратную форму, размеры: 3,6–3,7х3,8 м, при высоте сохранившихся стен 0,9–1,2 м, толщине 1,1–1,6 м. Они сложены из сырцового кирпича (30–32х30–32х10–12 см) и покрыты глиносаманной штукатуркой в три слоя, по которой наносилась побелка из алебаstra.

За нулевую точку высотных обмеров была принята наивысшая точка на дневной поверхности, которая соответствует 1,85 м от о. р.

Заполнение пом. 16 до отметки 0,65 м / 2,45 м² представляло собой слой не очень твердой земли с включением керамики, сырцовых кирпичей, костей животных, золы и угольков. Из керамики отметим фрагменты трех разных хумов, венчики, стенки и донца кувшинов, тарелок и светильников.

На отметке 0,65 м / 2,45 м зафиксирован пол-1. В юго-восточном углу на уровне пола выложен желобок из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро и идущих вдоль восточной стены. Ниже этой выкладки проходит завал из сырцовых кирпичей, который идет до пола-2. Ко времени сооружения этой конструкции относятся ремонтные работы на северной стороне в виде выкладки из одного ряда сырцовых кирпичей (31–32х31–32х11–12 см) по ее периметру. Нижняя постель этой кладки приходится на отметку 2,5 м от о. р. По всей вероятности, в последний период функционирования данного помещения его стены были подняты и укреплены за счет этой кладки.

В западной стене, на расстоянии 1 м от северо-западного и 2 м от юго-западного угла, имеется ниша шириной 0,8 м. Вход в помещение не найден. По всей вероятности, это было складское помещение, вход в которое находился сверху.

Пом. 17. Расположено к северу от пом. 16. В плане трапецевидной формы; 8,2х4,2х1,1 м при толщине стен 1,1 м.

На стенах помещения, сложенных из кирпича (32х32х12 см), сохранились остатки глиносаманной штукатурки, толщиной до 4 см.

Верхний слой в помещении состоял из рыхлой земли, толщиной 0,4–0,8 м. Ниже него залегает слой плотной земли, с фрагментами сырцовых кирпичей от рухнувших стен. Под ним (0,9 м – 1,20 м) – слой мягкой земли толщиной 30 см.

На глубине 1,2 м от дневной поверхности зафиксирован первый пол помещения. Вдоль восточной стены на этом уровне зафиксирован горелый

слой, содержащий большое количество костей животных, угольков и фрагментов керамики.

Из керамики отметим фрагменты стенок, венчиков и донец крупных сосудов – хумов и хумчи. Найдено два венчика от разных хумов. Диаметр первого – 36 см, второго – 37 см. На шейке одного из них имеется валик. Изготовлены из глины светло-коричневого цвета. Хумча по форме аналогична хумам, но меньшего размера. Диаметр по венчику – 21 см.

В южной части помещения найдено три керамических грузила пирамидальной формы с отверстием сверху. Из другой керамики отметим фрагменты венчиков и донец кувшинов, чаш, тарелок и мисок. В северо-восточном углу помещения на первом полу найдена монета Вимы Кадфиза.

Пом. 18. Первоначально принималось за одно помещение, однако впоследствии здесь выявлены еще два помещения. Можно полагать, что первоначально здесь был большой двор, на последнем этапе функционирования разделенный на три помещения, обозначенные под номерами 18, 18а и 18б.

Пом. 18 прямоугольное в плане, 5,9х4,1–4,3 м при толщине стен 0,9–1,0 м, сохранность – 0,7–0,8 м по высоте. В северной стене помещения имеются два дверных проема, соединяющих пом. 19 и 20. В центре стены находится алтарь, выложенный из жженого кирпича 31х31х4 см, поставленного на ребро. Размеры алтаря – 0,7х0,8 м.

Пол в помещении обнаружен на уровне 2,72 м от о. р. на глубине 0,95 м от дневной поверхности. Выложен сырцовым кирпичом (30–33х30–33х12–14 см). От южной стены до северной насчитывается 18 рядов кирпичей, а с запада на восток – 12. Размеры швов между кирпичами варьируют от 1,6 до 3,0 см. Заполнение в швах состоит из мелкого речного песка.

В северо-восточном углу, на расстоянии 1,15 м от северной и 0,50 м от восточной стены, зафиксирована яма диаметром 0,3 м, выкопанная в полу. Южнее, на расстоянии 0,8 м, зафиксирована еще одна, но меньшего диаметра – 0,2 м к южной стене, в ее середине устроен очаг из сырцового кирпича (32х32х12 см).

Заполнение помещения состояло из слоя мягкой земли с включением сырцовых кирпичей и упавшей глиносаманной штукатурки с алебастровой побелкой.

Пом. 18а. Расположено к северу от пом. 18, прямоугольное в плане (2,2–2,4х3,4–3,55 м). Толщина стен – 0,6–1,0 м.

Наибольшая высота стен – 0,9–1,0 м – приходится на северо-восточную часть помещения. Стены сложены из сырцового кирпича (30–31х30–31х18 см) и покрыты глиносаманной штукатуркой. Дверной проем отсутствует: вполне возможно, что попасть в это помещение можно было только сверху при помощи лестницы.

Верхние слои пом. 18а состояли из мягкой земли, в которой встречались фрагменты керамики и кости животных. Пол зафиксирован на отметке 2,75 м от о.р. Он представляет собой слой глиняной промазки, выполненной прямо по матерiku. Его толщина варьирует от 2 до 4 см. Наиболее толстый слой зафиксирован в восточной части, где идет понижение материка для его выравнивания.

У восточной стены на полу найдена медная монета Канишки I. На этом же уровне обнаружены три пряслица из белого мраморовидного известняка.

Из керамики отметим фрагмент чаши темно-коричневого цвета. Тулово полусферическое. Венчик чуть отогнут наружу, поддон невысокий, дно слегка вогнутое. Диаметр венчика – 16,0 см, высота – 7,9 см, диаметр дна – 5,5 см.

Пом. 18б. Расположено к северу от пом. 17, а с востока примыкает к стрелковой галерее. Длина восточной стены – 9,20 м. Северная стена имеет длину 3,66 м и выходит к улице-2.

Западная стена имеет коленообразную форму, ибо состоит из двух частей. Первая часть – это восточная стена пом. 18а, ее длина – 2,50 м. Возведена она на рыхлом слое, в котором встречается большое количество золы и угольков. На расстоянии 2,80 м от северо-западного угла стена делает поворот на восток, а затем снова уходит на юг. На этом участке она является стеной пом. 18, но проследить ее удалось в длину лишь на 3,50 м.

На северной и восточной стенах отчетливо видны следы ремонтных работ, относящихся ко II строительному периоду.

Пол этого периода обнаружен на отметке 0,9 м от дневной поверхности и представляет собой глиняную промазку толщиной 0,3–0,4 см. С этого уровня начинается кладка из сырцового кирпича, выложенная впритык к северной и восточной стенам. Следовательно, происходила перепланировка этого помещения. К этому времени, по всей вероятности, относится и возведение западной стены, в результате получаются три обособленных друг от друга помещения, возникающих на месте данного помещения или двора.

Заполнение пом. 18б до первого пола включало в себя слой не очень плотной земли, в которой встречалось большое количество битой керамики. До 60% ее относится к тарной и кухонной посуде. В основном это фрагменты стенок, венчиков и донец от хумов, хумчи, тагара, котлов, горшков и кувшинов. Изготовлены они, за исключением котлов, из глины хорошей отмучки. Цветовая гамма черепков – от светло-коричневого до коричневого.

От уровня 0,9 м до отметки 1,5 м залегает слой мягкой земли с включением большого количества костей животных, золы, пепла, угольков и строительного мусора. На глубине 1,20 м от дневной поверхности вдоль восточной стены отмечен зольник толщиной 0,2–0,3 м. Второй пол помещения зафиксирован на отметке 1,5 м. На этом уровне работы в помещении остановлены.

Пом. 19. Находится к западу от пом. 18 и 18а, имея с ними общую стену. Прямоугольное в плане (5,1х3,7х3,95 м), с двумя проходами в восточной стене (ширина – 0,9 м) и в западной.

Вдоль восточной и северной стен помещения выложена платформа типа суфы из сырцового кирпича шириной 1,45–1,75 м при высоте 0,35 м. Однако, на наш взгляд, платформа не могла выполнять роль суфы, ибо ее края упираются непосредственно в проходы и перекрывают их. Скорее всего, этим возвышением подчеркивалась обособленность центра помещения, где находился огонь, следы которого зафиксированы в ходе работ. Вокруг кострища зачищены углубления, аналогичные имеющимся в пом. 18 и 23. В ямках найдены фрагменты керамики, а само заполнение состояло из пылевидного грунта, перемешанного с пеплом и золой. На полу найдена подвеска из египетского фаянса синевато-голубоватого цвета, имеющая амфоровидную форму, с массивной головкой, состоящей из валика и округло-конического стерженька с отверстием. На боках бусины гофрированный орнамент, в нижней части – перехват. Длина – 2,4 см, высота корпуса – 1,6 см, диаметр – 0,9 см (рис. 5, 10).

Пом. 20. Расположено с южной стороны пом. 19, имея с ним общую стену длиной 2,3 м. С запада пом. 20 примыкает к пом. 21. В настоящее время западная стена раскопана в длину на 5 м от северо-западного угла, далее раскоп остановлен, ибо скопившиеся отвалы из пом. 20, 21 и 26 мешают полному вскрытию. Поэтому не удалось полностью раскопать и южную стену.

В восточной стене помещения имеются дверные проемы, ведущие в пом. 18 и 17. Длина этой стены до дверного проема – 1,7 м. Проход в пом. 17 имеет ширину 1,2 м. Остальная часть восточной стены раскопана в длину на 3 м.

Рельеф местности здесь имеет тенденцию к понижению, поэтому слои сильно размыты и культурный слой не имеет такой мощности, как в других помещениях.

Заполнение пом. 20 состояло из плотного слоя земли мощностью 0,50–0,56 м, в котором встречаются фрагменты сырцовых кирпичей. Целых форм керамики не обнаружено. Пол выявлен на глубине 2,9 м от о.р.

Пом. 21. Расположено к западу от пом. 20, с севера примыкает к пом. 23, соединяясь с ним дверным проходом. Длина северной стены – 4,8 м, толщина – 1 м. Восточная стена раскопана на длину 5 м, а затем раскоп остановлен из-за отвалов. Такая же ситуация и с западной стеной.

В ходе раскопок установлено, что на последнем этапе своего функционирования это был двор, который образовался при объединении пом. 21 и 26.

На этом этапе во время правления Канишки в пом. 21 были произведены ремонтные работы, которые заключались в сносе западной стены, а оставшаяся часть стены высотой 0,4 м, вернее, ее верхняя постель, служила уровнем пола-1. Он зафиксирован на отметке 0,95 м от дневной поверхности (2,6 м от о. р.).

Стены пом. 21 сложены из сырцового кирпича (32х32х12 см). Местами сохранились следы штукатурки с побелкой. В северной стене, на расстоянии 0,4 м от угла, выявлен дверной проем шириной 1,05 м, ведущий в пом. 23. В проходе имеется порожек высотой 0,1–0,2 м. Около него у северной стены в пол был врыт хум, венчик которого был вровень со вторым полом. Пол в помещении находится на отметке 1,74 м от дневной поверхности (3,3 м от о. р.).

Заполнение пом. 21 состояло из слоя мягкой земли мощностью 0,3–0,4 м. Затем шел слой плотной земли, образованный рухнувшими стенами. В разрезе этого слоя отчетливо видны куски сырцовых кирпичей и прожилки белой побелки. Его мощность – 0,50–0,65 м. В этом же слое и под ним проходят натечные и надувные слои, которые лежат на первом полу. В этом слое найдено несколько железных фрагментов, по всей вероятности, ножей (рис. 5, 5, 6).

Под полом проходит утрамбованный слой земли, который лежит на полу-2, а сам пол накатан на материк и находится на отметке 3,3 м. С уровня пола-2 получено несколько находок:

- заколка (стиль). Изготовлена из слоновой кости. Навершие выполнено в виде руки, держащей тремя пальцами сосуд. Длина 10,4 см, диаметр верхней части – 0,8 см (рис. 5, 7);
- фрагмент нижней части медной заколки (иглы?). Длина 6,9 см (рис. 5, 8);
- медная шпилька-заколка. Навершие сохранилось неполностью, но по оставшейся части можно предположить, что оно имело круглую форму. Стержень сохранился на длину 3,4 см, общая длина – 3,9 см (рис. 5, 9);
- рог животного со следами спила, 8,0х3,6 см (рис. 5, 11).

Пом. 22. Расположено к северу от пом. 26, имея с ним общую стену. С северной стороны оно примыкает к пом. 24.

В плане имеет квадратную форму (1,8x1,7 м). Стены, сложенные из сырцового кирпича (30x30x10 см), сохранились на высоту 1,3 м. В северной стене, в ее восточной части, имеется дверной проем шириной 0,7 м, заложенный еще в древности. Все стены в помещении, за исключением дверного проема, покрыты глиносаманной штукатуркой. Сохранилось два слоя, которые, в свою очередь, разделяются побелкой.

Верхние слои пом. 22 состояли из очень твердой земли с включением фрагментов сырцовых кирпичей. На отметке 1,2 м от дневной поверхности (2,84 м от о. р.) пошел слой мягкой земли с включением фрагментов керамики. На отметке 1,3 м (2,94 м от о. р.) зафиксирован пол, представляющий собой глиняную промазку, нанесенную на верхние постели сырцовых кирпичей, которыми выложена вся площадь пом. 22.

Находки из этого помещения немногочисленны. Отметим фрагменты верхней части кувшина, изготовленного из глины кремового цвета. Здесь же найдены фрагменты хума и жженого кирпича. Другой керамический материал с пола пом. 22 представлен фрагментами узкогорлых кувшинов, сероглиняных мисок и чаш, одной столовой тагара, горшками и пиалами, покрытыми красным ангобом. На полу по всей площади помещения находились кости животных. Найдены фрагмент глиняной обмазки толщиной около 2 см, с одной стороны покрытый сиреневой краской, а также пирамидальной формы грузило из необожженной глины и два дугообразных медных фрагмента, по всей вероятности, браслета.

Пом. 23. Находится к востоку от пом. 22. Квадратное в плане (4,6x4,5 м). Соединено с пом. 19 дверным проемом, который находится в восточной стене, ее толщина – 1,1 м, сохранность стен в высоту – 1,3 м. Другой дверной проем находится в южной стене и соединяет пом. 23 с пом. 21. К этой стене примыкает лестница, которая ведет в пом. 22. От нее сохранились четыре средние ступени высотой 20–39 см и шириной 20 см. Ширина пролета – 0,7 м. Ступени несколько покатые. По всей вероятности, на последнем этапе функционирования помещения лестница уже не использовалась. Общая длина южной стены вместе с лестницей – 3,20 м. Западная стена пом. 23 имеет длину 1,4 м. На северной стене имеется выступ, который является продолжением западной стены. Пространство между этими торцами западной стены образует проем, где, по всей вероятности, находилась арка, через которую можно было попасть в пом. 24.

Заполнение пом. 23 состоит из завала со строительными остатками, по всей вероятности, рухнувших стен, включающими обломки жженных кирпичей и фрагменты керамики. На отметке 1 м от дневной поверхности (2,94 м от о. р.) зафиксирован пол, выложенный сырцовыми кирпичами и обмазанный глиняным раствором. Кирпичи положены на подсыпку из мельчайшего песка, который, по всей вероятности, выполнял гигроскопическую функцию. Под этим слоем зафиксирован самый первый пол этого помещения, который промазан непосредственно по материку.

Посередине пом. 23, на первом полу, зафиксированы следы кострища диаметром 1,3 м. Обожженная земля обнаружена и в юго-западном углу, причем следы огня распространяются на лестницу и на часть прилегающей западной стены. Вокруг кострища на полу обнаружено 30 ямок, имеющих

разный диаметр (от 4 до 14 см) и различную глубину. Заполнение их состояло из песка с примесью пепла и золы, в которых найдены фрагменты керамики. На полу выявлено небольшое количество керамики. В центре помещения найдены фрагменты миски, которые при склеивании дали археологически целую форму. В восточной части пом. 23 на полу находился светильник плоскообразной формы с ручкой (рис. 3, 1, 2). В центре помещения найдены фрагменты венчиков и плечиков хумчи из светлой глины со штампованным орнаментом (три штампа: листик между двумя розетками). Из другой керамики отметим фрагменты узкогорлого кувшина, сероглиняной чаши и миски, столовой тагары, пиал, ножки кубка (рис. 3, 3, 17, 20, 21). Некоторые сосуды покрывались красным и темно-красным ангобом. Здесь же на полу найдено пять грузил из необожженной глины, имеющих пирамидальную форму, с отверстием в узкой части. В южной части найдено целое пряслице из мраморовидного известняка.

Пом. 24. Находится к западу от пом. 23 и является как бы его продолжением. Граница между ними условно обозначена выступами западной стены пом. 23, на которых, по всей вероятности, покоилась арка. Северная стена служила продолжением северной стены пом. 23. Их границу обозначил выступ стены пом. 23. Ее длина – 4,25, толщина – 1,2 м. В западной стене имеется проход шириной 0,9 м в пом. 25. Ее общая длина с проходом составляет 3 м. В юго-западной части ее длина – 1,3 м, остальные 0,2 м приходятся на выступ. Южная стена этого помещения состоит из двух частей – восточной и западной. Восточная часть соответствует северной стене пом. 22. Западная часть является общей стеной с коридором, расположенным с южной стороны помещения.

Между этими частями в южной стене находится алтарь, состоящий из двух частей: вертикальной и горизонтальной. Задняя, вертикальная часть устроена в северном торце западной стены пом. 22. Она выложена жженным кирпичом, от которого осталось несколько фрагментов. Эта поверхность отступает на 10 см вглубь по отношению к восточной части стены и тем самым образует неглубокую нишу. Самая верхняя часть алтаря не сохранилась. Передняя, горизонтальная часть его образована небольшой платформой прямоугольной формы (0,6х1,1 м), состоящей из сырцовых кирпичей, выложенных на полу помещения. По краям платформы сырцовые кирпичи поставлены на ребро и образуют барьер толщиной 14–15 см. Внутренняя часть платформы, а также задняя стенка сильно обожжены. Заполнение помещения аналогично заполнению в пом. 23.

Пом. 25. Расположено к западу от пом. 24, имеет с ним общую стену, в которой имеется дверной проем шириной 0,95 м. С севера данное помещение примыкает к улице-2.

Западная стена является общей с пом. 28, ее длина – 6,3 м. В ней имеется проход в пом. 28. Южная стена длиной 4,7 м не доходит до западной на 0,9 м, за счет чего получается дверной проем. Третий проход находится в южной части восточной стены, его ширина 1,1 м. Общая длина восточной стены с двумя проходами – 6,2 м.

На расстоянии 2,6 м от северо-восточного угла к восточной стене пристроен алтарь подквадратной формы (1,08х1,2х0,5 м), выложенный из сырцового кирпича, бортики оформлены из жженого кирпича толщиной 4–5 см.

Пол в помещении зафиксирован на отметке 1,3 м от дневной поверхности (2,94 м от о. р.). Заполнение помещения до пола состояло из строительного завала рухнувших стен. Под ним проходят натечные и надувные слои, где также встречаются фрагменты сырцовых кирпичей и глиносаманной обмазки со следами побелки.

Пом. 26. Расположено к западу от пом. 21. На последнем этапе функционирования вместе с пом. 21 образовывало двор. С севера оно примыкает к пом. 22. Имеет прямоугольную форму (5,75х2,55 м). Стены сложены из сырцового кирпича 30–32х30–32х12 м и оштукатурены глиносаманным раствором, по которому производилась алебастровая побелка. Верхние части стены сохранились плохо.

На отметке 0,25 м от дневной поверхности (2,49 м от о. р.) зачищен 1-й пол. Заполнение этого слоя включало в себя мягкую землю мощностью 0,4–0,45 м, лежащую на натечных и надувных слоях. В первом и втором слоях присутствуют фрагменты сырцовых кирпичей. Мощность натечных и надувных слоев колеблется от 0,1 до 0,4 м. Далее идет очень твердый слой земли, по всей вероятности – остатки оплывших стен, который также перекрывает натечные слои. Мощность этого слоя – 0,3–0,4 м. Он лежит непосредственно на 2-м полу, который относится ко времени возведения данного помещения. Пол представляет собой глиняную обмазку и имеет толщину 3–4 см. Непосредственно под ним проходит забутовка мощностью 0,2 м, в которой встречается строительный мусор вперемешку с материковой породой. Вся эта забутовка лежит на полу-3, который относится ко времени возведения пом. 26 и лежит непосредственно на материке.

Вдоль западной и северной стен проходит выкладка фундамента, на котором стоят обе стены.

Итак, в ходе работ полевого сезона 2000 г. получены новые данные для характеристики особенностей обживания и структуры блока-квартала № 5 и прилегающих участков.

Можно предположить, что он представлял собой храмовый комплекс, о чем свидетельствуют большое число пристенных алтарей и углубления в полах, которые, видимо, служили для отправления каких-то ритуальных обрядов. Не исключено, однако, что это был жилой комплекс, в котором часть помещений были отведены под святилища, недавно найденные на цитадели [2]. Дальнейшие работы на КТР-5, очевидно, позволят уточнить наши предположения.

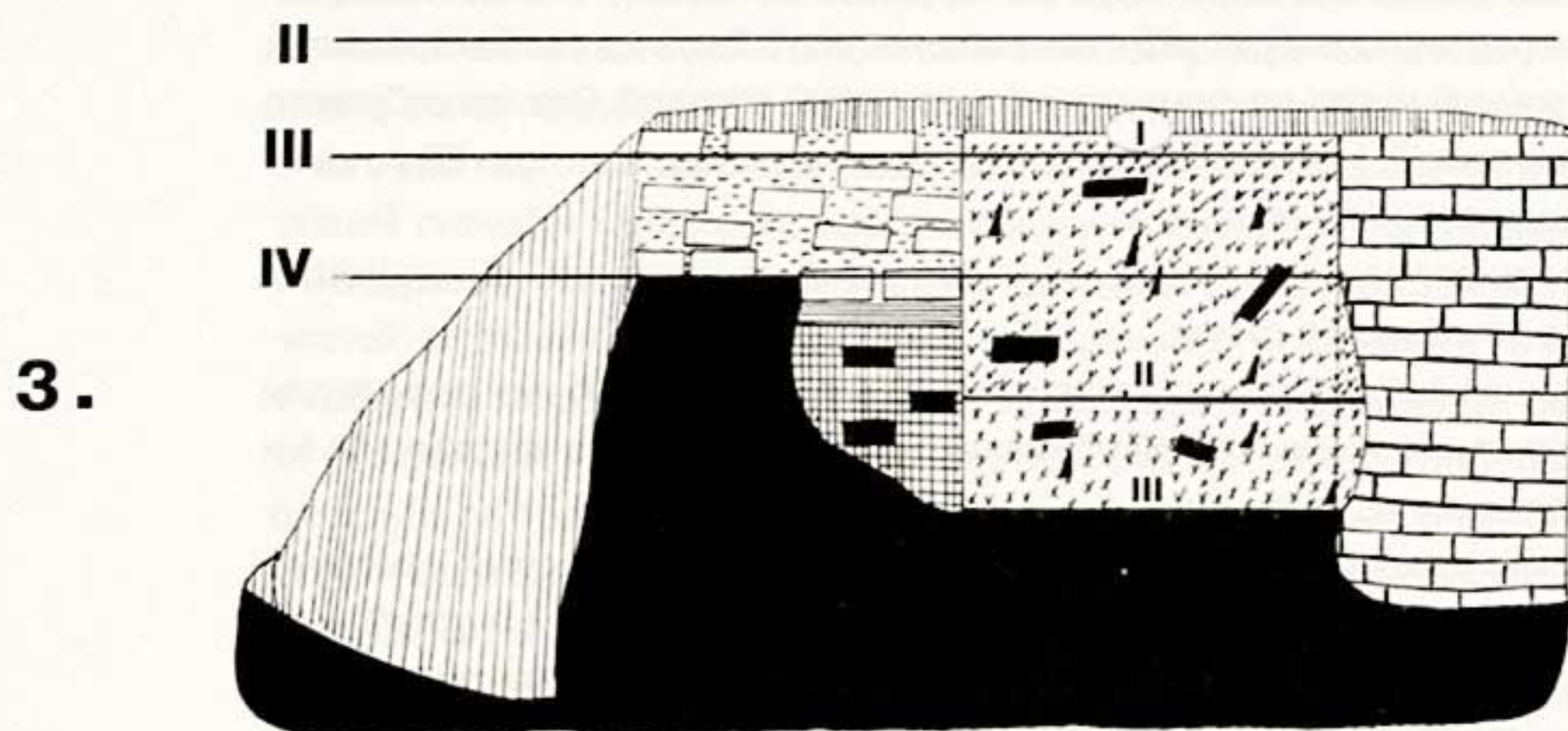
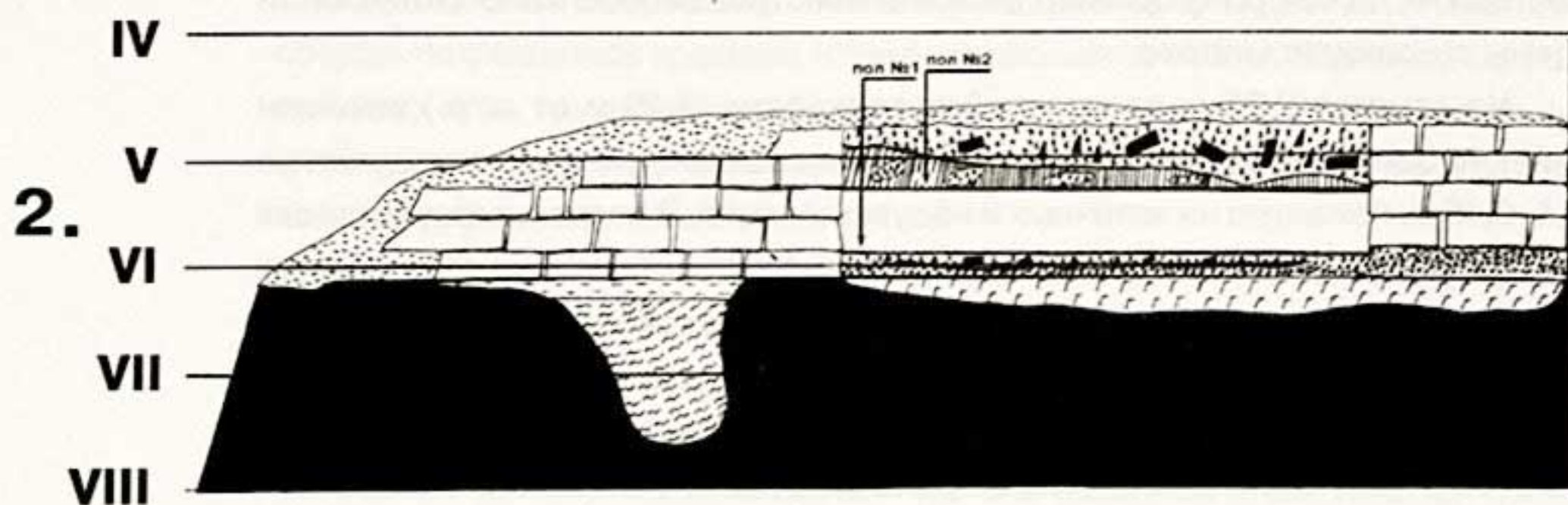
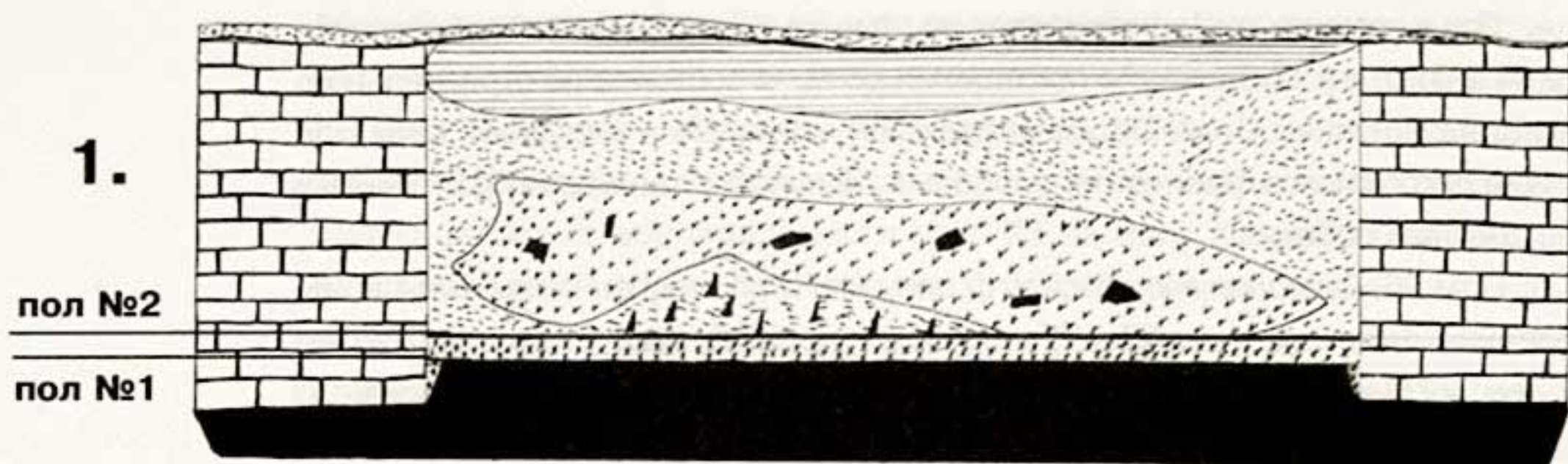
Примечания:

¹ Нумерация полов в галерее дается снизу вверх по времени их функционирования.

² Данное помещение, до отметки 2,45 м от о.р., вскрывалось в 1992 г.; весь найденный материал хранится в Сурхандарьинском областном краеведческом музее.

Библиография:

1. Шейко К. Раскопки жилого комплекса в восточной части Кампыртепа // *Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2000.*
2. Курбанов С. Археологические исследования цитадели Кампыртепа // *Материалы Тохаристанской экспедиции... Указ. изд.*

0 0,2 1,00 м

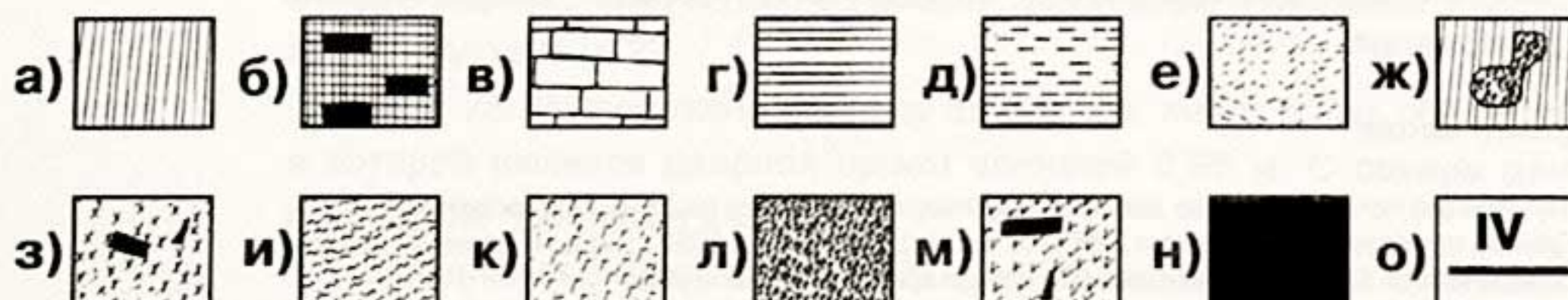

Рис. 2. Схемы разрезов:

1. Улица-1 – по оси Ю – С.

2. Восточная крепостная стена – по оси В – З.

3. Улица-2 – по оси Ю – С.

Условные обозначения: а) слой мягкой земли, б) подводка из сырцового кирпича и глины, в) кирпич, г) надувные слои, д) глина, е) слой рыхлой земли, ж) мягкая земля с вкраплениями золы с угольками, з) слой плотной земли с фрагментами кирпича и керамики, и) материковая коричневая глина, к) гумусный слой, л) слой золы, м) слой завала с фрагментами кирпича и керамики, н) материк, о) уровень полов.

а.

б.

Рис. 2а.
Улица-1.
Вид с запада.

Рис. 2б.
Улица-2.
Разрез стены.
Вид с запада.

б.

Рис. 2б.
Общий вид
крепостной стены.

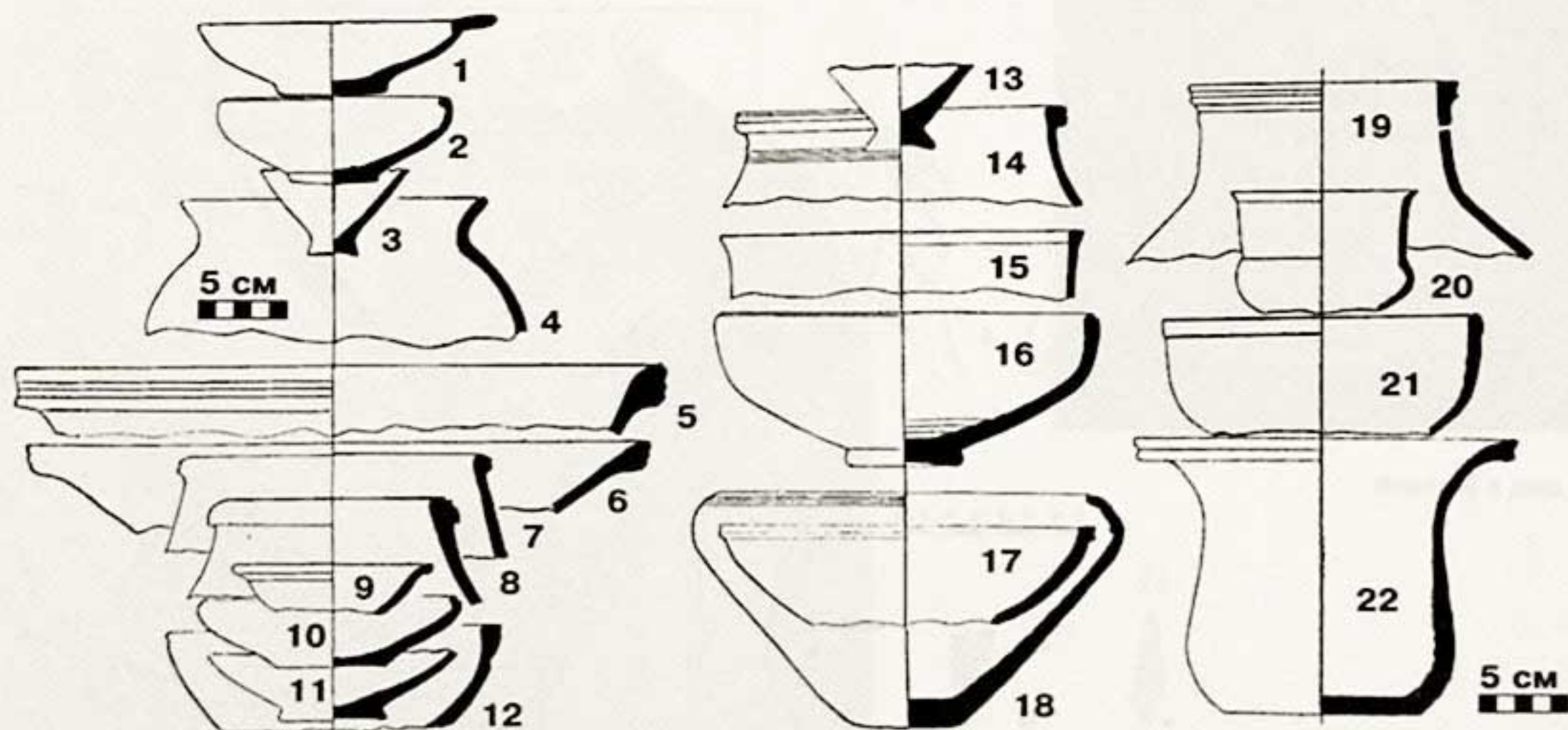

Рис. 3. Керамика из жилого комплекса (галерея, улица-1, улица-2).

Рис. 4.
Ручка кувшина.

Рис. 5.
Таблица находок
из жилого комплекса
(галерея, улица-1, улица-2).

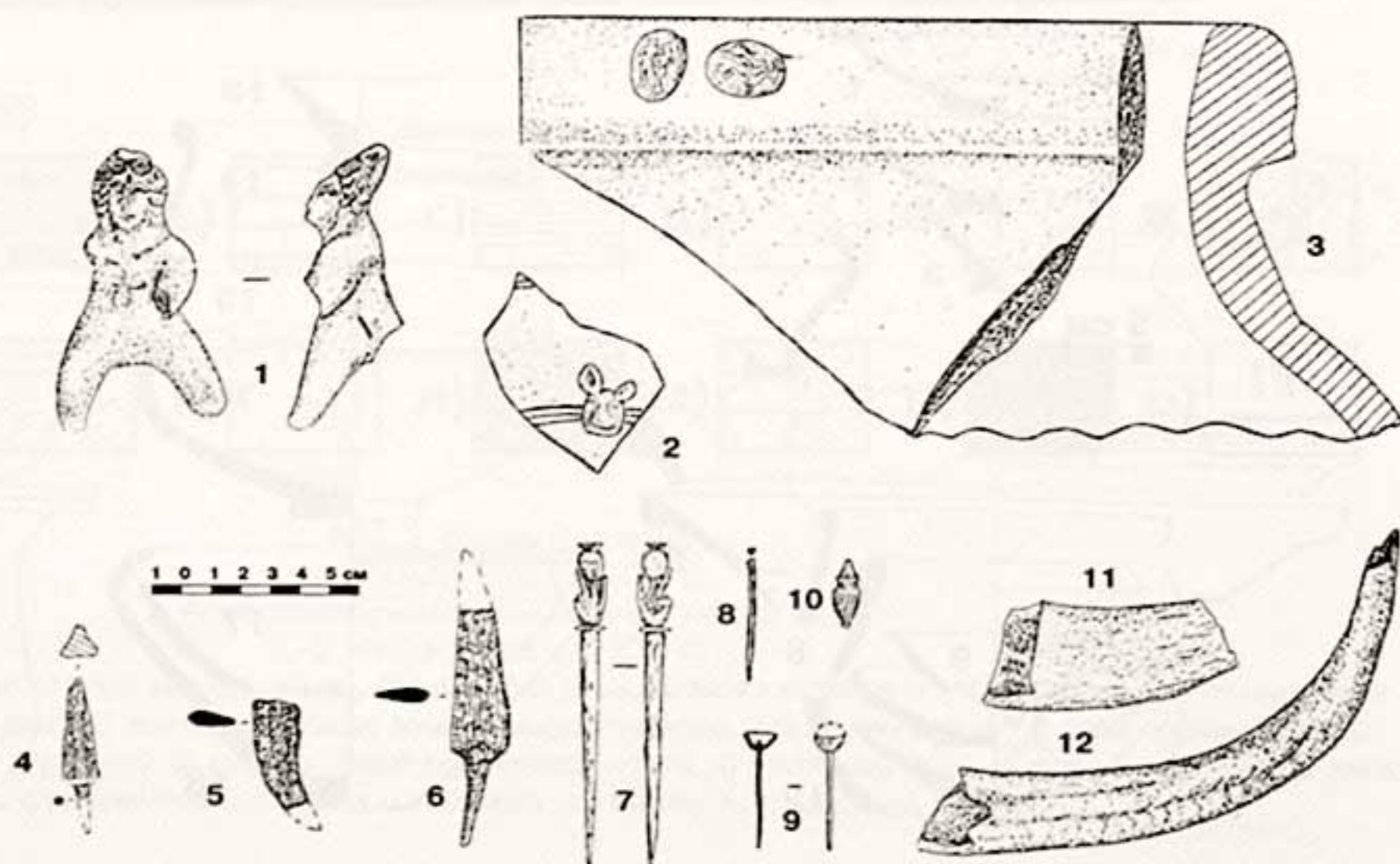

Фото 1 к рис. 5.

Фото 3 к рис. 5.

Фото 2 к рис. 5.

Фото 4 к рис. 5.

Рис. 6.
Фрагмент
терракоты.
Стрелковая
галерея.

Рис. 7.
Ручка кувшина в
виде животного.
Стрелковая
галерея, пол 2.

Исследования, проводившиеся на северном фасе Кампыртепа в предыдущие годы, позволили выяснить устройство фортификационных сооружений, время их возведения и существования, строительный материал, применявшийся в кладке стен и башен [16, с. 13–14], которые были пристроены к крепостной стене (без учета расположения бойниц, амбразуры которых иногда замурованы кладкой башни). Общим для всей оборонительной линии строительным материалом является сырцовый кирпич (31–35х31–35х11–13 см), сформованный из глины темно-коричневого цвета. Это установлено еще в 80-х годах, когда вскрывался весь северный фас стены до башни-5, восточнее которой были только обозначены контуры стены по ее верхней грани, что и предопределило задачу исследований в 2000 г.: раскопки оставшихся почти нетронутыми пяти башен северо-восточной части (рис. 1). В результате были обнаружены определенные различия в устройстве и стратиграфии башен при несомненном внешнем их сходстве. Вскрытие производилось с запада на восток, от башни-5 к угловой башне-1, в соответствии с чем и составлено описание.

Башня-5. В плане прямоугольная (6х3,3 м), внешние грани ее разрушены (рис. 2). Размеры внутри: 2,5х1,6 м, высота стен от материка – 0,3–0,5 м, т. е. два-три ряда кирпичей. Толщина стен – 1,7–1,8 м.

На глубине 25–30 см от уровня дневной поверхности выявлен уровень пола, на котором покоится плотный слой завала (рис. 2, 2). Пол и стены башни подстилает прослойка рыхлого пылевидного грунта с включениями глинистых конкреций и обломков сырцового кирпича. Максимальной толщины прослойка достигает под северной стеной башни – 12 см. Очевидно, она нивелирует поверхность материка и выполняет роль амортизационной «подушки» для снятия внутренних напряжений, что особенно важно при землетрясениях.

Рис. 1.
Северо-восточная
часть Кампыртепа.
Фото К. Шейко.

Башня-4. Наиболее сохранившаяся башня, поэтому здесь было решено открыть участок перед башней для выявления предстенных укреплений – протейхизмы и рва (рис. 3). Башня в плане прямоугольная (6,4х3,5 м снаружи и 3,1х2,0 м внутри). Высота оборонительной стены, к которой пристроена башня-4, составляет от 0,7 м на западе раскопа до 2,0 м на востоке, толщина – 3,2 м; по отношению к внутреннему пространству Кампыртепа стена возвышается более чем на 3 м. Две бойницы восточнее башни имеют стреловидную форму размерами 60х15 см, западная сохранилась лучше – 85х11 см, расстояние между ними – 0,9 м, расположены на высоте 0,5 м от основания стены.

В восточной трети башни заложен небольшой стратиграфический шурф, западная сторона которого была продолжена на 4 м к северу от башни (рис. 4). Стало ясно, что оборонительная стена Кампыртепа стоит на фундаменте – нивелировочном слое битой глины темно-коричневого цвета – той же, из которой изготавливались кирпичи для возведения стен и башен. Местами нижний ряд кирпичной кладки утоплен в фундамент. Под башенными стенами можно видеть ту же «подушку», что и под башней-5. Это рыхлый пылевидный слой с обломками сырца, утолщающийся в северном направлении и нивелирующий наклонную поверхность протейхизмы или бермы. Берма шириной 3 м круто обрывается и переходит в ров, заполненный ныне слоем натеков (рис. 3, 1). Ширина рва – 4,5 м, глубина прослежена на 1,5 м, ниже структура заполнения рва и материка идентичны. В отдельные периоды вода переполняла ров и размывала берму, доходя даже до основания башни. Промоины особенно отчетливо запечатлелись в северо-западной части раскопа.

Поверх бермы залегает мощный натечно-надувной слой, только ближе к стене видны следы разрушения кладки в виде завала сырца, на котором расчищен уровень, свидетельствующий об относительном обживании пространства под стенами.

Внутри башни имеются два уровня полов, выложенных сырцовым кирпичом (рис. 4). Пол-1 (нижний) лежит поверх указанной выше битой глины темно-коричневого цвета, только в восточной части шурфа глину сменяет рыхлая прослойка. Над полом слой в 80 см плотного спрессованного завала, на который накатан верхний пол-2; поверх него – тоже завал, но не столь плотный и менее однородный по структуре (30 см).

В первый период обживания в юго-восточном углу башни-4 функционировал проход шириной 1 м, позднее заложенный, что особенно отчетливо прослеживается с внутренней стороны оборонительной стены.

Находок при раскопках башни-4 обнаружено мало, только фрагменты керамики на верхнем уровне снаружи башни и несколько фрагментов керамики из рва. Много кусков керамического шлака, жженой плитки, костей животных и птиц.

Башня-3. На данном участке стена также возведена поверх нивелирующего слоя глины темно-коричневого цвета. Толщина стены здесь 2,6 м, высота (по северному фасу) – от 1,6 м на западе до 0,8 м на востоке. К западу от башни удалось зафиксировать основания двух бойниц шириной 15–20 см. Башня в плане прямоугольной формы (6,6х4,3 м снаружи и 2,7х1,6 м внутри), но восточный фас устанавливается приблизительно, по уровню нижнего ряда кирпичей, поскольку стена в этом месте сильно разрушена (рис. 8).

Все три стены башни имеют различную толщину. Западная стена толщиной 2,3 м построена вперевязку с мощной северной стеной толщиной 2,7 м. Высота последней достигает 2 м, из которых нижние 60 см (под северо-западным углом – 1 м) – вышеупомянутая «подушка» – слой рыхлого пылевидного грунта с обломками сырцового кирпича. Высота западной и северной стен внутри башни – 1,6 м (12 рядов кладки, из которых нижний ряд утоплен в пол-1), благодаря чему сохранились три размытые водой бойницы шириной 15 см (угловые) и центральная – шириной 30 см. Восточная стена толщиной 1,7 м возведена на нижнем полу без перевязки с северной стеной башни, т. е. стена встроена, под нею слой с золой поверх пола, высота стены – 70 см (3–4 ряда кладки).

Башня-3 единственная из всех башен имеет специально оборудованный дверной проем (рис. 9). Сделан он в центре южной стены со смещением к западу. Глубина его равняется толщине оборонительной стены – 2,6 м. Со стороны жилой застройки ширина прохода – 1,3 м, затем посредством уступов он сужается до 1 м, образуя небольшой тамбур длиной 70 см. Тамбур и собственно проход разделялись дверью, от которой сохранились пазы в боковых стенках для установки дверной коробки и прямоугольная в сечении балка, утопленная в пол прохода: длина ее – 1,4 м, ширина – 30 см, толщина – 10 см.

На нижнем, единственном полу башни, в юго-западном углу, найдены донце сосуда и обломок ладьевидной в сечении зернотерки. В центре пола устроена хозяйственная яма с вытянуто-овальным устьем размерами 1,0 x 0,4 м и глубиной 0,9 м. Заполнение рыхлое, пылевидное, с обломками сырцового кирпича и фрагментами керамики. Поверх пола залегает завал сырца, достигающий высоты 1,5 м в северной части башни. Признаков верхнего пола нет.

Протейхизма к северу и северо-западу от башни значительно повреждена промоинами. Ближе к стене на ней лежит слой завала, сменяющийся по мере приближения ко рву оплывом (рис. 8, 1). Поверх завала – уровень обживания с гумусно-зольным слоем на нем (до 30 см), выше опływ (до 70 см в северной части), сверху – вновь завал сырца (до 40 см).

Следовательно, здесь, как и возле башни-4, под оборонительной стеной имеются два уровня, связанные с двумя периодами обживания, однако в самой башне-3 есть только один уровень пола.

Находки в основном сосредоточены на двух уровнях за пределами башни: куски керамического шлака, которые есть и внутри башни; обломки жженой плитки толщиной 3–5 см; фрагменты крышек хумов диаметром 44–50 см при толщине 2–2,5 см; обломки ганча; кости животных и птиц. На поверхности протейхизмы, т. е. на нижнем уровне, найдены две заколки: бронзовая, с навершием в виде кулака (рис. 11, 4), длиной 8,2 см и диаметром средней части 3 мм; вторая заколка изготовлена из слоновой кости и имеет навершие в виде птицы с поднятыми крыльями (рис. 11, 13), сохранилась в длину на 8 см, диаметр – 4 мм.

На верхнем уровне к западу от башни-3 найден наконечник стрелы удлинено-листовидной формы, изготовленный из расщепленной трубчатой кости (рис. 11, 14). В сечении ромбовидный, с долами по центру. Длина – 8,8 см, ширина – 1,2 см, толщина – 4 мм. Три медных предмета представляют собой детали украшений: несомкнутое колечко диаметром 1,6 см (рис. 11, 5)

и фрагмент проволочного браслета с утолщением-раструбом в основании (рис 11, 7); третий предмет – круглая в сечении медная заколка (рис. 11, 6). Здесь же обнаружена половинка т. н. пряслица, сделанного из мрамора (рис. 13, 2). Сечение уплощенно-полусферическое, диаметр – 3 см, высота – 1,2 см, диаметр отверстия – 6 мм.

Башня-2. Прямоугольная в плане (6,1х3,5 м снаружи и 2,9х1,6 м внутри) (рис. 5). По уровню нижнего пола была снабжена проходом в юго-восточном углу. Ширина его – 1,25 м, глубина – 2,6 м на западе и 3,2 м на востоке. Имеет порог шириной 60 см, высотой 45 см. Позже, в период обживания верхнего пола, проход был заложен.

На нижнем полу в северо-восточном углу башни сохранились остатки квадратного в плане подиума (90х90 см, высота 6 см). Подиум и поверхность пола перекрыты плотным, спрессованным завалом сырца высотой 30 см, на котором устроен верхний, 2-й пол, выше его также лежит завал, менее однородный по структуре, высотой 25–30 см (рис. 7, 2). Высота стен небольшая – от 50 до 60 см.

Поверхность протейхизмы к северу и, особенно, к северо-западу от башни сильно размыта. Здесь также расчищены два уровня, соответствующие двум периодам обживания: нижний – непосредственно на материке, верхний – поверх гумусно-зольного слоя, соотносящегося с ямой в северо-западной части раскопа (рис. 7, 1). Над полом-2 залегает слой завала и оплыва мощностью до 0,5 м, над ним натечно-надувной слой толщиной 0,4 м, перекрывающий все слои возле башни.

Расстояние между башнями 3 и 2 составляет 16 м, тогда как до башни-1 – около 30 м. Поэтому было решено произвести раскопки галереи к востоку от башни-2, по направлению к угловой башне-1. Здесь было выявлено три уровня обживания – три поверхности с многочисленными зольно-гумусными и горелыми прослойками черно-коричневого цвета (рис. 7, 3). С верхним уровнем связана постройка стенки-перегородки длиной 1,65 м, высотой 0,4 м. С этого уровня восточнее перегородки опущена яма диаметром 1 м, заполнение которой – гумус, залегающий тонким слоем. Дальше на восток, через 2,5 м, он теряется, как пропадает и южная грань оборонительной стены. Ближе к пом. 18 гумус сменяется тонким дерновым слоем, залегающим на прослойке темно-коричневой глины, использовавшейся, как уже сказано, в качестве нивелирующего материала при возведении стены. Ниже – материк. В дерновом слое напротив пом. 18 была найдена монета Сотера Мегаса (определение Э. Ртвеладзе).

Находки на нижнем полу башни-2 немногочисленны: зернотерка, каменное орудие наподобие молотка (рис. 13, 6), фрагменты крышек хумов и кости животных. На верхнем полу: археологически целый светильник с диаметром венчика 11,4 см (рис. 12, 4); гранитный терочник с двумя рабочими поверхностями (рис. 13, 10); куски керамического шлака и обломки жженных плиток толщиной 4–4,5 см. За пределами башни, на верхнем уровне, куски шлака, на нижнем только фрагменты крышек хумов.

Башня-1. Совершенно отлична от всех башен, поскольку является угловой, что и определило ее конфигурацию. В плане она сегментовидная, пристроенная к оборонительной стене так, что угол стены находится внутри башни. В целом форма ее напоминает прямоугольник, только со скруглен-

ным северо-восточным углом. Проход в башню не выявлен: в единственном месте, где он возможен, высота стены достигает 1 м. Размеры башни: 9,5х7 м снаружи и 6,0х3,5 м внутри (рис. 6, 1).

На нижнем полу лежит слой завала средней плотности, на нем пол-2, над которым тот же завал, но неоднородной структуры (рис. 6, 2). Под восточным торцом стены на полу-2 устроен очаг, от которого остались зольное пятно (1,1 м х 0,3 м) и прокаленные докрасна стена и пол.

Аналогичная стратиграфическая ситуация наблюдается и на прилегающей к башне площади (рис. 6, 3). Протейхизма здесь достигает 10 м длины, северо-восточная ее часть размыта, под стеной скопилась мощная свита натеков высотой 1,5 м, севернее – завал. Выше – уровень 2, над которым залегает сырцовый завал (1,4 м), перекрытый в северной части раскопа натежно-надувным слоем.

Характерно, что все находки в башне и на примыкающей к ней территории сосредоточены на верхнем уровне. Около очага лежала археологически целая красноангобированная полусферическая чаша (диаметр венчика – 10 см) на округлом выпуклом дне (рис. 12, 6). Рядом найдены три мраморных пряслица уплощенно-полусферической формы (диаметр 3,5 см, диаметр отверстия – 8 мм; рис. 13, 3–5). Среди прочих находок – фрагмент крышки хума, обломки жженой плитки, обгоревшие кости животных. У северного фаса башни найден железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы (рис. 11, 1). Общая его длина – 6,8 см, черешка – 3 см. Наконечники такого типа, с треугольным пером и тупоугольным основанием, появляются в великокушанское время и особенно популярны в позднекушанский период [2; 7]. Среди прочих находок – керамический шлак.

Таким образом, вскрытие северного фаса Кампыртепа выявило классический образец кушанской фортификации, в которой отражена тенденция к облегчению конструкций и переходу к активной обороне, зародившаяся в конце греко-бактрийского периода [6, с. 70]. Уже в последние века до н. э. сложились основные принципы возведения такого рода крепостных стен: с прямоугольными башнями, протейхизмой, рвом и палисадом, что показала Г. А. Пугаченкова, сопоставив данные трактата I в. до н. э. Витрувия с результатами археологических исследований на многих памятниках Средней Азии [13, с. 134–135]. Но в каждом конкретном случае всегда существуют различия в устройстве и приемах строительства фортификационных сооружений.

Так, башни Кампыртепа пристроены к стене, иногда закрывая собой бойницы и наводя на мысль о хронологическом несоответствии, хотя других оснований для утверждения о разновременности сооружений нет. Необходимо помнить пример городища Кейкобадшах, чьи башни на высоту до 5 м от материка выложены без перевязки со стенами [14, с. 31]. Абсолютно идентичный строительный материал и характер кладки укреплений Кампыртепа могут свидетельствовать о строительстве единовременном, в два приема, но без хронологического разрыва.

Сначала проводились масштабные земляные работы по устройству рва, площадки под стену и пристенного пространства. Затем укладывался своего рода фундамент – нивелирующий слой глины, этой же глиной укреплялась материковая поверхность протейхизмы, край которой отступает от стены на 6–10 м. При возведении стены учитывалось расположение проходов

в башни, а не бойниц, устроенных через равные интервалы, что, несомненно, ускорило строительство.

Относительно бойниц имеется немало сомнений, особенно о полете стрелы сквозь узкое трехметровое пространство. Надо думать, бойницы в стене без внутренней галереи – дань традиции и были рассчитаны более на эстетический и психологический эффект. С другой стороны, они могли выполнять иные, более важные в этот период функции – смотровых щелей-люкарнов, вентиляционных отдушин, а при самом строительстве служить для крепления подмостей.

Важной частью укреплений Кампыртепа была берма или, точнее, протейхизма, поскольку она не только придавала откосу большую устойчивость и защищала его от размыва атмосферными осадками, но и препятствовала действиям осадной техники противника.

Башни 3, 4 и 5 возведены на амортизационной рыхлой «подушке», нивелирующей уклон протейхизмы на особо сложных участках. Подсыпка достигает максимальных размеров под башней-3, меньше под башней-4, еще меньше под башней-5 и совсем отсутствует под башнями 1 и 2, где поверхность материка и, соответственно, бермы более горизонтальна. Действенность такого инженерного решения доказана веками: башни 3 и 4 сохранились лучше прочих, хотя угол уклона составляет здесь 30–35°. Если бы на этом откосе башни и стена были сложены вперевязку, то на стыках кладки со временем неминуемо образовались бы разрывы из-за смещения вектора силы тяжести во внешнюю сторону.

Башни, вероятно, были двухъярусными, внутри них устроены стрелковые камеры, соединявшиеся с галереей – улицей внутреннего периметра Кампыртепа. Это так называемая «военная» улица, на которой позже накопление слоев происходило столь стремительно, что возникла необходимость наращивания стен, полов и порогов смежных с ней помещений, в том числе башенных. В частности, были заложены функционировавшие в первый период проходы башен, – кроме башни-3, имевшей специально оборудованный дверной проем. Здесь был выявлен только один пол, хотя на площади, примыкающей к башне-3 снаружи, обнаружено два уровня, как и во всех прочих башнях. Объясняется это тем, что на участке улицы возле входа в башню-3 накоплению слоев препятствовала монолитная пристройка, аналогичная тем, которые были раскопаны в предыдущие годы возле башен 7 и 9. Вероятно, все три площадки использовались в бою для складирования вооружения и подручных средств, необходимых для обороны, не препятствуя при этом передвижению по боевой площадке на гребне стены. По ним же посредством пандусного или лестничного подъема защитники крепости могли проникать на стену, огражденную, надо полагать, зубчатым парапетом.

Необходимо отметить одно несоответствие, бросающееся в глаза при исследовании северного фаса Кампыртепа. Пролет куртины между башнями 5 и 4 составляет 16,5 м, между башнями 4 и 3 – 17,5 м, между башнями 3 и 2 – 16,5 м и, наконец, между башнями 2 и 1 – почти 30,0 м. В принципе, известны образчики античной фортификации с пролетами куртин много больше, чем на Кампыртепа: 24–25 и даже 35–40 м [12, с. 144]. Но в данном случае между двумя последними башнями должна существовать еще одна, хотя поиски ее здесь ничего не дали.

Чтобы как-то прояснить этот вопрос, было решено продолжить раскопки помещений к югу от улицы, напротив предполагаемого места существования башни. Здесь имеется пом. 18, широкий входной проем которого, обращенный в сторону улицы, как бы предполагает проход в жилую часть Кампыртепа на стыке блоков 2 и 3.

Пом. 18. Трапециевидное в плане помещение с тремя уровнями полов (рис. 10, 2). Первоначально, в период обживания, связанный с полом-1 (нижним), помещение сообщалось и с галереей-улицей, и с пом. 5, когда их связывал проход шириной 90 см. Начиная со второго периода, подъем уровня улицы требовал соответствующего подъема уровней полов в пом. 18, поэтому была сложена северная перегородка высотой 50 см. Проем в юго-западной части пом. 18 был полностью закрыт, высота стены здесь – 1 м. Пом. 5 сообщалось с внешним миром уже благодаря проходу в северо-западном углу, который начинает функционировать только в этот период.

Западная (длина – 4,6 м), восточная Г-образная (длина – 3,6 м) и южная (длина – 2,4 м) стены построены в одной системе и являлись неотъемлемой частью первоначального ядра архитектурной композиции данного блока Кампыртепа.

На первом полу пом. 18 найдена терракотовая фигурка всадника, сделанная из одного куска глины в примитивной манере (рис. 12, 1). Размеры: 6х3,7х1,6 см. На голове – подобие прически в виде косички-налепа. Фигурка покрыта красно-коричневым ангобом, в тесте примесь мелкого песка. Подобные терракоты, весьма популярные в кушанской Бактрии, связывают с распространением культа предка и правящей династии [15, с. 83; 4, с. 41–42; 9, с. 48–49]. Известен образ всадника-бога и на Боспоре, где он стал одним из главенствующих в начале н. э. [10, с. 177–182]. Из других находок интересен свинцовый крючок (рис. 11, 12), изготовленный из цельного отрезка круглой в сечении проволоки диаметром 3 мм с утолщением на одном конце и с отверстием диаметром 2 мм на другом. Длина крючка – 5,2 см. Из прочих находок: зернотерка и кости животных.

На втором (среднем) полу пом. 18 обломков костей еще меньше, как и фрагментов керамики.

Значительно больше находок на верхнем, третьем полу. Среди них – железный штырек с медным переходником (рис. 11, 2). Между железными стержнем и шляпкой имеется медная полая втулка-насадка диаметром 5 мм. Диаметр стержня – 5 мм, длина – 6,4 см, высота медной втулки – 4 мм. Найдено мраморное пряслице (рис. 13, 1). Диаметр – 2,8 см, высота – 1,3 см, диаметр отверстия – 6 мм. Рядом на полу лежала чаша уплощенно-полусферической формы на вогнутом донце (рис. 12, 5). Диаметр венчика – 12,0 см, донца – 3,2 см, высота – 5,4 см. Чаша покрыта светло-красным ангобом только снаружи. Здесь же найдены фрагмент крышки хума, целый жженный кирпич-плитка (33х32х4 см), яичная скорлупа, обломки ганча, немного костей животных. Более интересна находка крупного халка Канишки; еще две монеты Канишки, как определил Э. Ртвеладзе, обнаружены на нижнем полу пом. 5, соответствующем нижнему, третьему полу пом. 18.

Пом. 5, 6 и коридор 5К. Первоначально составляли одно большое прямоугольное помещение (10х6 м) с проходом, ведущим в пом. 18 (рис. 10, 1). Впоследствии этот проем был заложен и открыт другой, направленный в западную сторону и выводящий на тупиковую улочку. Вероятно, в это же

время внутри прямоугольника возводятся две перегородки, разделившие его на коридор 5К, помещение с алтарной нишей (пом. 5) и южное помещение (пом. 6). Таким образом, получился изолированный двухкомнатный комплекс.

Коридор 5К (5,7х1,3 м) в южной части выложен нивелирующим рядом кирпичей, севернее которых в пол была утоплена деревянная балка, чей отпечаток сохранился в полу (90х20х10 см). Из коридора открываются два прохода: в пом. 5, шириной 90 см, и в пом. 6, шириной 95 см. Оба проема оборудованы порогами, возвышающимися над полом на 20–40 см.

Пом. 6 отделяется от пом. 5 перегородкой длиной 4,7 м, высотой 70 см, шириной 90 см. В плане имеет форму неправильного прямоугольника (5,5х3,5 м). В северо-восточном углу обнаружена небольшая кирпичная выстилка-подиум. Возле северной стены и в юго-западном углу стояли хумы. Трудно сказать, к какому из двух уровней полов они относились, поскольку расстояние между полами составляет всего 65–70 см. Это удалось установить на отдельных пристенных участках, где сохранились остатки верхнего пола. Вероятнее всего, сосуды относятся к нижнему полу.

Остатки верхнего пола зафиксированы и в северо-восточном углу пом. 5, где расстояние между полами составляет 0,5 м. Пом. 5 отделено от коридора перегородкой длиной 4,8 м, высотой 0,7 м. В центре ее была устроена алтарная ниша, обращенная на восток. Лучше сохранилась ее северная сторона, где высота ниши достигает 0,5 м. Перед северным выступом ниши в полу расчищена круглая в плане ямка диаметром и глубиной 10 см. Заполнение ее рыхлое, пылевидное. В верхней части лежала медная монета Канишки, внизу – продольно распиленные мелкие кости, обгоревшие с одного конца (рис. 11, 15).

К востоку от пом. 5 и 6 начато вскрытие двух квадратных в плане помещений – 22 и 23. В северной части пом. 23 в материке имелись две ямы: с обычным рыхлым заполнением в одной и гумусом в другой (рис. 10, 3). Между ними в полу расчищена ямка диаметром 0,18 м и глубиной 0,25 м, заполненная чистым песком. Такая же ямка, с чистым серым песком внутри, обнаружена неподалеку от южной стены. Диаметр ее – 0,15 м, глубина – 0,16 м. Пол с ямами перекрывает свита натеков толщиной 0,5 м, на которой лежит сырцовый завал высотой 0,4 м.

Находок в пом. 22 и 23 крайне мало: крупный раздавленный сосуд в пом. 22 и фрагмент бронзовой заколки из пом. 23. Заколка имеет навершие в виде кулака (рис. 11, 3). Длина – 6 см при диаметре сечения 3 мм.

Находки из пом. 5, 6 и коридора 5К, напротив, многочисленны и разнообразны, хотя в самом коридоре их не так много. В шве-стыке северной и западной стен коридора, над местом возжигания привратного очищающего огня, найден обломок терочника или подпятника дисковидной формы (рис. 13, 9). На нерабочей выпуклой поверхности вырезан У-образный знак. Неподалеку обнаружены обломки зернотерки и жженой плитки, обгоревший рог, куски ганча толщиной 5 см, на одном из которых сохранились отпечатки жердей перекрытия диаметром 1,5–1,7 см.

В пом. 6 на полу лежали фрагмент медной пластинки с заклепкой (рис. 11, 11), обломок округло-граненой бусины из горного хрусталя диаметром 1,8 см (рис. 11, 17), полусферическая пастовая вставка диаметром 1,1 см, цвета бирюзы (рис. 11, 16), медная оковка с остатками дерева внутри (рис. 11, 9), размером – 2,4х2,2 см, толщиной – 1,3 см, согнутые пластинки из листовой меди толщиной 1 мм.

Подобраны два фрагмента однотипных миниатюрных горшочков с декоративными налечами под венчиком в виде «ступни Будды». Диаметр венчиков – 5 и 8 см, донца – 4 см, высота – 7,6 см. Один фрагмент без ангоба, у второго потеки темно-коричневого ангоба (рис. 12, 2–3).

Среди прочих находок можно упомянуть фрагмент сырцового пирамидального грузила, комки обожженной докрасна глины, куски ганча, обломки жженных плиток и несколько мелких фрагментов костей.

В пом. 5 большинство находок сосредоточено у алтарной ниши, в северном углу которой, немного выше пола, обнаружены мраморная микробаза и над ней гипсовый сфероконус (рис. 13, 7, 8). Микробаза аттического типа – в виде двух валов, разделенных скоцией и полочками, на квадратном плинте размером 11,8x11,8 см, высотой 2,3 см. В нем снизу высверлено квадратное углубление (1,8x1,8 см, глубина 3,6 см). Высота всей микробазы – 8,6 см. Диаметр постели – 8,8 см, в центре ее выточен круглый паз диаметром 1,2 см, глубиной 1,5 см. В цитадели Кампыртепа уже найдено восемь микробаз различных типов [5, с. 12]. Микробазы найдены и на Тепаи-Шах [8, с. 145, 208]. Для исследователей очевидна культовая функция микробаз, использование их в процессе богослужений [11, с. 56].

Гипсовый сфероконус каким-то образом был связан с микробазой, судя по условиям их залегания в слое. Основание конуса не является правильным кругом, его диаметр – 11,8x11 см. Похоже, сфероконус точно копирует внутреннюю часть кубка, т. е. является просто слепком. Высота его – 9 см. Гипсовые сфероконусы, как и микробазы, находили в цитадели Кампыртепа [5, с. 13].

В каждом конкретном случае, похоже, они повторяли форму полости того сосуда, в котором древние готовили слепок. Поражает тот факт, что жители Кампыртепа при уходе из города совершенно спокойно оставили столь ценные для них культовые вещи. Не исключено, что это было сделано специально: в надежде, покидая родные пенаты, символом которых являлся очаг-алтарь огня, вернуть принадлежащее им имущество. В таком случае можно предположить следующее объяснение значения сфероконуса: запечатленное в гипсе содержимое кубка для ритуальных возлияний. Слепок остается (прах к праху), кубок необходим для освящения нового жилища.

Вероятно, с поклонением огню связана ямка в полу в 20 см от северного выступа алтарной ниши, где лежали монеты Канишки и две продольно распиленные обугленные косточки. Вторая монета Канишки, вдвое меньшего размера, найдена тоже на полу, но возле южного выступа ниши. Перед алтарем попадаются кусочки охры красного цвета. Ближе к северной стене пом. 5 найдена верхняя часть двуручного орнаментированного крупного кувшина. Остатки еще четырех сосудов больших размеров попали на нижний пол с верхнего, значительно повредив алтарь.

На полу пом. 5 обнаружен второй фрагмент медной оковки с деревянной трухой внутри (рис. 11, 8). Размеры: 2,0 x 1,7 см, толщина 1,8 см. Идентичен найденному в пом. 6 (рис. 11, 9). Возможно, к тому же предмету относится и тонкая медная пластинка с двумя отверстиями (рис. 11, 10). Размеры: 2,2x0,8 см, диаметр отверстий 1–1,5 мм.

Несомненно, пом. 5, 6 и коридор 5К представляли собой часть домовладения конца I – начала II в. н. э., которое имело отдельный вход с улочки-

тупика, а все комнаты были объединены дверными проемами. Возможно, хозяйственно-бытовые помещения 22 и 23 входили в указанное домовладение, что уточняют последующие раскопки. Более затруднительной является интерпретация пом. 18, обращенного широким северным проемом на улицу-галерею. Учитывая особенности его расположения и конфигурацию, надо полагать, что оно является торговым помещением – лавкой, – соединенным на начальном этапе с большим, прямоугольным, возможно, складским помещением. На втором этапе прямоугольник был разделен двумя стенами на пом. 5, 6 и коридор 5К и переделан, таким образом, под жилище, не сообщавшееся уже с пом. 18, которое, судя по всему, сохраняло свои функции. Такого типа маленькие лавки Д. Русанов выделяет в жилом массиве цитадели Кампыртепа [18, с. 21]. В Средней Азии они фиксируются в позднеантичное и раннесредневековое время [3, с. 173; 1, с. 38]. Видимо, такие постройки со временем преобразуются в тот тип жилища с лавкой и конторой, который в X–XIII вв. назывался фундук.

Судя по находке монеты на улице возле пом. 18, строительство жилого массива и оборонительной стены Кампыртепа приходится на период правления Сотера Мегаса. Со временем осуществляется коренная реконструкция внутренней застройки, связанная с дроблением жилья на более мелкие составляющие. Та архитектурно-планировочная структура, которую зафиксировали археологи, относится к периоду правления Канишки – конец I – начало II в. н. э., когда происходило постепенное наращивание полов в башнях и помещениях Кампыртепа (два пола), а также в смежных с улицей строениях (три пола). Ближе к концу этого периода осваивается узкая полоса за стенами, где осуществляется бурная хозяйственная деятельность, о чем красноречиво свидетельствуют множество отходов керамического производства и, наверное, других небезопасных ремесел, связанных с применением огня. Не исключено, что в результате подобных действий была утрачена часть куртины между башнями 1 и 2 и уже в то время открыт свободный доступ внутрь городка.

В середине II в. н. э. тенденция регресса привела к закономерному результату – полному прекращению обживания Кампыртепа, что доказывают захоронения в башнях, датированные монетами Хувишки [17, с. 63; 16, с. 14–16].

В Северной Бактрии с именем царя Хувишки связана грандиозная деятельность по реставрации буддийских объектов [15, с. 95]. Ясно, что Кампыртепа не попал в ряд реконструируемых, так как все интересующие центральную власть сооружения располагались в долине р. Сурхандарья, в том числе крупнейшее из них – «заповедник буддизма» – Термез, и, надо полагать, значение его в это время неизмеримо возросло.

Если для второй половины I тыс. до н. э. можно достаточно обоснованно предполагать доминирующую роль Кампыртепа, то в первые века н. э. средоточием торгово-таможенных (и не только) функций понемногу становится Термез как главная переправа через Амударью по дороге в Балх. Не исключено, что этому могло способствовать относительное снижение объема грузооборота в середине II в. н. э., когда один пункт вполне справлялся с возложенными на него задачами.

Никак не отвергая версию о запустении Кампыртепа из-за эрозии, обусловленной воздействием вод Амударьи, можно думать все же, что

основной причиной ухода населения являлась постепенная утрата городом в процессе исторического развития своего изначального предназначения – охраны, контроля и обеспечения переправы; теперь эти функции унаследовал Термез. Благодаря протекционистской политике властей последнюю точку в конкурентной борьбе поставил буддизм, выведя Термез в ряд выдающихся городов Средней Азии и погубив кушанский Кампыртепа.

Библиография:

1. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
2. Брыкина Г. А., Горбунова Н. Г. Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
3. Исамиддинов М. Х., Хасанов М. Х. История древнего и средневекового керамического производства Нахшаба. Ташкент, 2000.
4. Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин 2. М., 1977.
5. Курбанов С. А. Цитадель Кампыртепа (к формированию и динамике развития античных цитаделей Бактрии) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 2000.
6. Лериш П. Оборона эллинистического города Айханум в Афганистане // Городская культура Бактрии – Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
7. Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2.
8. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепау-Шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
9. Пидеев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
10. Пругло В. И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира. М., 1977.
11. Пугаченкова Г. А. Бактрийские каменные микробазы // Городская культура Бактрии – Тохаристана: Тезисы докладов. Самарканд, 1995.
12. Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия. М., 1976.
13. Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966.
14. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
15. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия – Тохаристан. Ташкент, 1990.
16. Ртвеладзе Э. В. Кампыртепа – структура, периодизация // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. I. Ташкент, 2000.
17. Ртвеладзе Э. В. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане // Древняя и раннесредневековая культура Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.
18. Русанов Д. Градостроительная культура Кампыртепа эпохи Кушан // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. I. Ташкент, 2000.

Рис. 2.
Схематичный план
и разрез башни-5.

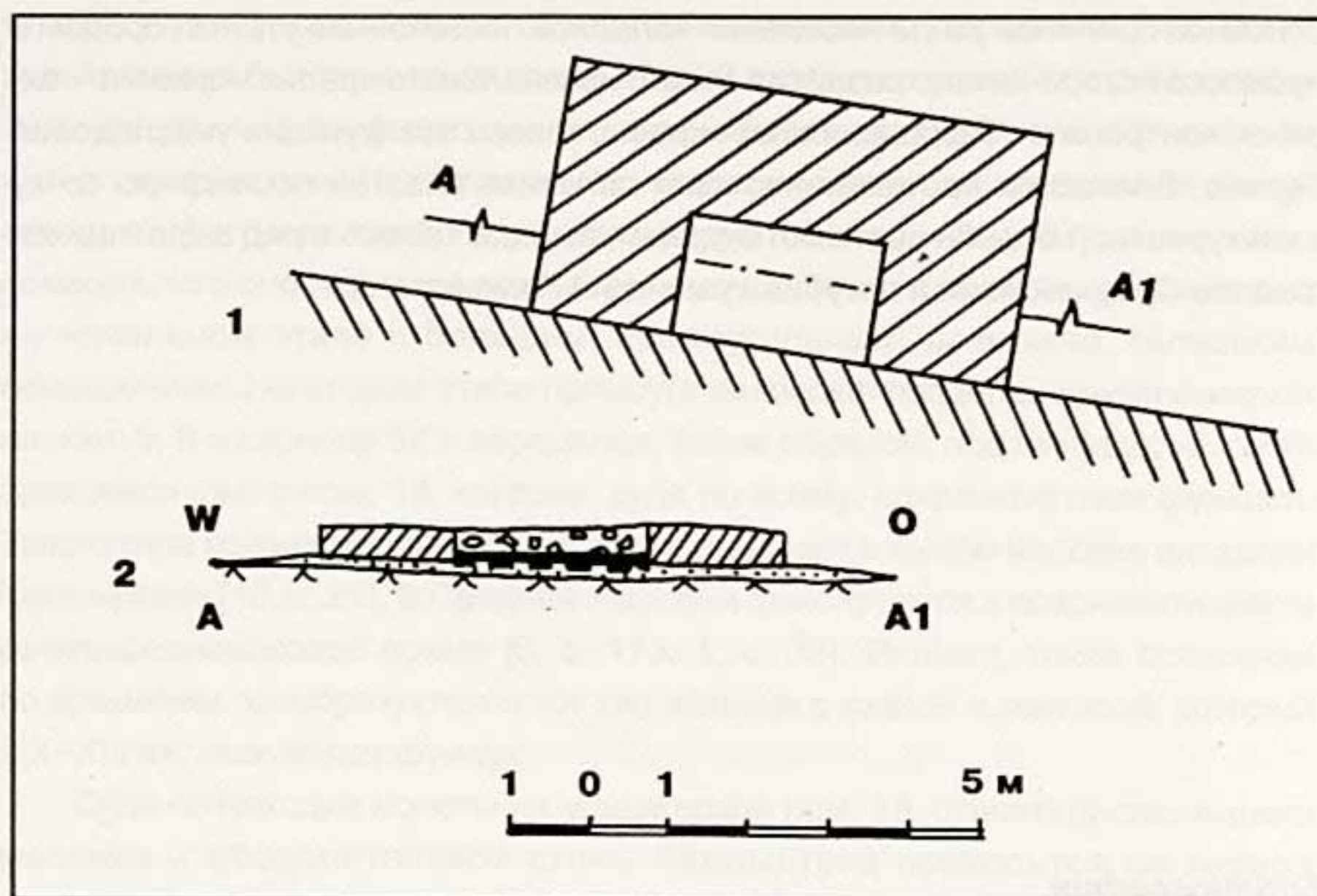

Рис. 3.
Схематичный план
и разрез башни-4.

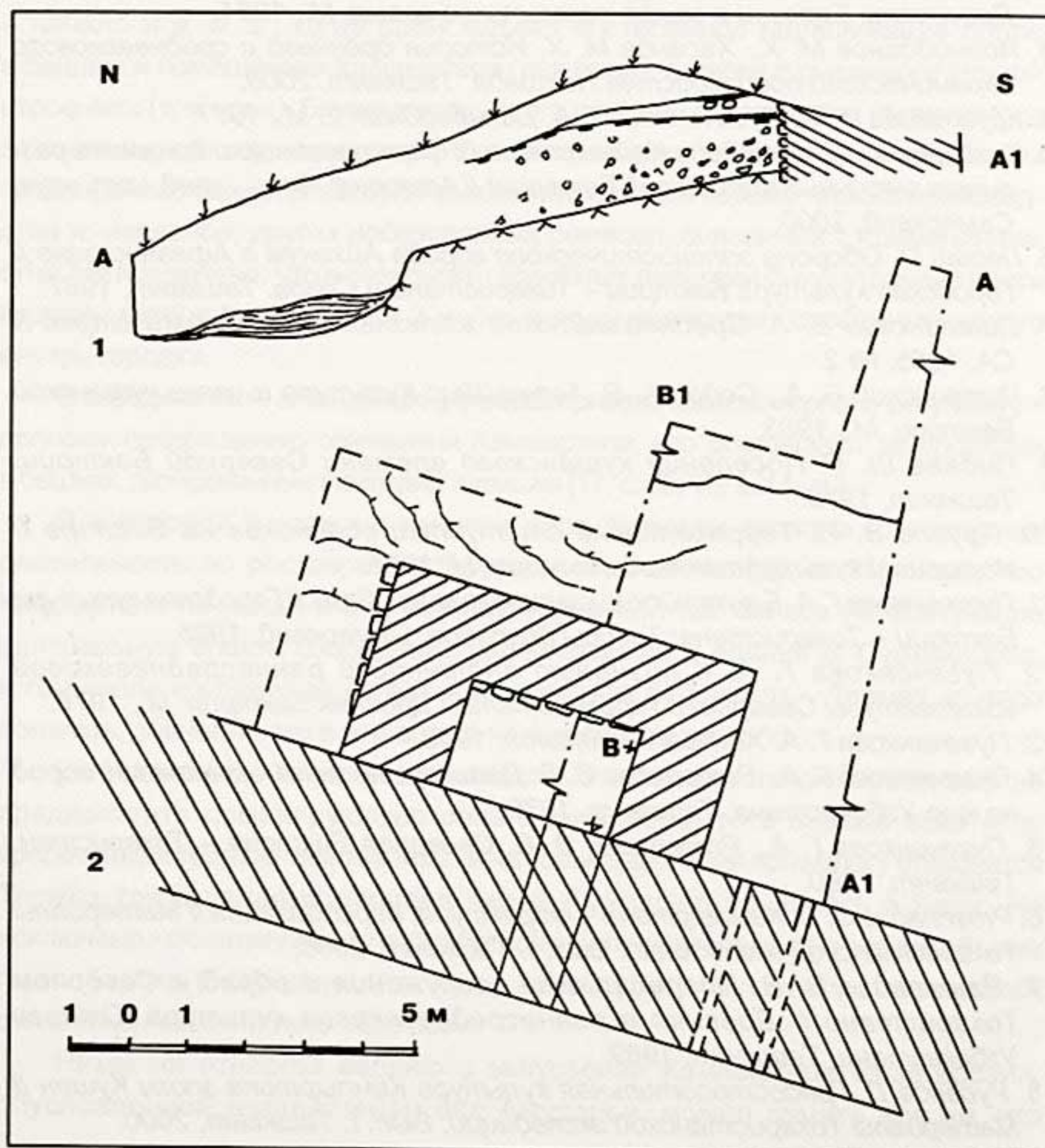

Рис. 4.
Разрез башни-4.

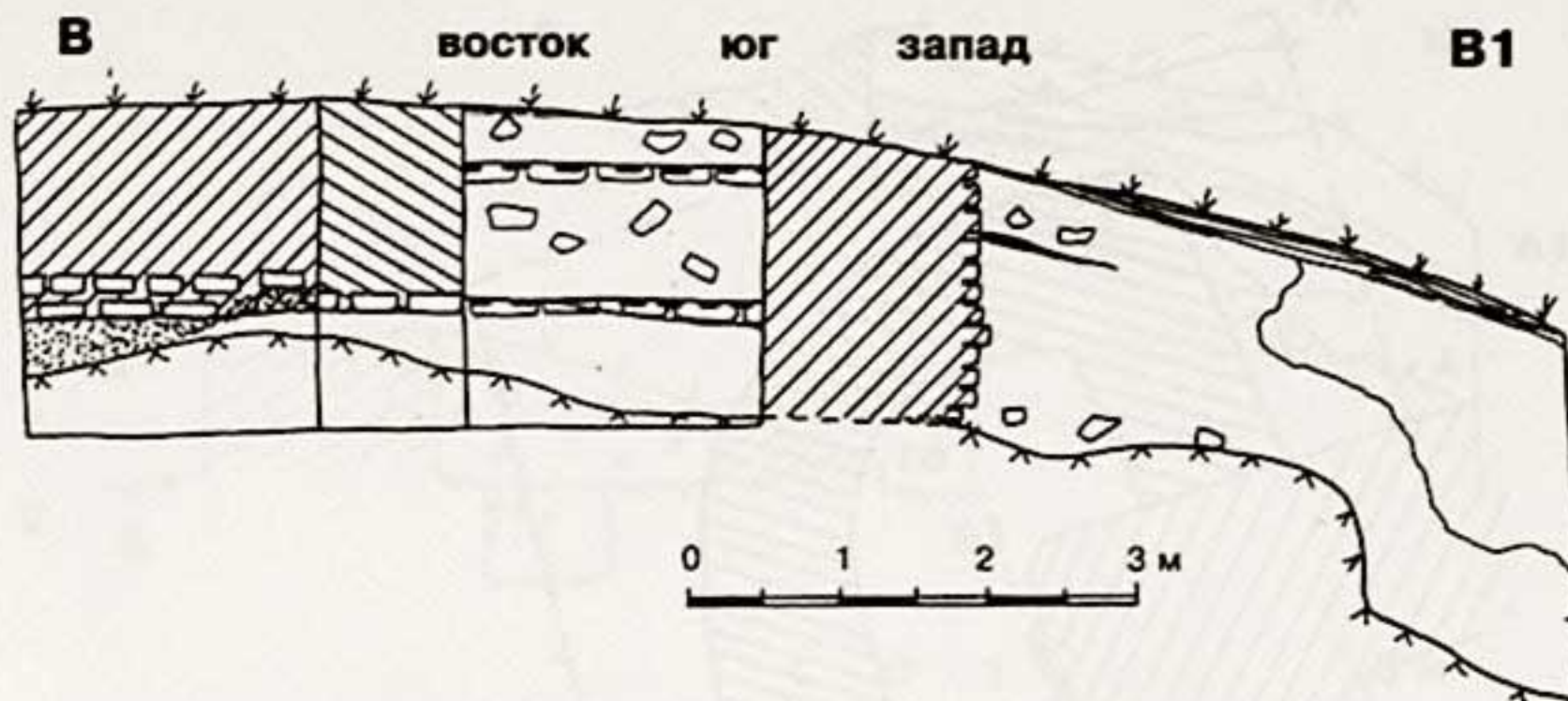

Рис. 5.
Схематичный план
и разрез башни-2.

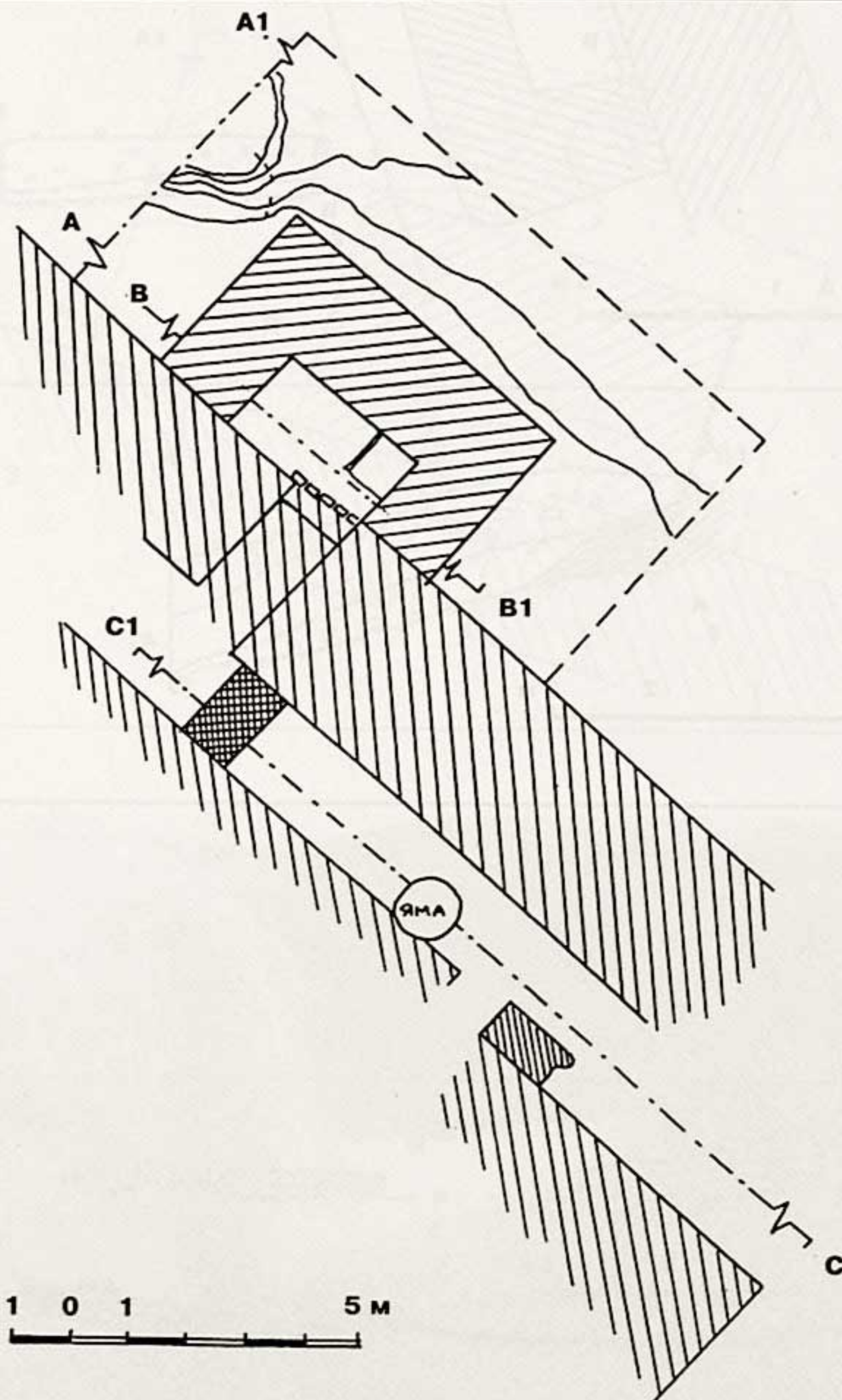

Рис. 6.
Схематичный план
и разрез башни-1.

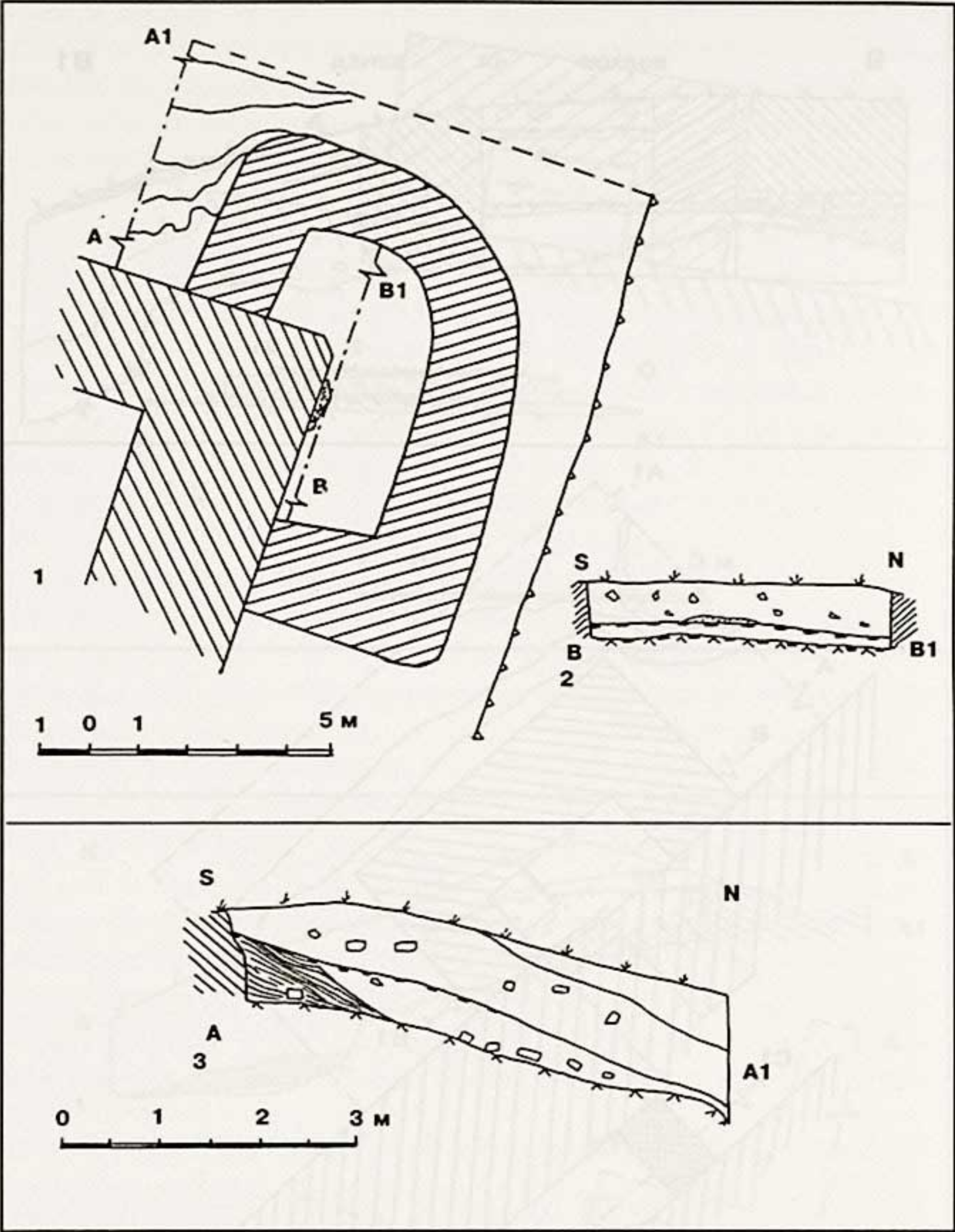
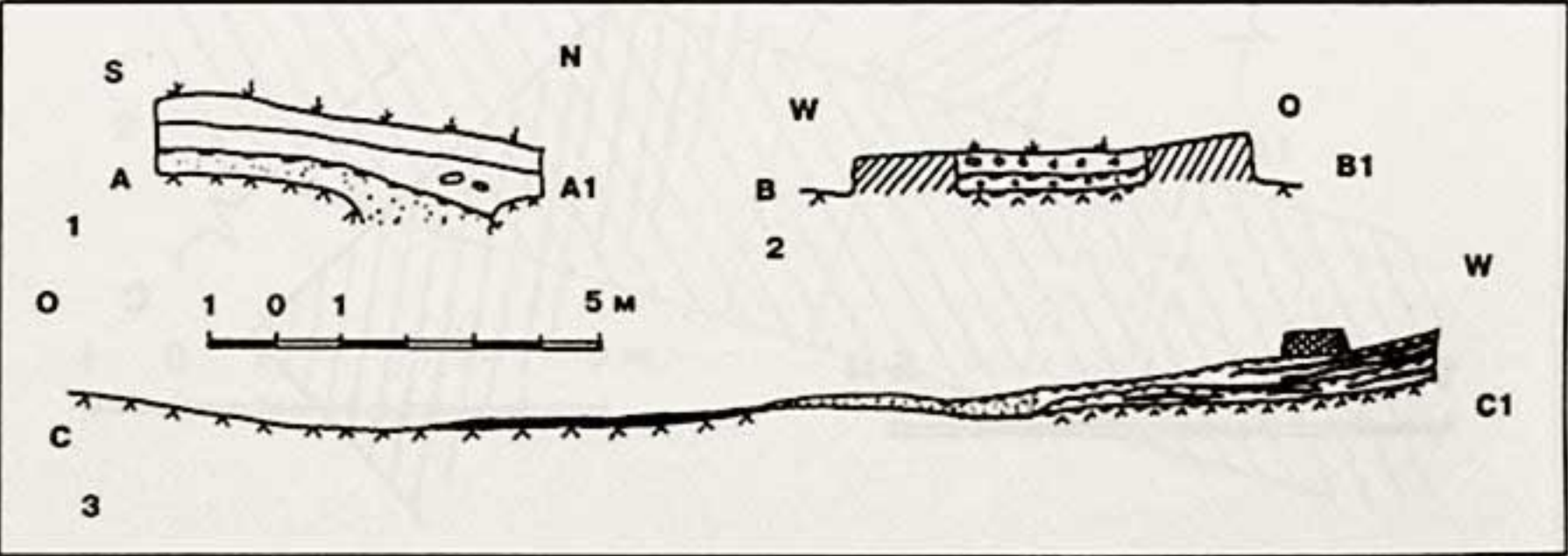

Рис. 7.
Разрезы башни-2
и улицы-галереи.

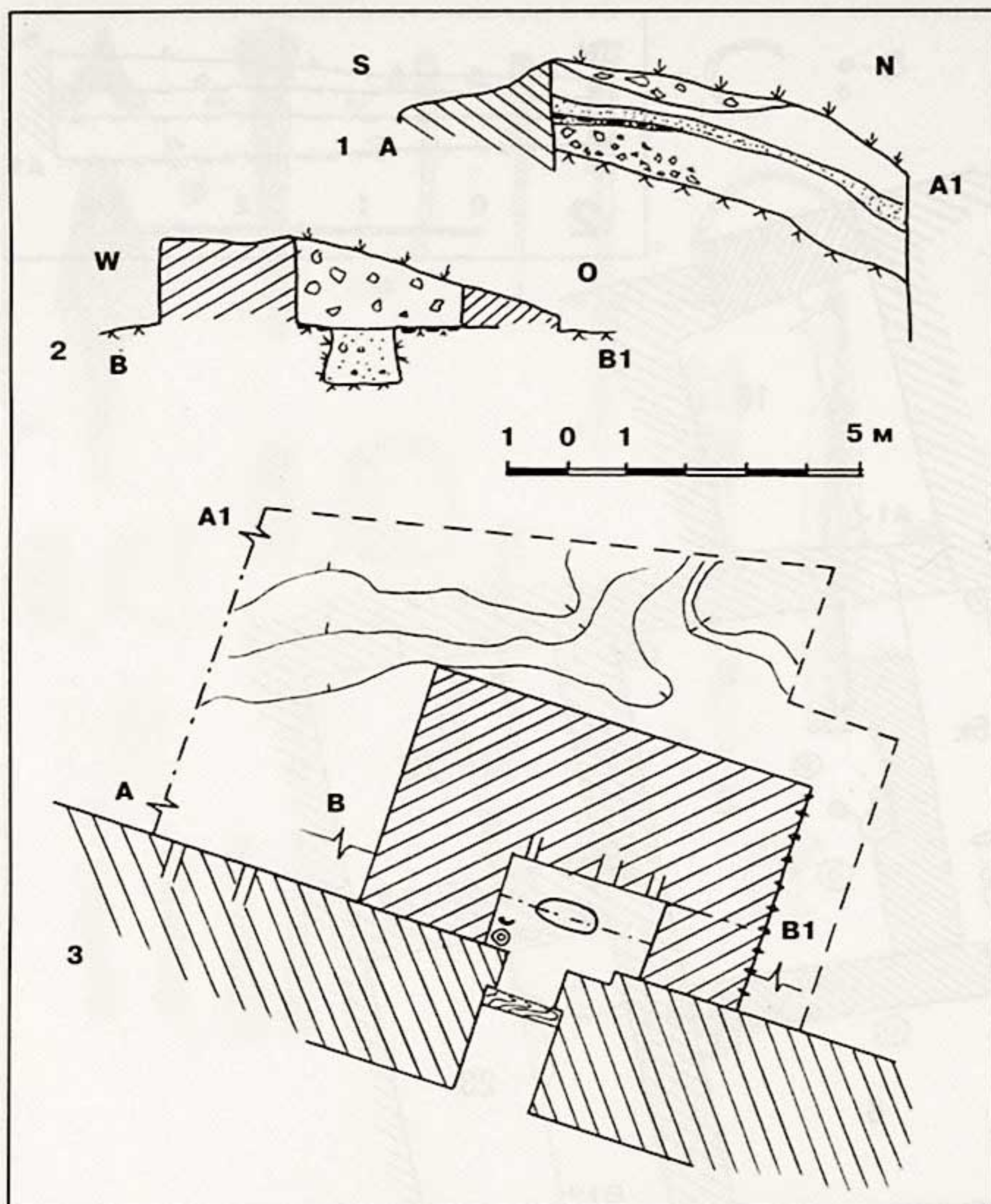

Рис. 8.
Схематичный план
и разрез башни-3.

Рис. 9.
Вход в «жилую»
башню-3.

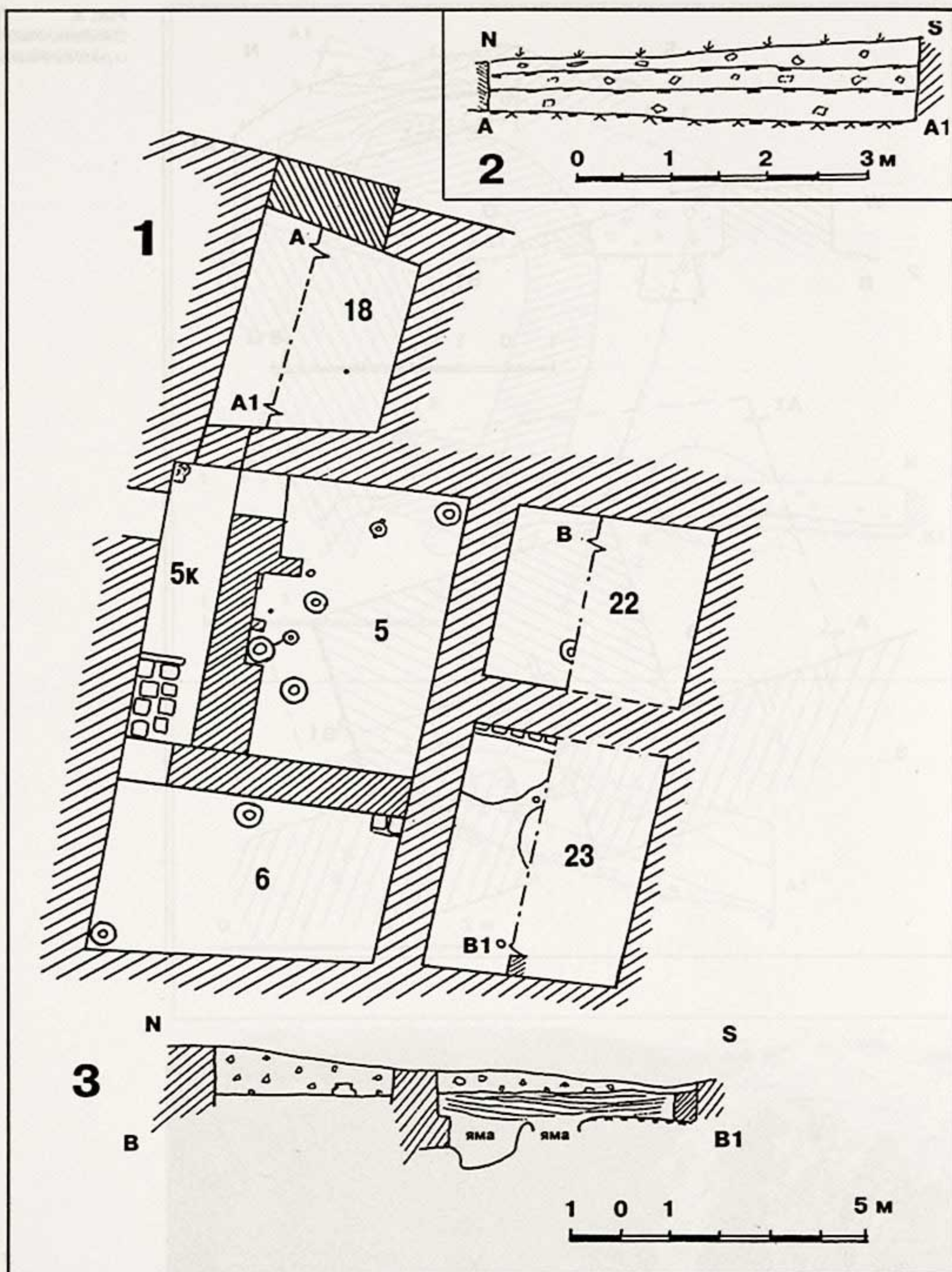

Рис. 10. Схематичный план и разрезы помещений северо-восточной части Кампыртөпә.

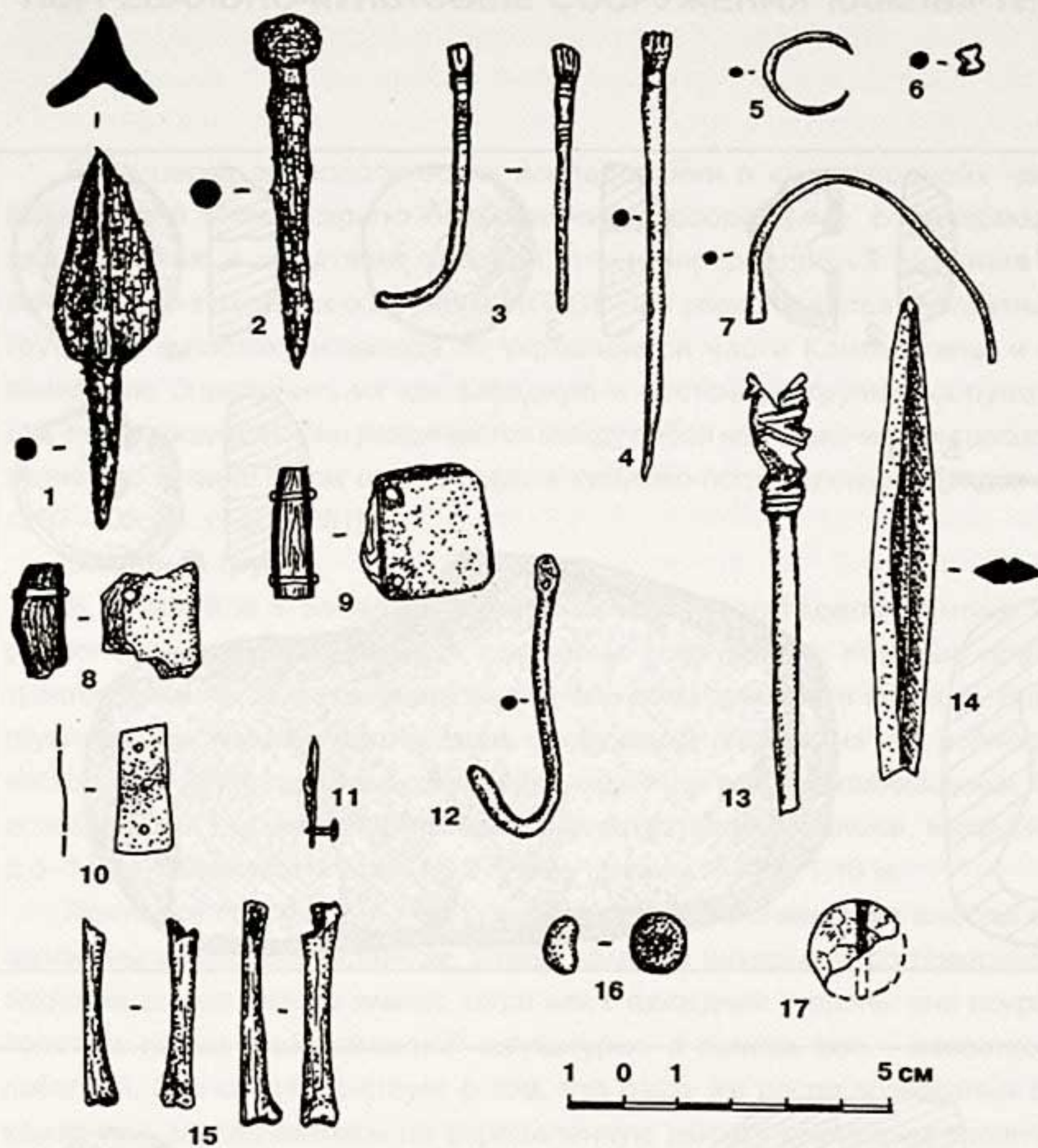

Рис. 11.
Находки из раскопок
северо-восточной
части Кампыртепа:
1 – железо;
2 – железо и медь;
3–11 – медь;
12 – свинец;
13–15 – кость;
16 – стекловидная
паста; 17 – горный
хрусталь.

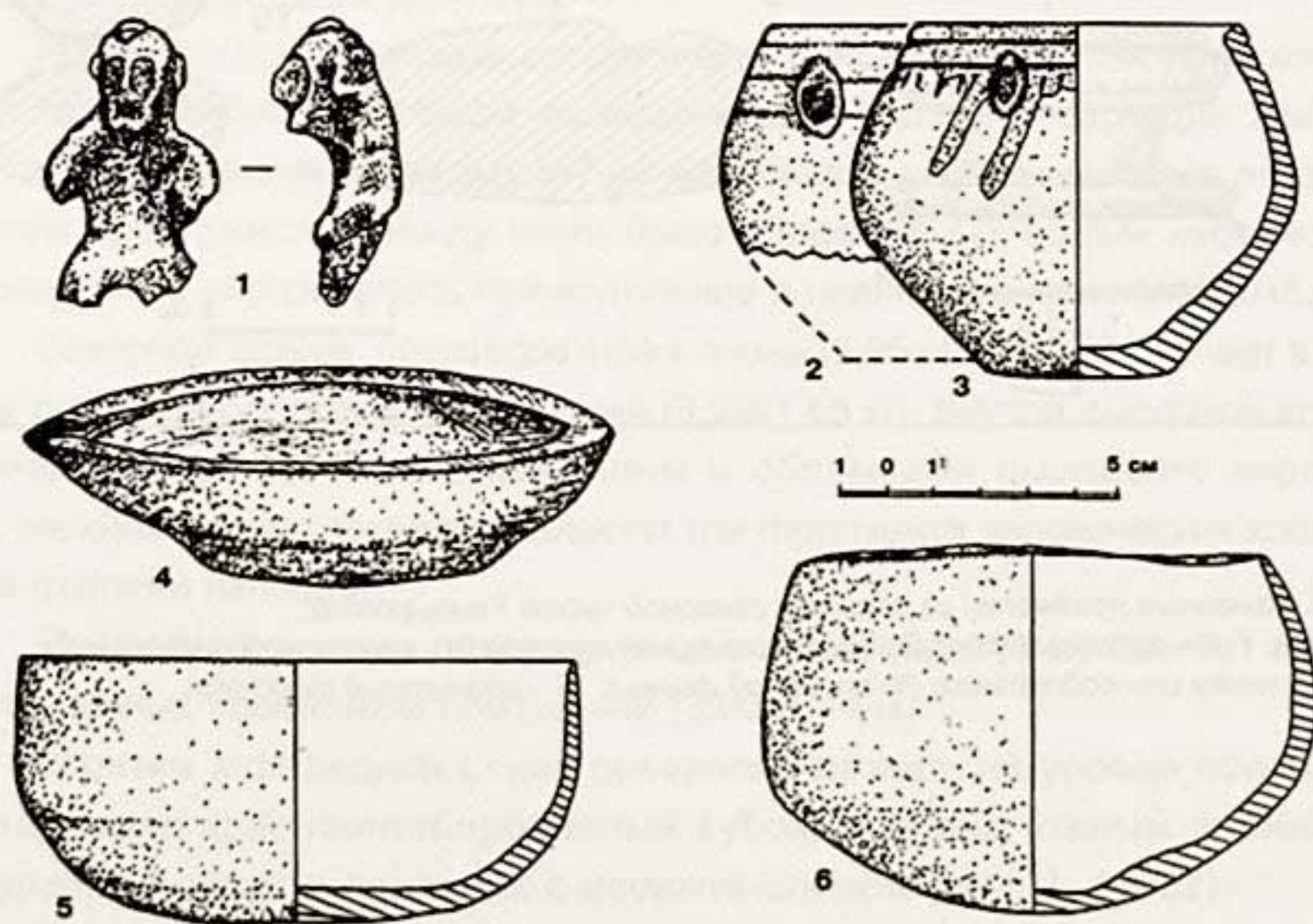

Рис. 12.
Глиняные изделия
и красноангобиро-
ванные чаши из
раскопок северо-
восточной части
Кампыртепа.

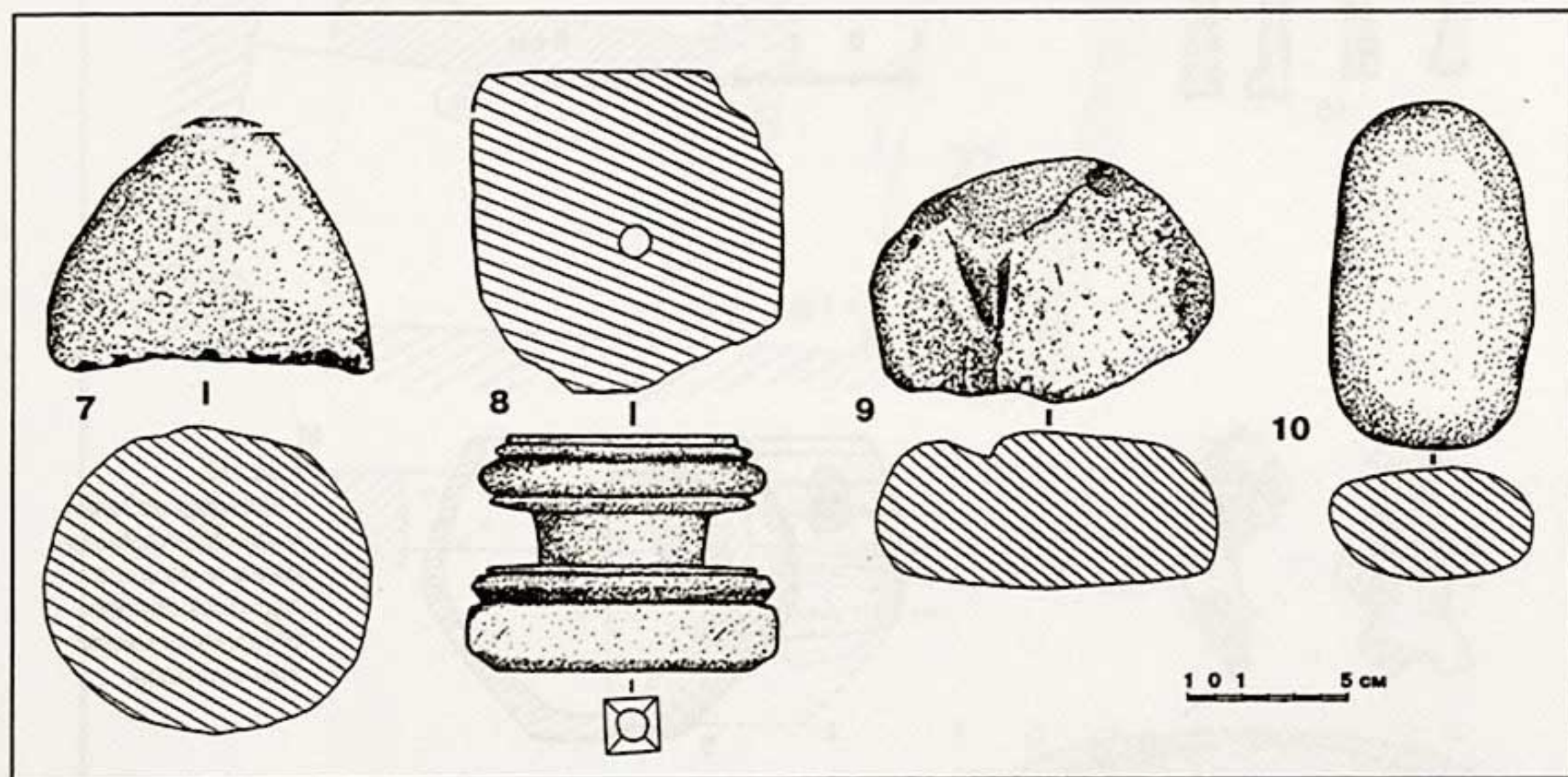
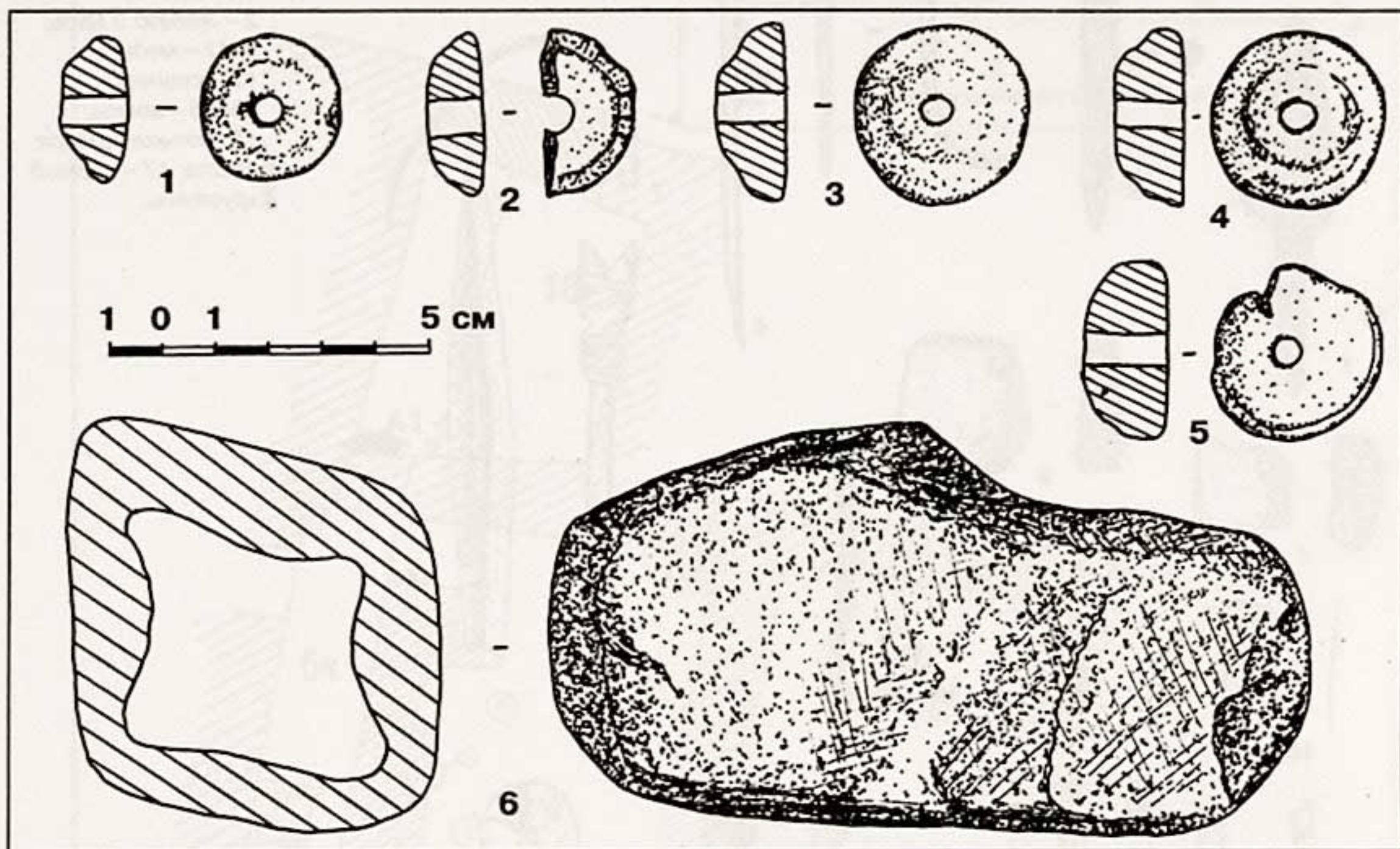

Рис. 13. Каменные предметы из раскопок северной части Кампыртепа:
 1-5 – пряслица; 6 – орудие; 7-8 – гипсовый сфероконус и мраморная микробаза из алтарной ниши пом. 5;
 9 – обломок терочника или подпятника дисковидной формы; 10 – гранитный терочник.

В процессе археологических исследований в «пригородной» части Кампыртепа было вскрыто большое число сооружений, совмещающих погребальные и культовые функции, что и определило их название как погребально-культовых сооружений (ПКС). Они располагаются компактными группами к востоку и западу от укрепленной части Кампыртепа, и это позволило определить их как западную и восточную группу сооружений (см. план городища). Они различаются между собой не только местом расположения, но и характером архитектуры и культово-погребальных обрядов [33, с. 87–105; 34, с. 209–251].

Западная группа.

В 150–300 м к западу и северо-западу от цитадели Кампыртепа расположена группа наземных сырцовых сооружений, которые прежде трактовались как погребальные наусы, или дома для духов предков. В этой группе зафиксировано одиннадцать сооружений (восемь из них полностью раскопаны), из которых приводим описание лучше всего сохранившихся. Они возведены на выровненной поверхности естественных холмов, высотой до 0,5–1,0 м. Сохранность стен – 0,2–0,9 м, ширина – 0,80–1,10 м.

Почти все сооружения этих помещений до сохранившейся высоты стен заложены сырцовым кирпичом. Стены камер в интерьере до поверхности закладки штукатурки не имеют, тогда как с фасадной стороны они покрыты толстым слоем глиносаманной штукатурки, а поверх нее – известковой побелкой. Это свидетельствует о том, что сразу же после возведения стен камер они закладывались на определенную высоту сырцовым кирпичом. Главный фасад у всех сооружений выделен выступающими на 0,20–0,25 м пилястрами. Сооружения ориентированы по оси север–юг с небольшим отклонением на восток, фасадом на юго-восток.

Эти сооружения занимают одну часть холма. Вторая его часть представляет собой ритуальную площадку, предназначенную для совершения различных обрядовых действий.

Погребально-культовое сооружение-I (ПКС-I, рис. 1). На поверхности холма первоначально были возведены два отдельно стоящих здания (в тексте обозначены как наусы) на небольшом расстоянии друг от друга. Затем пространство между ними было заложено сырцовым кирпичом, и в результате образовалось прямоугольное в плане сооружение (15,0х5,1 м).

Северное здание, подквадратное в плане (5,95х4,90 м), включает в себе два разделенных стеной помещения (3,00х1,65 м). Внутри сырцовой кладки камеры забутованы комьями глины и обломками сырцового кирпича. На верхнем уровне закладки найдены три фрагмента человеческих костей и две фаланги пальцев.

Южное здание, тоже подквадратное в плане (5,9х4,0 м), состоит из двух разделенных простенком помещений (3,00х1,75 м).

Впритык к фасадной стене северного здания, на уровне основания стен, стоял красноангобированный кубок, а перед южным зданием – двуручный сосуд и поильник с носиком-сливом (рис. 1, 19–22).

В восточной части холма, свободной от застройки, обнаружены культурные слои, в которых отмечено два уровня. Первый представляет собой выровненную поверхность холма, совпадающую с уровнем полов в камерах зданий. На поверхности холма здесь зачищено пять углублений диаметром 10–15 см, расположенных дугой, на расстоянии 1,2–1,5 м друг от друга, от стены здания до северного края холма. На этом же уровне обнаружены два очажных пятна с обгоревшими костями животных. Между первым и вторым уровнем, зафиксированным на высоте 0,5 м у стены здания и 0,1 м у края бугра, залегает довольно плотный слой земли темно-коричневого цвета, насыщенный фрагментами керамики. Второй уровень отмечен прослойкой известковых вкраплений, вероятно, от упавшей штукатурки, выше нее до уровня дневной поверхности идет рыхлый слой, состоящий из надувного песка, фрагментов керамики и обломков зернотерок.

ПКС-II (рис. 2). Расположено под углом 90° по отношению к предыдущему, с южной стороны от него, на расстоянии 0,85 м. Прямоугольное в плане (9,30х4,55 м), состоит из двух помещений.

Первое помещение обращено входом на восток. В юго-восточном его углу расположена ниша (1,00х0,25 м). Помещение полностью забутовано рядами сырцового кирпича, в швах которых встречались фрагменты керамики. На уровне верхнего ряда найдены фаланги пальцев руки и ноги. С южной стороны помещения позднее были пристроены две параллельные стены, из которых западная – заподлицо с аналогичной стеной камеры, а восточная – с небольшим, до 0,15 м, отступлением от грани стены камеры. В результате этих достроек возникло новое помещение типа глубокого айвана (3,75х3,05 м), стены которого изнутри покрыты глиносаманной штукатуркой. В помещении обнаружено небольшое количество керамики. Вдоль главного фасада здания с восточной стороны, впритык к стене, стояли шесть керамических сосудов, причем некоторые из них были вложены друг в друга (рис. 2, 5–6).

В культурном слое восточной части холма встречаются множество фрагментов керамики, отдельные кости животных и птиц, а также очажные пятна.

ПКС-III (рис. 3). Расположено в 24 м к северо-востоку от предыдущего. Прямоугольное в плане (12,5х4,0 м). Первоначально состояло из двух зданий, соединенных общей юго-западной стеной, и расположенного между ними открытого с северо-восточной стороны помещения.

Северное здание (4,8х4,0 м) включает две камеры (2,1х0,5 м). На уровне верхнего ряда кладки в нем найдены фрагменты человеческого черепа. Южное здание (3,9х3,0 м) первоначально состояло из одной камеры (2,05х1,25 м). Затем промежуток между зданиями 1 и 2 был закрыт с северо-восточной стороны сырцовой стеной. Дополнительно к юго-восточной стене здания была пристроена еще одна стена, в результате чего образовалась новая камера (2,05х1,30 м). Под дерновым слоем, на уровне верхнего ряда кладки, в нем найдены ключица и фаланги пальцев.

Здание-3 (4,30х3,30 м), пристроенное с южной стороны к зданию-2, включает одну камеру (2,50х1,70 м). Предметов и костей в здании не обнаружено.

Культурный слой в восточной половине бугра однороден: надувной песок, разрушенный сырцовый кирпич от кладки стен и фрагменты керамики. Перед восточной стеной здания-1 находились красноангобированный бокал и кубок. Еще один кубок стоял перед зданием-2 (рис. 3, 1–3).

ПКС-IV. Расположено в 25 м к северо-западу от предыдущего. Сохранились лишь отдельные фрагменты сырцовых кирпичей.

ПКС-V (рис. 4). Расположено в северо-восточной части некрополя. Сооружение, прямоугольное в плане (7,69х3,96 м), ориентировано на оси северо-восток – юго-запад, главным фасадом, выделенным выступающими на 0,25 м пилястрами, обращено на юго-восток. Состоит из двух камер, к которым с юго-запада пристроен открытый «айван», хотя, возможно, что юго-западная стена здесь просто не сохранилась. Внутри сооружения костей, керамики и иных предметов не обнаружено.

Камера 1 – подквадратная в плане (2,14х2,18 м). Пол ровный, обмазан слоем глины с саманом толщиной 2–3 см. Над полом – рыхлый слой с обломками сырцового кирпича и слой средней плотности желтоватого материкового цвета, толщиной 0,18 м; его перекрывает более рыхлый слой толщиной 0,16 м.

Камера 2 – прямоугольная в плане (2,40х2,20 м). Пол ровный, с глино-саманной промазкой, толщина – 4–6 см. Юго-восточный и юго-западный углы камеры заняты сложенными из сырцового кирпича вперевязь с основными стенами подквадратными в плане выступами (0,79х0,63 и 0,84х0,75 м), образующими нишу шириной 0,80 м. На одном из выступов (юго-восточном) – следы, возможно, ритуального очага со стебельками и веточками растений.

Северная часть камеры занята суфой шириной 0,7 м, разделенной на несколько отрезков стенками в один кирпич, сохранившимися в высоту на 0,14–0,16 м от уровня пола; они покрыты глиняной штукатуркой толщиной 4 см. На площадке перед восточной стеной здания, в направлении с севера на юг, располагалось несколько керамических сосудов: двуручный разбитый кувшин, два кубка, резервуар курильницы, небольшой сосуд с носиком и ручкой, а также значительное число фрагментов керамики, кости животных, рога оленя. Тут же отмечены два небольших очага.

Для данных сооружений выявлено два этапа строительства: первый – возведение одиночных зданий с двумя или одним помещением; второй этап – забутовка их на определенную высоту сырцовым кирпичом и перестройка свободного пространства между зданиями, как в сооружениях 1 и 3. В сооружении 3 к имеющимся двум зданиям пристраивается еще одно, с одним помещением, или, как в сооружении 2, две стены, образующие глубокий «айван». В результате этих перестроек одиночные здания превращаются в продолговатые сооружения, включающие до четырех-пяти помещений.

Датировка вскрытых сооружений исходит из общих хронологических рамок основного периода обживания городища, укладывающегося в период правления кушанских царей Сотера Мегаса – Канишки, а также из обнаруженной здесь керамики. Примечательной ее особенностью является наличие сосудов, тяготеющих, с одной стороны, к юечжийско-кушанскому времени, а с другой, – представляющих формы, свойственные развитому кушанскому периоду.

Первые представлены цилиндро-коническими кубками, аналогии которых дают многие северобактрийские памятники конца II в. до н. э. – I в. н. э.: Айрамский и Тулхарский могильники, нижний горизонт Дальварзинского науса, Мирзакултепа [22, с. 104–112; 23; 30, с. 123; 41, с. 69]. Однако в данных сооружениях эти формы довольно редки, к тому же более ранние кубки

с глухим дисковидным поддоном здесь фактически отсутствуют, преобладают кубки с кольцевым поддоном.

Примечательно, что кубки отсутствуют среди довольно многочисленной керамики из погребений в башнях крепостной стены Кампыртепа, датируемых монетами Хувишки. В составе погребального инвентаря Ялангтушского могильника единственный цилиндро-конический кубок найден только в наусе, вместе с монетой Сотера Мегаса, тогда как в других наусах, датированных монетами Кадфиза II – Хувишки, их совсем нет [32].

Если сопоставить эти факты, то можно, вероятно, заключить, что в период правления Кадфиза II – Канишки цилиндро-конические кубки становятся очень редкой формой, а во времена Хувишки их производство, видимо, уже прекращается.

Вторая группа керамики представлена колоколовидными кубками на кольцевом поддоне и аналогичной формы бокалами на высокой профилированной ножке, сосудами-поильниками, одноручными кувшинами с шаровидным туловом, горшками и тагара. Для некоторых из этих форм характерен процарапанный волнистый линейный орнамент. Аналогичные формы керамики свойственны памятникам развитого кушанского времени: Дальварзинтепа, слой ДТ-3 [29]; могильники Туп-ханы [19, с. 219–220] и Тулхара [29, табл. XXI].

Обычен набор керамики подобных форм и орнаментации для других объектов Кампыртепа: цитадели, здания Р-1, где им сопутствуют монеты Кадфиза II и Канишки. Вместе с тем, в довольно многочисленном наборе керамики из данных сооружений отсутствуют такие примечательные формы керамики, как кружки с петлевидной ручкой. Они редки и на Кампыртепа, где одна кружка отмечена только в восточном погребальном комплексе. Кружки являются одной из ведущих форм керамики кушано-сасанидского времени, хотя отдельные экземпляры их, как в Кампыртепа, встречаются в более ранних комплексах. Данные о них собраны А. В. Седовым, который считает возможным ограничить время появления кружек в керамике кушанских памятников Северной Бактрии III в. [10, с. 77].

Этот вывод правомерен для времени широкого их распространения, но наиболее ранний период появления кружек относится ко II в. н. э.

В целом время бытования кампыртепинских сооружений укладывается в I–II вв. н. э.

Обратимся теперь к интерпретации этих сооружений. Определенно можно исключить их жилое назначение из-за малой площади и отсутствия культурного слоя, характерного для жилых комнат. Более вероятна их трактовка как погребальных наусов, но и в этом случае имеются противоречащие обстоятельства: малое количество костей и лишь два-три фрагмента черепов; нахождение их здесь, впрочем, могло быть не связано с захоронениями. Отсутствие костей и предметов можно было бы объяснить плохой сохранностью, но в наусах Ялангтуштепа при гораздо меньшей высоте стен погребальный инвентарь и кости имеются в достаточном количестве. Нельзя считать эти сооружения кенотафами, возведенными в память умерших на чужбине сородичей: столь большое их количество для одного городища невозможно.

Об этом же свидетельствуют и конкретные археологические факты, полученные при раскопках. Как показано нами выше, все пространство бугра

делится на две части: одну часть занимает само сооружение, вторая представляет собой ритуальную площадку для совершения различных обрядовых действий. На этих площадках, в частности, обнаружены небольшие углубления – лунки, заполненные чаще всего чистой золой, остатками сгоревших растений и изредка – пережженными костями животных. Вполне вероятно, что это культовые очажки для возжигания определенных видов растений, так как размеры лунок – 15–20 см в диаметре – не позволяют считать их бытовыми очагами. Вероятно, пища, как и напитки, приносилась сюда в сосудах, причем часть их после совершения обрядовых пиршеств здесь же и разбивалась: об этом говорит наличие множества фрагментов сосудов, разбросанных по площади холма. Другая часть сосудов, вероятно, предназначалась в дар духам, они ставились заполненными пищей и напитками (в одном из них на дне обнаружены остатки пищи темного цвета и комки зерен) перед стенами сооружений, среди них – посуда, употреблявшаяся для пищи (тарелки, чаши, горшки) и напитков (кубки, поильники). Вместе с тем какая-то часть пищи или напитков приготавливалась на месте: в некоторых местах площадок обнаружены очажные пятна, а найденные здесь зернотерки и куранты употреблялись для растирания зерен и растений.

Очевидно, здесь цикл обрядовых действий, совершаемых на ритуальных площадках, был связан с жертвоприношениями духам предков. Причем жертвоприношения носили преимущественно бескровный характер, поскольку находки костей животных очень редки (однажды встречены рога горного козла). Возможно, что, помимо жертвоприношений, в обрядовые действия входили также магико-заклинательные акты, обращенные к духам предков с просьбой о помощи, а также зороастрийский ритуал очищения от трупной скверны.

Обратим, в частности, внимание на наличие на ритуальных площадках специально выкопанных лунок с иного рода заполнением – только чистой землей. В связи с этим любопытна одна этнографическая параллель. Е. Пещерева пишет, что на второй день праздника Гули-Сурх в Исфаре женщины идут к мазару Ходжа Абдулло-и Сухри, где готовят жертвенную пищу. После того как пища съедена, женщины копают рукой ямки около стен мазара и по находимым предметам – зернам и червям – гадают о том, кто родится в этом году, какого пола будет ребенок [25, с. 366].

Примечательно, что на одном из этапов зороастрийского ритуала очищения от трупной скверны, именуемого «Баршанум-и но шаб» (очищение девяти дней и ночей), человек, желающий совершить этот обряд, должен был выкопать «девять ямок глубиной два пальца летом и четыре пальца зимой, ... на расстоянии одного шага в три ступени между ними» (Видевдат, фаргард 9). В среднем глубина составляет 14–28 см, а расстояние – 70–80 см. Примерно такой же размер и расстояния имеют ямки, зафиксированные на описанных ритуальных площадках. Аналогичные ямки зафиксированы в некоторых, вероятно, культовых помещениях цитадели и в святилище пятого блока-квартала укрепленной части городища.

Наличие двух уровней обживания на ритуальных площадках, однородность культурного слоя и находок свидетельствуют о том, что каждое из зданий было почитаемо в течение длительного времени, возможно, на всем протяжении существования городища Кампыртепа в кушанский период.

Совокупность полученных археологических данных указывает на очевидную связь этих сооружений с циклом поминальных и посвячительных обрядов, связанных с почитанием предков. Вероятно, одно сооружение было посвящено культу предков определенной семьи, тогда как последующее объединение нескольких сооружений в одно целое, возможно, свидетельствует о слиянии культа конкретных предков в большесемейный общий культ.

Письменные источники и особенно этнографические данные свидетельствуют о существовании в Средней Азии различных сооружений, посвященных культу предков. Исходя из этих данных, можно выявить следующие типы сооружений:

I. Храмы царских предков. Обрядовый цикл в них включал ритуальный культовый обход возвышения с прахом предков, жертвоприношение плодов и растений, поминальную тризну [7].

II. Погребальные наусы, где в определенные дни, предшествующие Наурузу, производилось кормление духов предков [6, с. 236, 255, 258].

III. Жилые дома, изредка якобы посещаемые духами предков, для которых на крышах домов устанавливались сосуды с напитками [10, с. 256].

Археологические данные дополняют этот реестр сооружений, посвященных культу предков, еще двумя типами.

Это династийные храмы, которые, как в Сурх-Котале и Рабитаке, возводились для прославления умерших кушанских царей и, следовательно, также фактически являлись обиталищами их духа, антропоморфированного в скульптурах царей, украшавших храм, или становились таковыми с течением времени, как Халчаянский дворец, превращенный впоследствии в храм обожествленных героев-прародителей [26, с. 213–214].

Это, кроме того, семейные святилища, посвященные духам предков, выявленные в жилых домах Бактрии [27, с. 39, 41], Согда [5, с. 83] и Ферганы [10, с. 104]. Для них, вероятно, в каждом доме отводилось специальное помещение, непременной принадлежностью которого была ниша с возжигаемым в ней огнем в честь конкретных предков семьи. Иногда в подобных святилищах устанавливались терракотовые статуэтки и примитивные «лепные идола», передающие, вероятно, обобщенный образ прародителя – предка семьи. В жилых домах могли быть и другие места – порог, очаг, воспринимаемые как обиталище духов предков.

В подобном же качестве следует рассматривать т. н. «гробницы Сиявуша» – могущественного предка-героя, существовавшие во многих местах предполагаемой его гибели – внутри ворот продавцов соломы в Бухаре, в Пайкенде и Хорезме [38, с. 32].

Очевидно, что в Средней Азии существовали различного рода сооружения, посвященные культу предков, отражавшие два направления: семейный культ и культ царских предков, возведенный в ранг общегосударственной религии.

Небезынтересно рассмотреть также этнографические данные, поскольку они значительно расширяют круг сооружений для духов предков, а некоторые из них имеют вероятную генетическую связь с более ранними зданиями подобного типа.

Согласно Грант-Аллену, культ предков составлял основу всех религий мира [12], а потому сооружения, посвященные этому культу, воплощенные

в самые разнообразные формы, встречаются у многих народов мира [12, с. 32]. Они различны по архитектуре и социальному признаку: духи знатных, могущественных предков имели соответственные их положению храмы, а духи предков простого люда – хижины. В селениях некоторых племен Африки существовало по два или три «дома духа». У других народов эту функцию выполняли дерево, его обрубок или столб, подпиравший крышу, а также очаг и порог в жилом доме. Жилища духов предков, по поверьям многих народов, располагались в горах или других естественных убежищах [4; 12; 18, с. 247–248; 35, с. 144; 44, с. 53–54]. «Дома для духов предков» сохранились до сих пор в ряде районов Средней Азии. В Хорезме у мазаров зачастую встречаются примитивные сооружения из поставленных на ребро жженных кирпичей, называемые «арвах-уй» – «дом духа» [36, с. 111, 117] и представляющие собой, вероятно, миниатюрную имитацию более монументальных зданий.

Другая разновидность «домов духов предков» – макчам – была открыта в с. Карамурт, в Южном Казахстане. Это купольная однокамерная постройка высотой 1,2–1,5 м, шириной до 0,5 м, сложенная из крупноформатного кирпича, покрытого снаружи глиняной штукатуркой. В одной из стен – дверной проем, в другой – оконце со вставленным в нее «аламом» – лоскутом материи на палке. В интерьере домика помещалась тарелка с золой, в которую втыкали светильники, зажигаемые каждый четверг вечером. Перед дверцей макчама – небольшие «суфа», на которые ставили посуду с едой для духов предков. Наряду с односемейными существовали также фамильные макчама, предназначенные для нескольких семей. Они сооружались во дворе, на поляне, в саду.

Третья разновидность сооружений подобного типа – чирогхана отличается от первых двух ярко выраженным сочетанием культа огня и культа предков. К сожалению, чирогхана, широко распространенные в Средней Азии и неоднократно упоминаемые многими исследователями, до сих пор по-настоящему еще не изучены.

По мнению Л. Ремпеля, они представляют собой модель купольных зданий, изваянную из целого блока камня или сложенную из кирпичей с нишей в виде глубокого сводчатого айвана, где помещался чирог или лучина – пилик. Наиболее ранние образцы чирогхана, относящиеся к XV–XVII вв., имеются на мазаре Абд ал-Халика в Гиждуване, Ходжа Абди-Дарун в Самарканде и в бухарском Чор-Бакре [53, р. 29–41].

Вообще же чирогхана отличаются большим разнообразием типов и вариантов, свидетельствующих, что они могут быть не только моделью купольных зданий, но миниатюрным повторением бытовавших некогда различных культовых сооружений. К примеру, чирогхана устраивались до недавнего времени в нишах, украшавших снаружи глинобитные стены самаркандских усадеб-курганча. В этом случае напрашивается параллель с обычаем некоторых племен, рассматривающих столб перед жилищем как воплощение прародителя рода с принесением его духу жертвы.

Интересные и разнообразные типы чирогхана зафиксированы мною и З. Аршавской в Сурхандарьинской области Узбекистана. Среди них можно выделить следующие типы:

1. Миниатюрное сооружение из жженого кирпича, квадратное в плане, с арочным входом, пристроенное к внешней стене мавзолея Ходжа-Иса.

2. Глинобитные сооружения с прорезями-нишками для чирогов, concentрически расположенными по верхней части, – мавзолей Бузуругвар (рис. 5).

3. Отдельно стоящее глинобитное призматическое сооружение (5х0,5х1,6 м) с треугольной нишей в одной из стен для чирогов – мавзолей Ахтам-Сахоба (рис. 6).

4. Глинобитное цилиндрическое сооружение, находящееся в интерьере мавзолея, у одной из его стен. В верхней части несколько нишек для чирогов и жертвенной пищи (Ходжа-Акиляндоз) (рис. 7).

5. Глинобитное сооружение у входа в мавзолей, подквадратное в плане, с порталом и арочным входом. В верхней его части – имитация обходной галереи с прорезями окон-ниш (Султан Санджар Маузи).

6. Каменные переносные чирогхана с арочным входом и купольным завершением (Дашнабад) (рис. 8).

Ритуал действий посетителей мазаров включал возжигание растений и чирогов, подношение пищи, иногда денег, а также глиняных шариков, в которые подмешивалась кровь жертвенных животных. По словам информаторов, это делается для того, чтобы умиловить, накормить и согреть духов умерших предков, которые или постоянно живут в чирогхана, или временно поселяются в них в канун Науруза и других религиозных праздников. Сущность этих обрядовых действий носит явно архаичный характер, восходящий к ритуалам кушанского времени, зафиксированным, в частности, у домов духов предков в Кампыртепа.

Вероятно, не только обряды, но и сами сооружения типа чирогхана, макчам и арвах-уй имеют генетические прототипы в древних зданиях Средней Азии подобного типа. В этом отношении особенно интересны макчамы, по своей архитектуре имеющие очевидное сходство с кампыртепинскими сооружениями.

Восточная группа.

ПКС-1. В 110 м к востоку от крепостной стены городища, за оврагом, расположена лёссовая возвышенность. Здесь вскрыто сооружение прямоугольного плана (66,5х3,0–4,8 м), вытянутое с севера на юг. Оно состоит из трех зданий, возведенных из сырцового кирпича 36х36х12; 40х40х12 см (рис. 9). Стены сохранились на высоту 0,20–0,60 м.

Здание 1 (южное). В начале его – монолитная платформа (10,5–10,8х3,0 м), целиком сложенная из сырцового кирпича. В швах и на кирпичах – отдельные фрагменты человеческих костей. За ней – чередующиеся друг с другом девять камер различной планировки и размеров (2,1х1,4 м; 2,8х1,6 м; 5,6х1,4 м; 5,7х1,9 м). К западной стене камеры-1 с внешней стороны пристроено еще одно помещение со входом (1,6х0,8 м), заполненное надувным слоем песка. Камера-1 и камера-2 забутованы на сохранившуюся высоту сырцовым кирпичом аналогичных размеров. Все остальные камеры внутри заложены чистым лёссом, в некоторых из них встречаются фрагменты керамики и обломки сырцового кирпича.

Здание-2 (среднее). Прямоугольное в плане (7,0х3,5 м), с единственной камерой (6,0х2,8 м). Заполнение того же типа.

Здание-3 (северное). Прямоугольное в плане, включает две большие камеры (4,5х2,8 м и 7,0х2,8 м) и одну маленькую (2,8х0,7 м). Пол во всех камерах представляет собой выровненную поверхность материка.

ПКС-2 (рис. 9). Параллельно зданию-3, на расстоянии 4,70 м, с задней стороны имеется еще одно сооружение, состоящее из нескольких разрушенных

помещений. Пространство между этими двумя зданиями заполнено множеством фрагментов сосудов разнообразных форм; встречаются отдельные человеческие кости, причем в одном случае берцовая кость лежала на донце хума, а фаланги пальцев рук были прикрыты двумя перевернутыми вверх дном мисками. Здесь обнаружены также две бронзовые серьги, медные пластинки и древесные угольки.

Вдоль внешней грани восточной стены ПКС-1 – от юго-восточного угла платформы до камеры-4 – прослежен выкопанный в материковом грунте ров длиной 5 м, шириной 1,4 м, глубиной 0,15–0,18 м (рис. 9). В двух местах на стыке камер 1 и 2 и вдоль камеры-3 вскрыты ямы длиной 2,5–4,0 м, углубленные до 0,4 м. Они последовательно были заполнены рыхлой землей, органикой, древесными угольками и фрагментами керамики; толщина слоя – 15–17 см. Поверх ям находились очаги; один над первой ямой, а два – над второй. Еще один очаг располагался у середины платформы, непосредственно на дне рва. Очаги овальной и круглой формы (1,5х1,6 – 1,5х1,1 м). Очажный слой толщиной 15–20 см состоит последовательно из окарины, чистой золы, пепла и обгорелых веточек кустарников и деревьев. Над очагом в первой яме – культурный слой толщиной 0,4 м с большим количеством целых сосудов и обломков. Сверху он перекрыт уровнем пола, представляющим собой слой глиняной смазки толщиной 3 см. На этот уровень уложены обломки и целые сырцовые кирпичи, поверх которых также стоят керамические сосуды. Общая толщина культурного слоя у стены здания – 0,80–0,85 м. Несколько иной характер имеет стратиграфия заполнения рва в местах, где нет очагов. Для примера приведем описание слоев у стыка платформы и камеры-1. На дне рва стояли две чашечки, одна в специально вырытой ямке. Сверху уложен сырцовый кирпич, образующий первый уровень "пола". На этом уровне возле стен вплоть до пом. 7 в несколько "этажей" размещалось множество сосудов разнообразных форм – на боку, вверх дном, один в другом, причем как целые, так и нарочито сломанные (рис. 10–12). Среди них особо примечательны курильницы вычурных форм, иногда оформленные по нижнему краю стилизованными головками птиц и украшенные волнистым орнаментом (рис. 11). Резервуары всех курильниц были заполнены обгоревшими веточками растений и кустарников, цветами и сгоревшими плодами шиповника и миндаля. В отличие от них, в мисках была в основном чистая зола. Судя по отсутствию на стенках этих сосудов следов опаленности, находящиеся в них компоненты засыпались из расположенных поблизости очагов, которые, по-видимому, предназначались для ритуальных целей. В них возжигались культовые растения и плоды, которые затем высыпали в специальные сосуды (курильницы и сероглиняные миски) и ставили у стен здания.

Кроме керамических сосудов, в ряде мест найдены обломки зернотерок, терочников и медное колечко, находившееся на дне кубка.

На этом же уровне у стен найдены человеческие кости, которые размещали не повсеместно, а складывали отдельными кучками в ряде мест. Такие скопления костей отмечены у стены камер 1, 2, 3 и 6. Черепа размещались отдельно: у стены платформы и камеры 6. В одном случае фаланги пальцев были положены на дно бокала, в другом – под перевернутую миску.

В местах, где зафиксирован наиболее мощный культурный слой, предшествующий слой был перекрыт одним рядом сырцового кирпича, смазанного

глиной (второй уровень), на котором также были уложены целые керамические сосуды и их фрагменты, отдельные человеческие кости.

С западной стороны близкие по характеру культурные отложения имелись только в промежутке между платформой и камерой-1. Здесь отмечена прямоугольная яма (0,6х0,5 м) глубиной 0,4 м, на дне которой находилась нижняя часть сосуда, заполненного золой, а рядом лежала сероглиняная миска вверх дном. Северным краем яма подходит к ступеньке длиной 1,2 м и шириной 0,3 м, вырубленной из материка. На ней стояли два целых рюмкообразных бокала, сероглиняный кувшин, точильный камень, нижняя часть кубка, заполненного золой, обгорелыми костями животных и веточками, а также две берцовые кости и фаланги пальцев ног. В 1,4 м к югу от этой ямы находится еще одна овальная в плане яма диаметром 1,9 м, глубиной 10–15 см. В центре ее – очаг с золой и пережженными костями, рядом с ним – сырцовый кирпич и перевернутая вверх дном миска.

За исключением бронзовых колечка и подвески и нескольких зернотерок, почти все находки из погребального комплекса представлены керамикой. Общее количество найденных здесь сосудов не поддается учету, ибо большинство их были нарочито разбиты уже в древности. Удалось установить наличие около 200 сосудов, из которых более 49 дошли целыми или археологически целыми. Все сосуды изготовлены на гончарном круте, черепок плотный, зачастую с примесью песка или мелкой гальки. Ангоб разнообразный – красный различных оттенков, светлый, светло-желтый. Сероглиняная керамика представлена только мисками. Ассортимент форм довольно разнообразен.

Кубки. Найдено два целых и несколько нижних частей. Все кубки на невысоком кольцевом поддоне, цилиндро-конической формы, двух вариантов: а) невысокий цилиндр с довольно резким перегибом к более высокому конусу. Венчик слегка отогнут наружу, в месте перегиба две концентрические борозды; б) с более высоким, но менее широким резервуаром. Венчик загнут внутрь, переход от цилиндра к конусу более плавный, на его месте – одна концентрическая бороздка.

Бокалы. Это одна из наиболее часто встречающихся форм керамики. Около 20 экз. Различаются три типа бокалов: цилиндро-конические, конические и колоколовидные. Цилиндрический и конический типы бокалов представлены в 1 экз. (рис. 12).

Ведущее место занимают бокалы с колоколовидным туловом, различающиеся между собой плавным или резким перегибом при переходе ко дну, прямым или более отогнутым венчиком, ножкой, которая бывает низкой или более высокой, с валиком посередине или без него, а также размерами. Подавляющее большинство сосудов покрыто красноватым ангобом различных оттенков, иногда со следами лощения. Выделяется один бокал, у которого высокая ножка, опирающаяся на округлое основание, и широкий резервуар с плавно закругленными стенками.

Фиалы или чаши. Несколько вариантов: а) с плоским дном и небольшим резервуаром, стенки которого плавно округляются к венчику; б) с глубоким и широким резервуаром на невысоком кольцевом поддоне, у венчика концентрическая бороздка; в) на дисковидном поддоне, с крутыми стенками, имеющими резкий переход ко дну; г) небольшие плоские чашечки без поддона.

Миски. Красноглиняные и сероглиняные. Несколько вариантов: а) различных размеров миски с глубоким резервуаром на дисковидном поддоне, от которого плавно отходят стенки с отогнутым наружу венчиком; б) на дисковидном поддоне, в середине стенок резервуара резкий перегиб; в) на аналогичном поддоне, резервуар глубокий, стенки имеют плавный переход ко дну; г) на кольцевидном поддоне с откинутыми стенками резервуара и слегка отогнутым наружу венчиком.

Бокаловидный сосуд. Представлен в одном экземпляре. Плоское дно, узкая цилиндрическая нижняя часть, переходящая в округлый резервуар. Ангоб красный с лощением.

Кружки. Имеется один целый и несколько разбитых экземпляров. Дно плоское, тулово округлое, венчик прямой, с одного бока кольцевидная ручка-петелька.

Горшки. Несколько вариантов: а) с плоским дном, округлым туловом и кольцевидным венчиком, в верхней части тулова – две концентрические бороздки; б) венчик слегка отогнут наружу; в) тулово более вытянутых пропорций.

Кувшины. Двух типов:

Одноручные кувшины с плоским дном, яйцевидным туловом и отогнутым наружу венчиком. На тулове роспись коричневой краской в виде завитка.

Двуручные кувшины нескольких вариантов: а) с невысоким дисковидным поддоном, яйцевидным туловом и профилированным венчиком. Две ручки, прикрепленные в верхней части тулова. По тулову несколько концентрических бороздок, по шейке проходит валик; б) с плоским дном, грушевидным туловом и высокой, четко выраженной горловиной, заканчивается треугольным в сечении венчиком. По середине горловины проходят две концентрические бороздки, аналогичные имеются и на тулове. По бокам тулова сосуды украшены трехцветной росписью в виде кругов-спиралей.

Курильницы. Три основных типа: а) курильницы, имеющие округлый или конический резервуар с профилированным венчиком, прямой ствол и коническую нижнюю часть, опирающуюся на три ножки. Нижняя часть украшена орнаментом в виде волнистой линии, заключенной между концентрическими рядами косых палочек, по нижнему краю – выступающие вперед профили птиц (вариант – птицы отсутствуют). Аналогичные фигурки имеются и в верхней части ствола перед резервуаром, иногда резервуар украшает волнистая линия. Поверхность ствола курильниц гофрированная; б) аналогичный резервуар и основание с тремя ножками. Ствол прямой, разделен на две части, выступающие бортиками, каждая часть гофрированная; в) аналогичный резервуар, основание плоское, дисковидное, без ножек, ствол приземистый, широкий, с выступающими посередине бортиками.

Все курильницы выполнены из хорошо отмученной глины, ангоб светлый или красноватый, различных оттенков (рис. 11).

Обратимся к датировке погребального комплекса. Относительная его хронология, исходя из общих пределов обживания самого городища, достаточно определена – это период, охватывающий время правления Сотера Мегаса и Канишки. Многие формы керамики, найденные здесь, аналогичны происходящим из стратиграфических слоев городища. Так, аналогичной формы курильницы найдены в первом слое блока-квартала-1, вместе с монетами Кадфиза II.

Обращает на себя внимание наличие лишь двух цилиндро-конических кубков, которые по ряду признаков отличаются от классических цилиндро-конических кубков, характерных для греко-бактрийского и юечжийско-бактрийского времени. В то же время среди керамики широко представлены бокалы различных форм, находящие аналогии во многих памятниках Северной Бактрии великокушанского времени.

В историко-культурном плане большой интерес представляет найденный здесь кувшин со спиралевидной росписью (рис. 11), фрагменты сосудов с аналогичной росписью были найдены и на городище. Для кушанской керамики роспись краской – явление чрезвычайно редкое, отмеченное в комплексах Беграм II и ряда других пунктов, но характер и мотивы орнаментации в нем совершенно иные. Для росписи на кушанской керамике характерны мелкий узкий рисунок, иные краски. На кампыртепинском кувшине роспись передана крупными, широкими мазками, образующими спиралевидные завитки. Прямые аналогии ей дает роспись на керамике Хорезма кангуйского времени.

Крупные росписные спиралевидные завитки украшают здесь в основном хумы и хумчи, изредка кувшины, на протяжении всего т. н. «кангуйского» периода (IV в. до н. э. – I в. н. э.). Сосуды с подобной росписью найдены в нижнем (III–II вв. до н. э.) и среднем (I–III–IV вв. н. э.) горизонтах Койкрылганкалы, хотя для второго горизонта роспись употребляется значительно реже. По наблюдениям М. Воробьевой, в кушанское время керамика с подобной росписью в Хорезме уже не бытует [11, с. 91–94]. Таким образом, можно предположить наличие прямого влияния хорезмийских традиций на появление росписных сосудов в кушанской Бактрии, хотя сами эти сосуды – бактрийского происхождения.

Конкретный анализ полученных данных позволил нам сопоставить это сооружение с зороастрийскими ката – помещениями для временного хранения трупов [32, с. 95–103; 33, с. 225–227]. Вместе с тем представляется, что в данном сооружении воплощены все три типа зороастрийских погребальных построек (ката, дахма и наус) в сочетании с храмом поминального культа.

Обратимся вначале к самому сооружению. Судя по особенностям планировки, отклонению стен зданий от главной оси, оно возводилось не сразу, по единому плану, а последовательно: вначале здание-1, затем – 2 и 3, разделенные узким проходом. Впоследствии эти проходы были заложены с внешней стороны стенами и покрыты штукатуркой, в результате чего все здания были объединены в одно, длинное и узкое сооружение. Очевидно, что оно не имело жилого, хозяйственного или служебного назначения – против этого свидетельствуют не только размеры камер-помещений, но также и отсутствие культурного слоя, характерного для них. Полнейшее отсутствие в камерах костей и предметов и даже их следов говорит о том, что камеры не могли предназначаться для постоянных погребений. Среди зороастрийских погребальных построек известны, впрочем, сооружения для временного хранения трупов – ката, описание которого содержится в Видевдате. На вопрос, как поступать почитателям Мазды, когда лето прошло и наступила зима и нет возможности для переноса тела на дахму, Ахура Мазда отвечает: «В каждом доме, в каждом селении пусть возведут три помещения для мертвых». Эти помещения должны быть «достаточно обширны, чтобы

не задевать головы стоящего человека, вытянутых ног, протянутых рук, таково правильное помещение для мертвых. Там положат бездыханное тело на две ночи, на три ночи, на месяц, пока не полетят снова птицы, не зацветут растения, не потекут скрытые воды и ветер не высушит землю. Когда же птицы снова полетят, растения зацветут, скрытые воды потекут и ветер высушит землю, тогда почитатели Мазды выставят тело на солнце» (Видевдат, фаргард V, 10–14; здесь и далее перевод К. Иностранцева) [15, с. 98–101].

Большинство из камер сооружения отвечают этим размерам, другие, более узкие, могли предназначаться для детских трупов. Обращает на себя внимание и наличие в углах и в центре нескольких помещений (пом. 1, 3 – здание-3 и пом. 3, 9 – здание-1) лежащих на полу отдельных сырцовых кирпичей. Согласно правилам парсийцев, в месте, где находилась голова трупа, ставился горящий светильник, окруженный четырьмя сырцовыми кирпичами. Возможно, что и в нашем случае кирпичи выполняли ту же нагрузку, тем более, что на одном из них обнаружены следы опаленности.

У современных парсов Ирана также существует временное помещение для хранения трупов – *zado-mazg*, куда труп переносят на носилках после обмывания и выполнения обряда *sagdid*. Здесь его снимают с носилок и помещают на глиняную суфу, обложенную камнем. После выполнения этого обряда вторично труп переносят на носилках в дахму [51, р. 389–391].

Временные помещения для содержания трупов известны у ряда народов Средней Азии. По данным М. Хамиджановой, в каждом из двадцати кишлаков в верховьях Шинг имелось одно помещение, куда помещали тяжелобольного. После смерти труп оставляли до похорон на полу помещения, сняв одежду и завернув в палас или пустах – шкуру барана. В течение трех дней после выноса покойника помещение считалось нечистым и его закрывали. На четвертый день приходили родственники покойного, вычищали помещение, заново покрывали стены белой глиной и закрывали его. Все вещи выносили из помещения на поляну и сжигали. Аналогичные помещения и сходный обряд их очищения существовали в Ягнобе. Хотя М. Хамиджанова сравнивает отделение больного или умершего с зороастрийским обрядом выноса тела на дахму [42, с. 288–289], более вероятно, что шингские и ягнобские помещения являются поздними репликами зороастрийских ката.

В другом фаргарде Видевдата на вопрос, что делать почитателям Мазды, когда в доме умирает собака или человек, а на дворе непогода или же стадо и люди сбились с пути, Ахура Мазда отвечает: «Место этого жилища почитателя Мазды там, где земля наиболее чиста и наиболее суха, где менее всего бывает мелкий и крупный скот, огонь Ахура Мазды, связка (ветвей), посвященная Баресману, и верующие». В отношении расстояния, на котором надо находиться трупу от всех предметов, Ахура Мазда отвечает: «В тридцати шагах от огня, в тридцати шагах от воды, в тридцати шагах от связок (ветвей), посвященных Баресману, в тридцати шагах от верующего. В этом месте верующие выроют ров глубиной 1–2 фута (16–17 см), если земля твердая, и в 1/2 человеческого роста, если она мягка, (затем) положат на это место пепел или коровий навоз, а сверху кирпичи, камни или очень сухую землю; там поместят они бездыханное тело на две ночи, на три ночи или на месяц, пока не полетят птицы, пока не зацветут растения, пока не потекут скрытые воды и ветер не высушит землю». Когда все это наступит, рекомендуется сделать пролом в стене, вынести через

него покойника и положить на дахму (Видевдат, VIII, 4–10) [52, р. 69]. Сравнивая описание рва в Видевдате и рва у кампыртепинского сооружения, можно заметить почти полное их совпадение в размерах, глубине и в заполнении золой, сухой землей и кирпичами.

Существенное различие в одном: если этот ров предназначался для временного хранения трупов, то непонятно наличие в разных его местах скопления человеческих костей. Следовательно, можно предположить, что он выполнял как функции дахмы (место выставления трупов), так и *uzdana* (костехранилища). Исследования Г. Хумбаха и М. Бойс показали, что дахма могла быть местом выставления трупов и местом хранения очищенных костей [45, р. 326–327]. Существенно, что в Авесте, помимо захоронения костей в специальных костехранилищах, рекомендуется способ погребения трупов прямо на землю. Если почитатели Ахура Мазды, говорится там, не в состоянии возвести *uzdana*, то «пусть положат (скелеты) на их собственное ложе, на их собственную подстилку – (прямо) на землю, выставив на солнечный свет» (перевод М. Бойс).

В кампыртепинском сооружении имеется комбинация «зороастрийских» типов захоронения: кости погребены не в специальную постройку, но и не прямо на землю, а на подстилку из глины и золы. Не исключено, что над рвом был какой-то навес на деревянных столбах для предохранения костей и керамики от воздействия атмосферных осадков. Характерно, что ров вырыт с восточной стороны – со стороны восходящего солнца.

Б. Литвинский, подробно проанализировавший особенности зороастрийского погребального обряда в Бактрии, пришел к выводу, что сочетание двух типов *uzdana* (в специальном костехранилище и без него) является характерной чертой бактрийского зороастризма [20, с. 111].

В могильнике Ялангтуштепа, наряду с захоронениями костей в наусах на вершинах небольших естественных холмов, были вскрыты захоронения костей с небольшим количеством инвентаря вне специального сооружения [32].

Таким образом, способы захоронения по второму типу в Бактрии отличались разнообразием: внутри здания (Ай-Ханум) [49, р. 73–75], у его стен (Кампыртепа), на вершинах естественных холмов (Ялангтуштепа).

Существенной стороной погребального обряда, отмеченного в кампыртепинском сооружении, является наличие здесь культовых очагов и большого числа сосудов, среди которых особо выделяются курильницы и миски, заполненные сгоревшими растениями и плодами.

В зороастрийской погребальной обрядности огонь играл важную роль. Согласно парсийским преданиям, в доме, где лежал покойник, ставили горящий светильник. Вблизи дахмы, в специальном сооружении, называемом *sagdi*, трое суток после помещения покойника должен был гореть огонь или лампа. Огонь в *sagdi* приносили в железной курильнице, и ее следовало помещать отдельно. Причины же помещения сюда огня таковы: демон Визареш пугает души, остающиеся (после смерти) в этом мире на три ночи. Душа отдает себя под защиту огня, и демон Визареш, видя его свет, улетает прочь и не может возбудить в душе страх или ужас вплоть до четвертого дня (после смерти), когда душа достигает *Mehr Devag* (места суда) [54, р. 58]. Таким образом, смысл помещения огня вблизи умирающего или погребального сооружения – оберег от злых духов, стремящихся пленить душу человека, т. е. огонь у зороастрийцев является «средством усмирения демонов» [48].

У зороастрийцев различают два типа священных очагов: алтарь огня, где горит священный неугасимый огонь – основной символ зороастризма, и очаг для жертвоприношения. Согласно исследованиям Г. Гроппа, в позднезороастрийских храмах огня имелось два специальных помещения: в одном из них (*adurjan*) огонь постоянно горит в металлической вазе (*atashdan*). Другое помещение (*daremehr*) предназначено для жертвоприношений, огонь здесь возжигается для той или иной церемонии, а затем гасится. Ваза с огнем ставится здесь на каменной плите перед большим низким столом с утварью для приготовления хаомы и сосудами для жертвенной пищи [50, р. 147–173]. По данным М. Бойс, при поминальной церемонии (*chagom*) жрецы огня – зордошти кладут в огонь смесь жира, шерсти, обрезков рога и ароматических растений [46, р. 100–118].

Видимо, очаги во рву кампыртепинского сооружения, наряду с отпугиванием злых духов и демонов, предназначались для бескровных жертвоприношений. В них возжигались специальные растения и плоды, которые затем распределялись в курильницы и миски и ставились у стен сооружения, рядом с костями погребенных. Вместе с тем встречаются сосуды, заполненные только чистой золой. В какой-то мере этот обряд можно сопоставить с зороастрийским обрядом очищения священного алтаря огня, при котором жрецы собирали золу от постоянно горящего огня в специальные коробочки и затем закапывали в чистую землю [47, р. 5]. Вообще зола из очага занимает большое место в культовых ритуалах, в частности в зороастризме [45, р. 101]. Зороастрийский обряд очищения, помимо чтения Авесты, включает в себе употребление ритуального напитка, состоящего из золы с бычьей мочой. Современные зороастрийцы Ирана для духовного очищения употребляют *ниранг* – ритуальный напиток, включающий освященную бычью кровь с щепоткой золы из чистого (священного) очага [45, р. 101–102].

Священное значение золы, по мнению М. Бойс, отразилось в двух пехлевийских выражениях: *зола дома огня и зола огня Бахрама (Варахрана)* [45, р. 102]. Отражением зороастрийских представлений о чистоте и святости золы и ее связи с культом предков является зафиксированный А. Троицкой у таджиков долины Зарафшана обряд «хокистони пиран» (зола пиров, предков), состоящий в смазывании рта ребенка золой [40, с. 128].

Важнейшую роль в погребальном культе населения Кампыртепа играли обряды, связанные с возжиганием различных растений и плодов. Многие из найденных здесь курильниц и мисок были заполнены остатками сгоревших трав, кустарников и плодов. Среди них удалось определить плоды шиповника, а в одном случае миндаля.

Окуривание как радикальное средство борьбы с демонами, злыми духами и прочими нечистыми силами широко распространено у многих народов мира, в том числе, Средней Азии. Большое значение придавалось ему в зороастризме. Согласно Видевдату, для очищения помещения, в котором находился труп, применялось четыре вида ароматических растений, которые Ф. Вольф соотносит с «сандаловым деревом», «ландышем», «алоз» и «гранатом» [9, с. 74].

В Средней Азии для окуривания особенно широко употреблялась «священная трава» – хазори сипанд – исрык, а также гашнич, веточки арчи, дикий лук, стручковый перец, чеснок. Использовались чуби-чорроха – щепки,

трава, собранная с перекрестка четырех дорог или семи улиц [2, с. 35; 3; 8; 9, с. 77; 40, с. 113]. Употреблялись так называемые пилики – лучинки камыша, обмотанные тряпкой или ватой [39, с. 351, 355].

В зафиксированном культе значительное место занимал обряд воскуривания шиповника. Культовая символика шиповника в научной литературе отображена недостаточно хорошо. Считается, что шиповник охраняет домашний очаг, является «стимулятором» и символом плодородия [36, с. 201]. В поверьях, связанных с шиповником, явственно проступают два пласта: архаичный и мусульманизированный, в котором шиповник («хулу») выступает как «аджина гул» – «цветок ведьмы». Этнограф-краевед Ш. Устаев любезно сообщил нам собранные им по нашей просьбе среди горных таджиков Байсуна и Кугитанга поверья, связанные с шиповником и отображающие древний пласт этих верований.

Из веток шиповника, в частности, готовят амулеты («тумор»), которые подвешивали у входа в жилое помещение и на видном месте в «мехмонхана», считая, что они охраняют благополучие в доме. Из ветви шиповника делается посох – «хасса», который носят как «палочку-выручалочку» от всех бед, в трудное время этот посох, дескать, приносит хозяину благополучие, за его ношение бог, якобы, прощает хозяину пятилетние грехи – «бокий душ». Бусы – шаба – из ягод шиповника своими щетинистыми волосками отгоняют злых духов. Особенно интересно присутствие шиповника в обрядах жертвоприношения. Пряжи горных кишлаков Байсуна для успокоения духов святых, прежде чем приступить к работе, совершают жертвоприношение, состоящее из смеси пшеницы и муки или пяти ягод шиповника или миндаля, которые бросают в огонь, когда очаг начинает гореть; при этом говорят: «плохое желание пусть этим кончится». Шиповник как один из компонентов применяли при разжигании ритуальных костров в случаях массового заболевания населения кишлаков. Наряду с другими видами деревьев и кустарников, шиповник может быть предвестником смерти, если он увянет рано или слишком поздно или цветет два раза в году. В этом случае вырубают и выкорчевывают кусты.

Анализ материалов показывает своеобразие данного сооружения и погребального обряда, отражение в нем широкого круга различных верований и ритуалов. Вряд ли все из них могут считаться зороастрийскими: видимо, генезис их следует искать в более древних, дозороастрийских верованиях бактрийцев. Но вместе с тем имеется ряд черт, аналогичных определенным представлениям зороастрийской погребальной обрядности (тип погребального сооружения, способ захоронения, некоторые обряды). Подчеркнем в связи с этим наличие здесь только бескровных, отсутствие кровавых жертвоприношений. Последние, в принципе, несовместимы с зороастризмом. По мнению Б. Лившица, тексты Авесты, свидетельствующие об обряде жертвоприношения животными, относятся к дозороастрийским временам [17, с. 84].

ПКС-3 (рис. 13, 14). Расположено в 21 м к востоку от ПКС-1 и в 12 м в том же направлении от гончарной печи, которая находится почти посередине между этими сооружениями.

Оно занимает вершину небольшого естественного холмика и на поверхности ничем не обозначено. Представляет Г-образную стену длиной 13,4 м, шириной 1,2 м, выложенную из сырцового кирпича 38x38x10–12 см.

Сохранившаяся высота стены – от 0,3 м в южной части до 0,8 м в северной. Длина Г-образной части – 2,8 м.

Заполнение вдоль стены представляет собой сравнительно плотный культурный слой, в котором прослежены четыре уровня. Первый – приходится на материковый лёсс. Слой насыщен многочисленными фрагментами керамики, целыми сосудами, поставленными вдоль стены; особенно много целых форм встречается между третьим и четвертым уровнями. В слое встречается множество угольков, веточек сгоревших растений, а также человеческих костей: фрагментов черепов, берцовых и бедренных костей, фаланг пальцев. Найдены также фрагмент бронзового зеркала, две свинцовые палочки. Вдоль стены в ряде мест зафиксированы четыре культовых очажка (0,6х0,6 м; 0,4х0,4 м) многоразового использования, состоящих из веточек сгоревших растений и чистой золы без какого-либо присутствия костей животных.

В северной части вдоль стены зафиксирована прямоугольная в плане яма (1,5х 0,55 м, глубина – 30 см), заполненная мягкой землей с угольками, фрагментами керамики и отдельными человеческими костями (рис. 13, 14).

По своему составу и технологическим признакам найденная здесь керамика аналогична керамике ПКС-I. Она состоит из кубков, чаш, фиалов, бокалов, одноручных и двуручных кувшинов, а также курильниц (рис. 15–16). Это свидетельствует об одновременности существования всех трех погребально-культовых сооружений в I–II вв. н. э., возможно, в I в. до н. э. Само же ПКС представляет собой новый тип сооружений подобного рода, состоящий из одной стены без каких-либо внутренних помещений, в отличие от ПКС-1, хотя размещение сосудов и человеческих костей аналогично. Не исключено, что в ПКС-3 имелся навес, опирающийся на деревянные столбы, который закрывал пространство перед стеной, где были выставлены трупы, а затем укладывались сосуды, совершались ритуальные действия. То есть это сооружение совмещало функции дахмы, где выставлялись трупы для их последующего очищения, а также наусов – *uzdana*, где хранились очищенные от нечистой плоти кости. Вызывает удивление наличие керамической печи между этими погребально-культовыми сооружениями. Не исключено, что обжигаемая здесь керамика предназначалась не для бытовых целей, а только для установки ее в этих сооружениях. Тем более, что печь здесь одна, и ее продукции вполне хватало именно для этой цели.

Погребения в башнях. При раскопке в интерьерах башен 8 и 10 были обнаружены сходные по типу коллективные захоронения.

Башня-8. Захоронение совершено на утрамбованной поверхности завала из сырцового кирпича над полом. Сверху кости были перекрыты рухнувшим (?) сводом башни. Кости скелетов и черепа раздавлены и лежат в беспорядке. Большинство из них находились в центре интерьера, а два черепа – один у западной стены, а другой – в 3,60 м от первого; отдельно лежала нижняя челюсть одного из черепов.

Повсеместно в захоронении встречаются фрагменты полосатой шелковой и хлопчатобумажной ткани (определение С. Левушкиной). Следы ее сохранились на костях. Отмечено два вида тканей: двухцветная – с синими и белыми полосками, и трехцветная – с полосками тех же, а также красного цветов, шириной 0,5–1,2 см.

Инвентарь погребения состоит из керамики, украшений, монет и отдельных предметов. Найдено девять сосудов, среди них: двуручный сосуд

с шаровидным туловом, покрытый красно-коричневым ангобом; такого же типа сосуд светлоангобированный, но более вытянутых пропорций; крупный двуручный сосуд типа фляги, приплюснутый с обоих боков, покрыт красно-коричневым ангобом по светлому фону; такого же типа сосуд, но более мелкий; имеются также четыре одноручных кувшина разных размеров и пропорций со светло-красным или красно-коричневым ангобом, иногда с полосками вертикального лощения. Два из них – с небольшими носиками-сливами. Интересен небольшой сосуд типа «поильника» с носиком-сливом, оформленным в виде головы «архара».

Найдены также бронзовые заколки с шаровидным навершием, состоящим из двух полых полусфер и заполненным органическими остатками, костяной «стиль» с рифленой верхней частью, железные «шпильки» с заостренными концами, игла из железа, изогнутая под прямым углом, браслет из железной проволоки, бронзовый бубенчик, круглая печать из аналогичного материала. В разных местах камеры найдены железные изогнутые пластины, в некоторых из них пробиты отверстия, в которые вставлены гвозди длиной 2 см с широкой шляпкой. В центре камеры лежала связка из 28 костяных бус в виде шестиконечной звезды, плоских, цилиндрических, катушковидных. Отдельно найдено еще множество бус различной формы, цвета и материала: плоские, шаровидные, многогранные и конические, из сердолика, стекла синего цвета, различных сочетаний кости. Одна бусина коралловая, другая – из голубой египетской пасты в форме «грибка». В центре камеры обнаружены две монеты Хувишки.

Башня-10. Судя по количеству бедренных костей, содержала не менее трех костяков, хотя черепов обнаружено только два. Кости и отдельные части скелета находились в интерьере башни и в проходе в стрелковую галерею. Все кости лежали на завале свода из сырцового кирпича, упавшего на ребро. В проходе часть костей находилась под завалом, а другие – над ним. Вероятно, это произошло в результате естественного перемещения нижележащих слоев под давлением рухнувшего свода. Кости в основном лежали в беспорядке, но в ряде случаев сохранились целыми кости рук и ног, фрагменты черепов обнаружены в центре и у стен башни. В проходе лежали берцовые кости, под которыми находились таз и позвоночник, а у южной стены – раздавленные кости грудной клетки и череп без нижней челюсти. Местами на костях и под ними сохранились остатки аналогичной ткани.

Погребальный инвентарь незначителен. Найдено два сосуда – небольшой одноручный кувшин с носиком-сливом, покрытый до середины красным ангобом с полосками вертикального лощения, и чашка, покрытая снаружи и внутри у венчика полосой темно-коричневого ангоба. На запястье руки одного из костяков находился браслет из 24 шаровидных костяных бус, рядом лежали три раковины каури. В центре камеры найдено 16 шаровидных бус из стекла синего цвета, а неподалеку – бронзовое круглое колечко и многогранная бусина из зеленоватого цвета стекловидной пасты. Там же лежала небольшая скульптура обнаженной женщины в полный рост, вылепленная вручную из глины и покрашенная в красный цвет (рис. 19). На ее левом предплечье и на талии сохранились отпечатки ткани. Фигура женщины объемно моделирована, стройных пропорций, хотя несколько непропорционально переданы соотношения верхней и нижней части тела – длинные, слегка расставленные ноги и

укороченное туловище. Лицо не сохранилось, заметен лишь один глаз, контуры которого подчеркнуты черной линией. На голове своеобразный убор или прическа собранных в пучок черных волос на затылке. На шее – гривна, груди переданы двумя округлыми выпуклостями. Треугольник пола выделен черной линией. В кисти левой руки женщины находилась глиняная фигурка голубя, а в не сохранившейся кисти правой руки – шаровидный предмет, окрашенный в красный цвет, более всего похожий на яйцо. В изголовье фигуры сохранился отпечаток пера, специально сюда положенного.

Миниатюрная скульптура обнаженной женщины с голубем и яйцом в руках представляет исключительный интерес, не имея аналогий в коропластике и монументальной скульптуре Средней Азии. Не встречались подобного типа статуэтки и в составе погребального инвентаря. Обычай помещения в погребении статуэток, столь широко распространенный в странах эллинистического мира, не свойствен Бактрии. Единственным случаем является находка в наусах Тепаи-Шах двух терракотовых статуэток и одного алебастрового идола. Обряд помещения идолов в погребения широко распространен у сармато-аланских, а также тюркоязычных племен, у которых он известен как обычай «тул» [20, с. 51–52]. Кампыртепинская статуэтка не имеет общих черт с иконографией идолов – это достаточно художественное произведение, вероятно, представляющее собой миниатюрную копию какой-то монументальной скульптуры. Генетически она, по-видимому, восходит к широко распространенному в коропластике античной Бактрии образу обнаженной богини, хотя отличается от него рядом иконографических черт и наличием реалий, отсутствующих у обнаженных богинь [28, с. 105–108].

Очевидно, что помещение данной скульптурки с соответствующими реалиями в могилу имеет определенное сакральное значение, определяя ее связь с погребальным культом.

Анализ обширного круга вопросов, связанных с триадой яйцо–голубь–божество, не входит в нашу задачу, но заставляет обратиться к рассмотрению некоторых особенностей ее семантики. Во многих мифах, культах и религиях голубь и яйцо наделены разнообразными сакральными функциями, из которых выделим главные.

Голубь – посредник между людьми и богами (в ассирио-вавилонском сказании об Утнапиштиме и в библейском мифе о Ное и потопе). Голубь – олицетворение святого духа, птица божия (в христианской и отчасти древнееврейской религии) [37, с. 180–181]. Голубь – воплощение божества (древнеегипетский бог солнца Амон и индуистский бог огня – Агни, превращающиеся, соответственно, в голубя и голубку) [37, с. 167, 169]. Обратное явление – превращение божества или святого в птицу или голубя (святой Хубби в Хорезме, по легенде, воплощался в голубя) [36, с. 250–251]. Голубь – символ чистоты в христианской религии. Голубь – символ великих восточных богинь (египетская богиня Исида изображалась в образе голубя – птицы божьей или духа святого, охраняющего Осириса) [37]. Голубь – один из атрибутов вавилонской богини Иштар [1, с. 197; 37, с. 173]. На рельефах из Малой Азии помещена богиня Кибела с парой священных голубей [13, с. 81]. На одном из изображений древнесемитская богиня плодородия и любви Астарта предстает в образе очеловеченного голубя и с голубем же в правой руке [1, с. 187]. По представлениям древних греков, голуби были посвящены богине Афродите

[37, с. 176]. Как и павлины, голуби являются священными птицами авестийской богини Ардвисуры Анахиты и зачастую сопровождают ее изображения [31, с. 82].

Голубь – вестник Богини Смерти (Ригведа, X, 165). Голубь – воплощение человеческой души. Образ души-птицы широко распространен в народных представлениях о голубе. В Фальгаре «голуби – чистые души, их почитают, не бьют, не едят, зеленый голубь имеет в себе примесь пари» [8, с. 107]. В Панджшире бытует представление о душе, выходящей из тела через рот в виде голубя [2, с. 52].

Изображения голубя нередки в погребальных памятниках. Голубь помещен, в частности, на крышке погребального саркофага Осириса. На надгробных рельефах первых веков н. э. из Малой Азии голубь или два голубя иногда изображались в сопровождении богини в хитоне [13, с. 71]. Крышки многих оссуариев, происходящих из Чача и Семиречья, увенчаны фигурками летящих птичек, вероятно голубей [24, с. 20–23]. По мнению Ю. Рапопорта, изображение аналогичной птицы имеется на оссуарии из Калалыгыр [31, с. 93]. К. Иностранцев полагал, что помещение фигурок птиц на крышках оссуариев связано с символическим отображением отлетающей души [16, с. 138]. Рудиментом этих представлений о голубе – человеческой душе является бытующий до сих пор у ряда народов Средней Азии и Кавказа обычай помещения на могиле фигурки голубя. Так, у горных таджиков вырезанные из дерева изображения голубей прикреплялись к надгробным жердям [21, с. 115].

У многих народов мира птица, в частности голубь, выступает в качестве переносчика души в загробный мир.

Отметим также универсализм сакральных представлений о яйце у многих народов мира [42, с. 627]. Яйцо – символ зарождения жизни и бессмертия, что наиболее ярко отображено в известной русской сказке о Кашее Бессмертном. Мировое яйцо как обитель первых людей фигурирует в ряде антропологических мифов. Сакральная значимость яйца у народов Средней Азии выражена в употреблении его в ритуальных празднествах, посвященных Наурузу. У современных зороастрийцев в состав ритуальной пищи собак входит запеченное яйцо [45, р. 163]. При встрече Науруза обязательным атрибутом, наряду со свечами, символизирующими священный огонь, является яйцо, положенное на зеркало, что отображает, соответственно, зарождение жизни и свет Вселенной [14, с. 72]. Любопытный обряд, связанный с яйцами, зафиксирован нами в горном кишлаке Панджоб в Кугитанге, где на стене одного из домов были повешены связки пустых яиц, которые, по словам хозяйки, являются оберегом от ящериц и змей (рис. 20).

В привлеченных нами, далеко не полных, примерах сакральной значимости атрибутов божества, помещенного в погребении, обращает на себя внимание тот факт, что голубь является символом многих великих богинь плодородия и материнства (Изида, Иштарь, Астарта, Анахита), зачастую они же являются и хтоническими божествами. Видимо, богиней подобного круга можно считать обнаруженную в башенном погребении скульптуру. Наличие в ее руках атрибутов, символизирующих, с одной стороны, человеческую душу, отлетающую в иной мир (голубь), а с другой – бессмертие зарождения новой

жизни (яйцо), говорит о широких функциях этого божества, свойственных обычно Великим богиням древности.

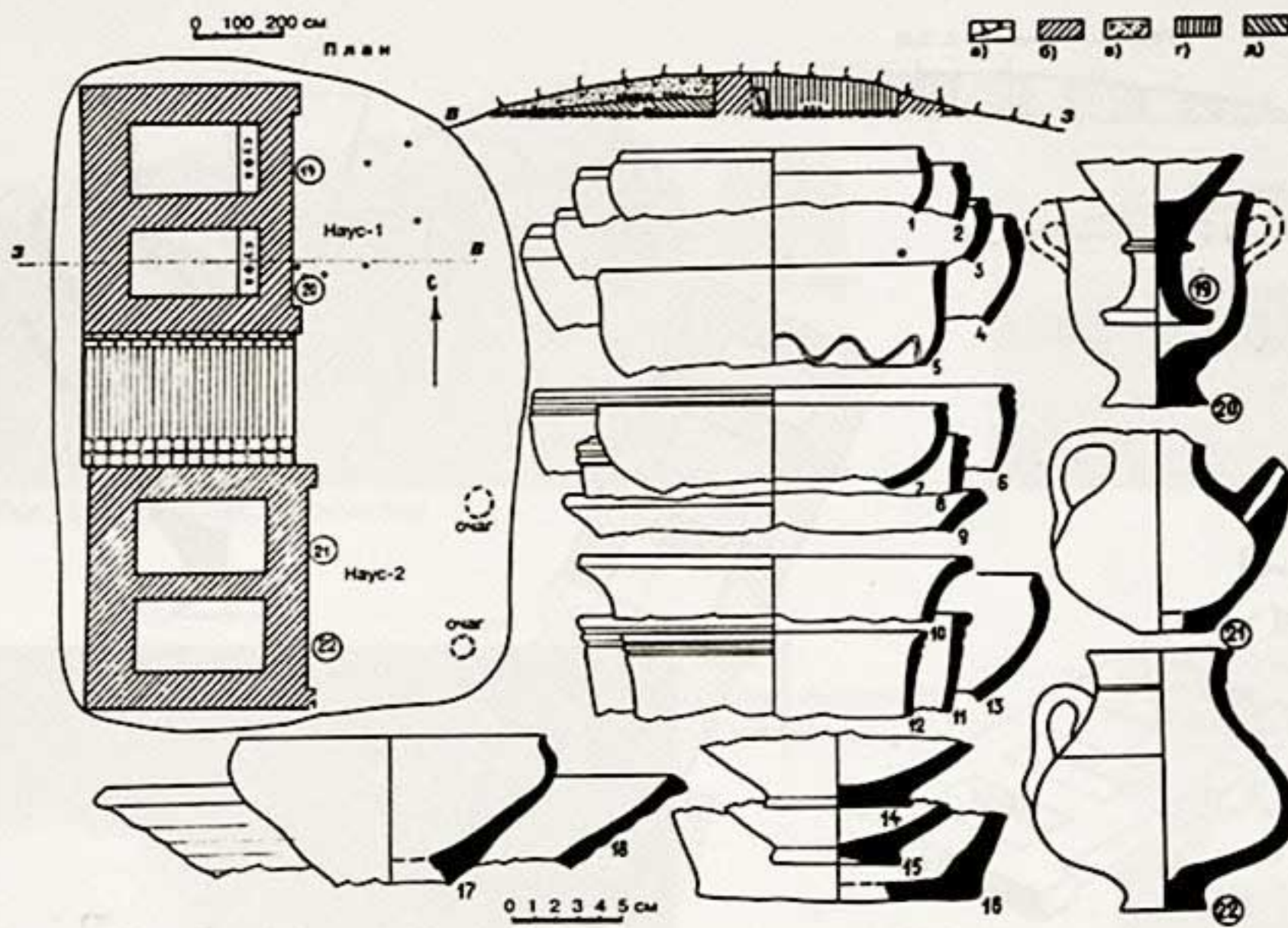
Таким образом, кампыртепинские памятники дают чрезвычайно важные и новые данные о разнообразии и особенностях религиозных представлений в Северной Бактрии кушанской эпохи.

Библиография:

1. Атлас по истории религии. М., 1930.
2. Андреев М.М. По этнологии Афганистана. Долина Панджера. Ташкент, 1927.
3. Андреев М. М. По Таджикистану. Вып. 1. Ташкент, 1927.
4. Беляев В. О. О культе предков у Майя // Религия и современность. М., 1984.
5. Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
6. Бируни Абу Райхан. Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1957.
7. Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950.
8. Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.
9. Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.
10. Брыкина Г. А. Культурные связи Ферганы в I тыс. до н. э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1980.
11. Воробьева И. Г. Керамика Хорезма античного периода // Труды ХАЭЭ. Т. IV. М.; Л., 1959.
12. Грант-Аллен. Эволюция идеи божества. Наука и религия. СПб., 1907.
13. Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского поселения Малой Азии I–III в. н. э. М., 1977.
14. Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране. М., 1982.
15. Иностранцев К. А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. СПб., 1909.
16. Иностранцев К. А. К истории домусульманской культуры Средней Азии // ЗВОРАО. Т. XXIV. СПб., 1917.
17. История таджикского народа. Т. I. М., 1963.
18. Каруновская А. Э. Домусульманские верования в Индонезии // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований // Труды ИВ АН СССР. Новая серия. М., 1959.
19. Литвинский Б. А., Седов А. В. Культура и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.
20. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-Шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
21. Литвинский Б. А. Погребальные сооружения и надгробные памятники в Парфии // К вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., 1983.
22. Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени Северной Бактрии. Л., 1975.
23. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. М.; Л., 1966.
24. Массон М. Е. Ахангаран. Ташкент, 1953.
25. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии // ТИЭ. Новая серия, Т. X. 1959.
26. Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966.
27. Пугаченкова Г. А. Бактрийский жилой дом // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.

28. Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
29. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
30. Пидаев Ш. Р. Поселения Северной Бактрии кушанского времени. Ташкент, 1979.
31. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
32. Ртвеладзе Э. В. Могильник кушанского времени у Ялангтуш-тепе // СА. 1983. №2.
33. Ртвеладзе Э. В. Кушанская крепость Кампыртепе // ВДИ. 1984. №2.
34. Ртвеладзе Э. В. Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыр-тепе // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизации Древнего и Средневекового Востока. М., 1989.
35. Семека Е. С. Структура некоторых цейлонских ритуалов и мифов (в связи с культом деревьев) // Индийская культура и буддизм. М., 1972.
36. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
37. Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972.
38. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1978.
39. Троицкая А. А. Первые сорок дней (чилля) среди населения Ташкента и Чимкентского уезда // В. В. Бартольд. Ташкент, 1927.
40. Троицкая А. А. Рождение ребенка и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зерафшана // СЭ. 1935. №6.
41. Тургунов Б. А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
42. Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1980.
43. Хамиджанова М. А. Некоторые архаические погребальные обряды таджиков // Памяти А. А. Семенова. Душанбе, 1980.
44. Шаревская Б. И. Старые и новые религии тропической и южной Африки. М., 1964.
45. Boyce M. A. History of Zoroastrianism. Vol. I. Leiden-Köln.
46. Boyce M. Ataš-zohr and ab-zohr // IRAS, 1966
47. Boyce M. On the Sacred Fires of the Zoroastrians.
48. Duchesne-Guillemin F. La religion de l'Iran Ancien. Paris, 1962.
49. Grenet F. Les pratiques funéraires dans l'Asie Centrale sédentaire de la conquête grecque à l'Islamisation. Paris, 1984.
50. Gropp G. Die Funktion der Feuertempel der Zoroastrier // Archäologische Mitteilungen aus Iran. N. F. Bd. 2. Berlin, 1969.
51. Jackson A. V. Persian past and present. A book of travel and research. N. Y., 1906.
52. Le Zend-Avesta / Traduit par J. Darmsteter // Annales du Musée Guimet. XXII. Paris, 1892.
53. Rempel L. I. La maquette architecturale dans le culte et la construction de l'Asie Centrale préislamique. Paris, 1987.
54. The Persian Rivayats of Harmazzyar // Framarr and other. Their version with introduction and notes E. Dhabhar. Bombay.

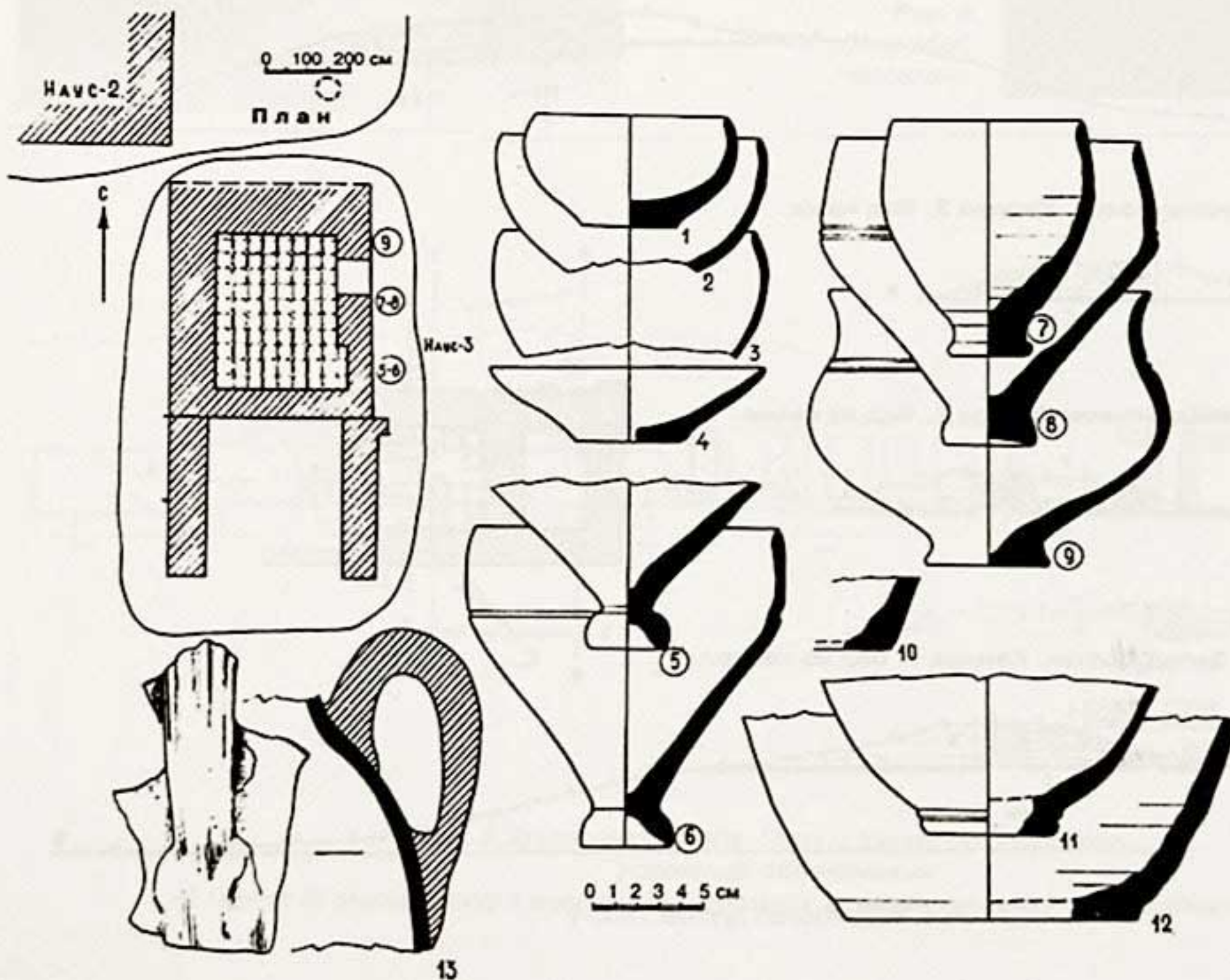
Рис. 1.
Западная группа.
ПКС-I.

Условные обозначения:

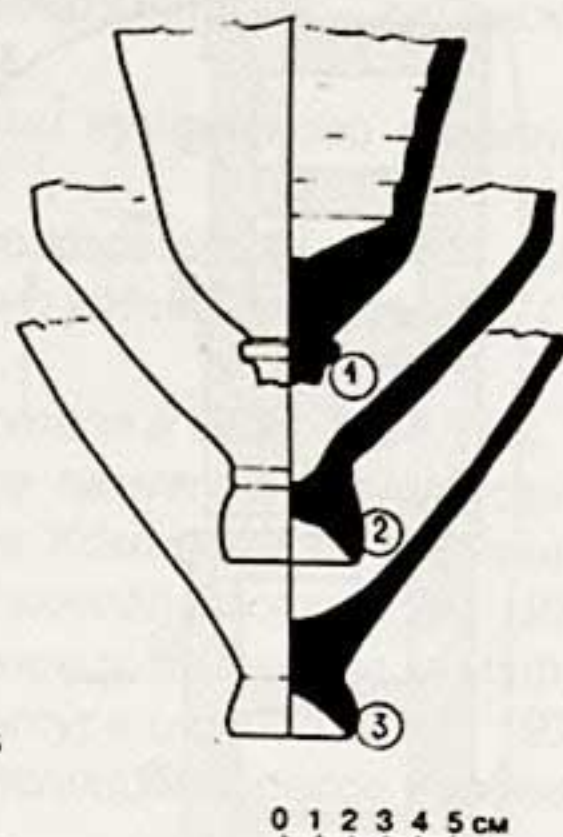
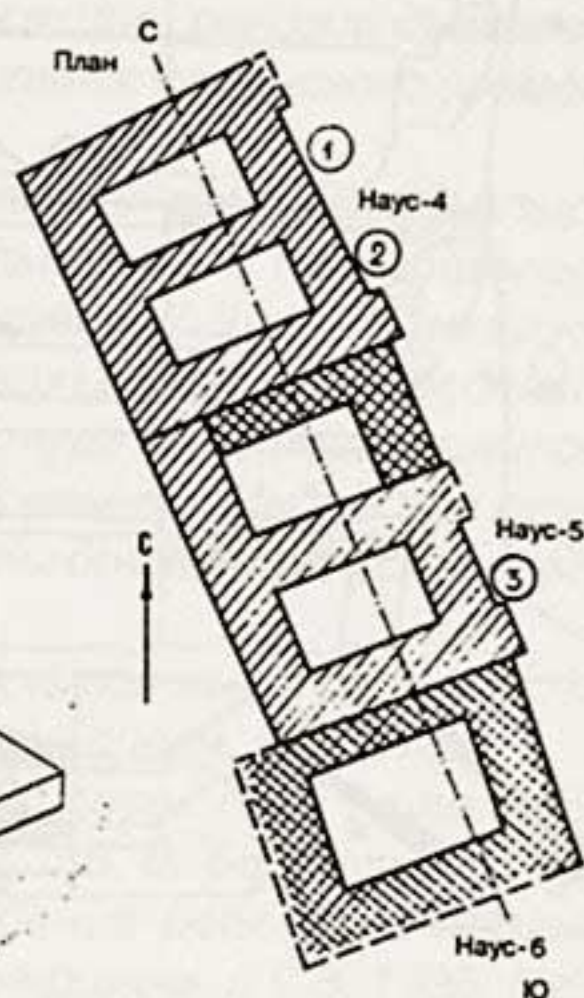
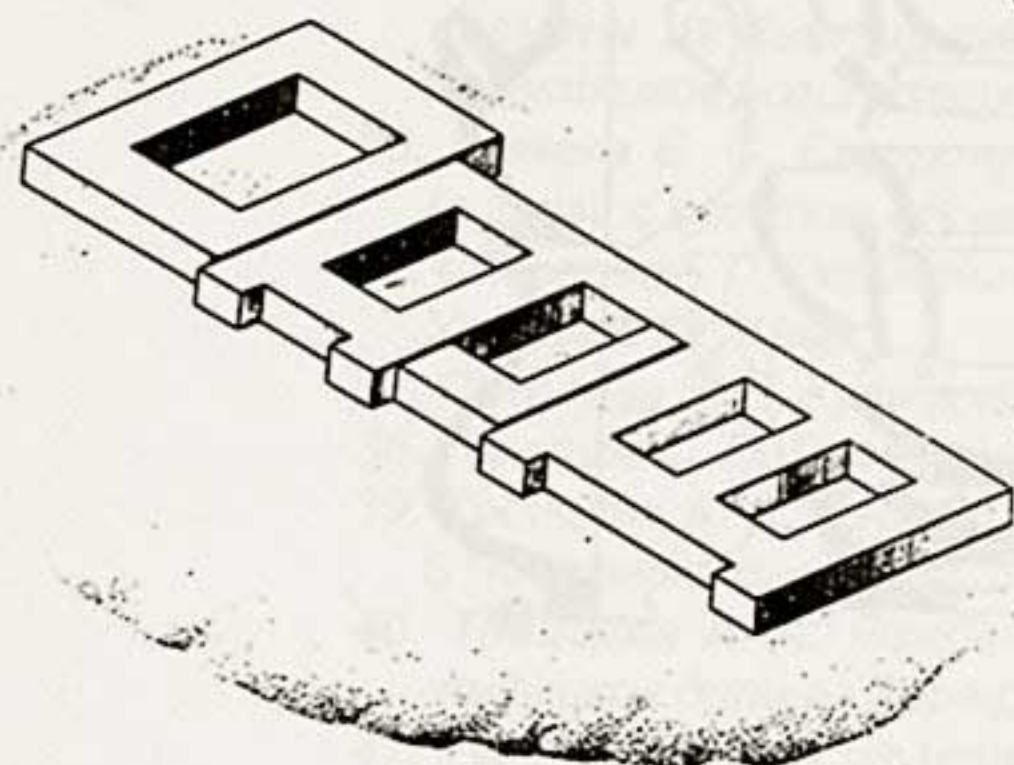
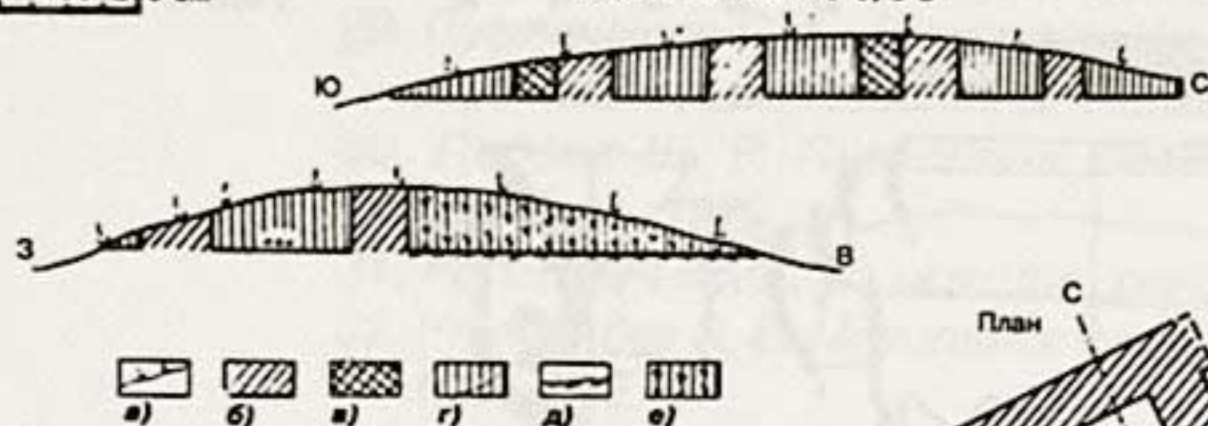
а) дерновый слой; б) стена из кирпича 34x34x44 см; в) рыхлый слой песка и культурных остатков; г) забутовка из кирпича 30x30x10 см; д) плотный слой с культурными остатками.

Рис. 2.
Западная группа.
ПКС-II.

0 100 200 см

Разрезы по линии Ю-С, 3-В

0 1 2 3 4 5 см

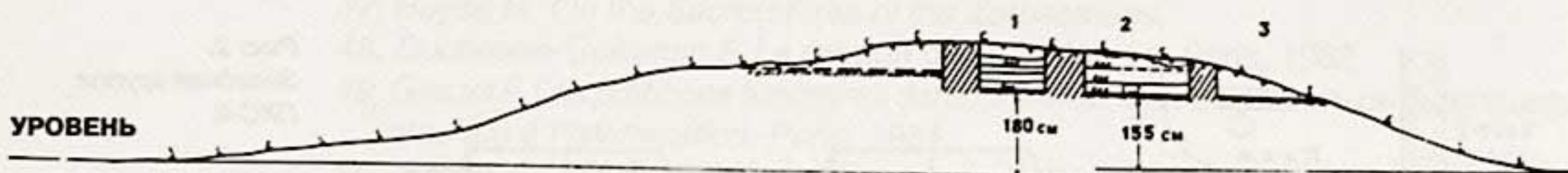
Рис. 3. Западная группа. ПКС-III.

Условные обозначения:

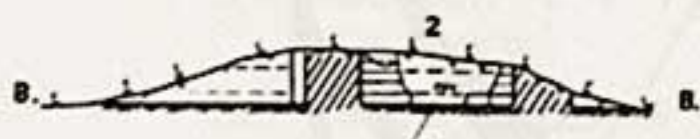
а) дерновый слой; б) стена из кирпича 34x34x12 см; в) пристройки из кирпича 32x32x14 см; г) забутовка из кирпича и комьев глины; д) материк; е) рыхлый слой завала.

1 50 0 1 2 3 4 5 м.

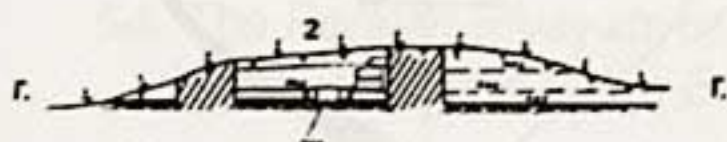
Разрез А-А. Север-Юг. Камеры 1, 2, 3. Вид на восток.

Разрез В-В. Восток-Запад. Камера 2. Вид на юг.

Разрез Г-Г. Запад-Восток. Камера 2. Вид на север.

Разрез Б-Б. Запад-Восток. Камера 1. Вид на север.

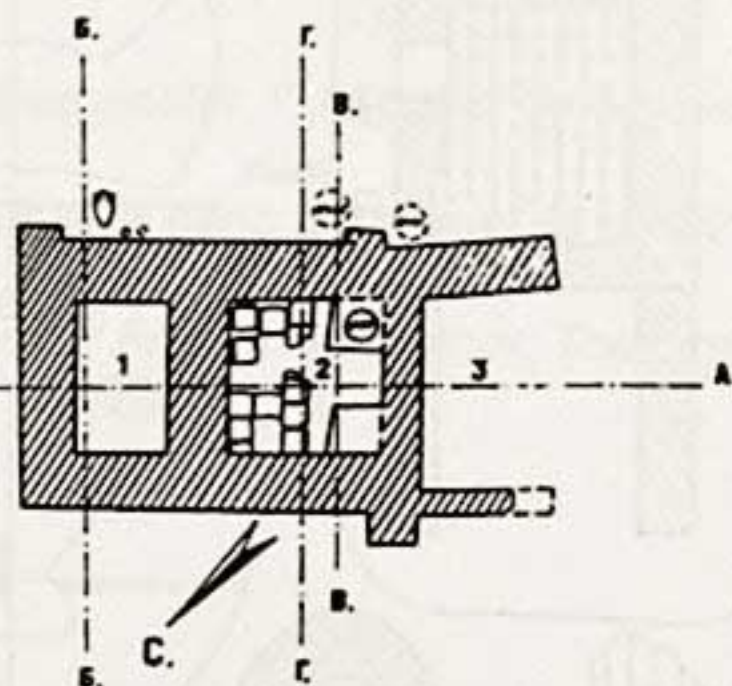
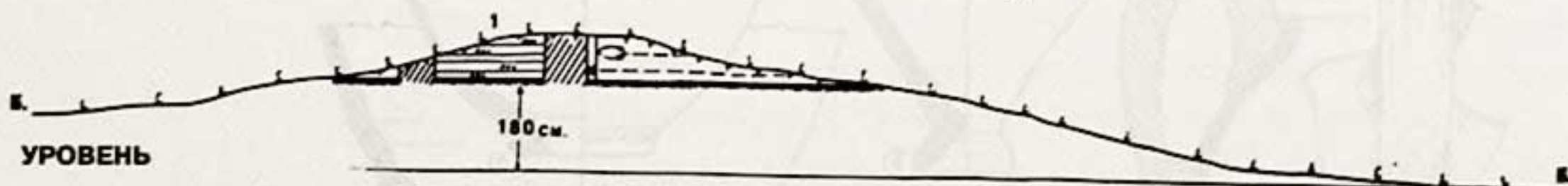

Рис. 4. Западная группа. ПКС-V.

Рис. 5. Бузуругвар. Чирогхана.

Рис. 6. Ахтам-Сахоба. Чирогхана.

Рис. 7.
Ходжа-Акиляндоз.
Чирогхана.

Рис. 8.
Дашнабад.
Чирогхана.

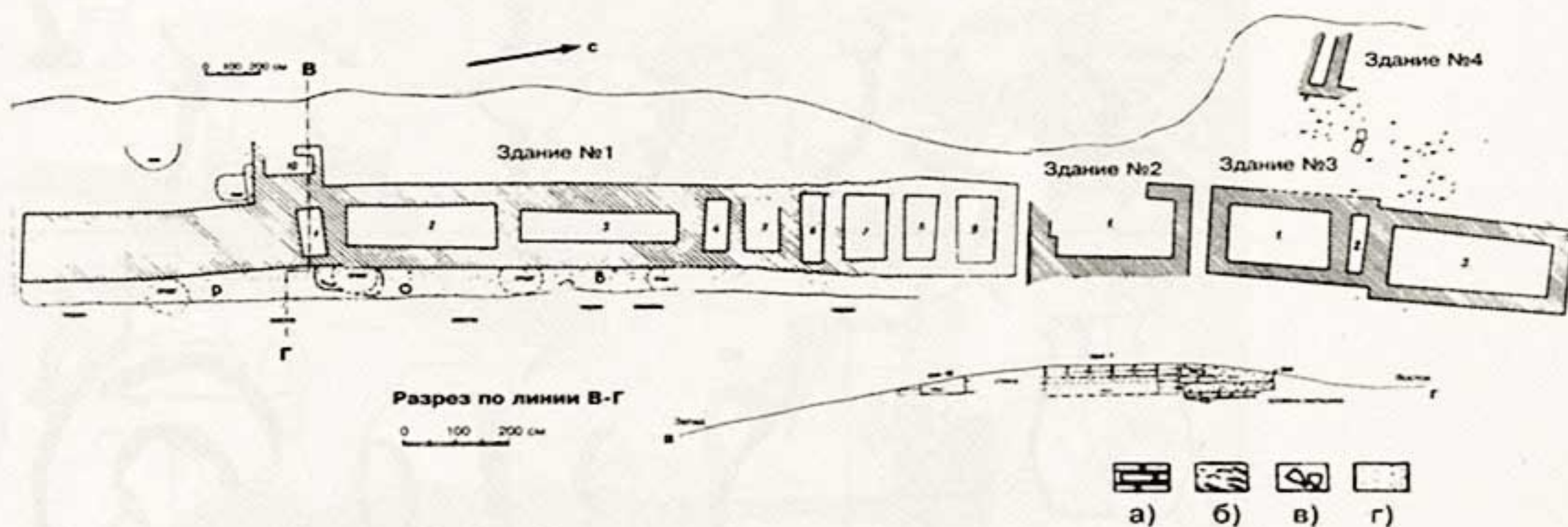

Рис. 9. Восточная группа. План и разрез ПКС-I-II (ката).

Условные обозначения:

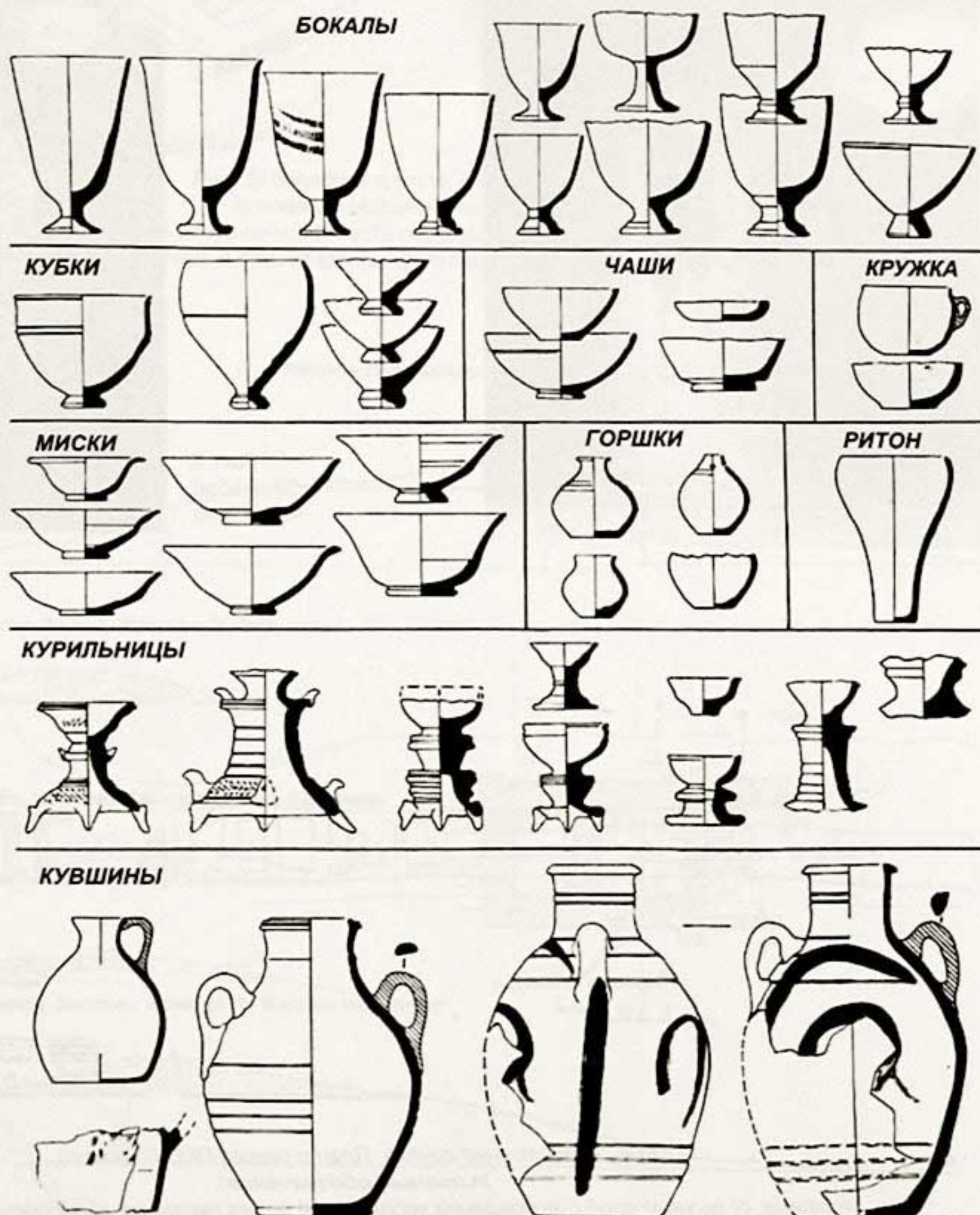
а) стена; б) рыхлый слой с включением керамики; в) целая керамика; г) человеческие кости.

Рис. 10.
Восточная группа.
ПКС-I.
Заполнение рва.

Рис. 12.
Бокалы из
заполнения рва
(ПКС-I).

Рис. 11.
Восточная группа.
ПКС-I.
Керамика из рва.

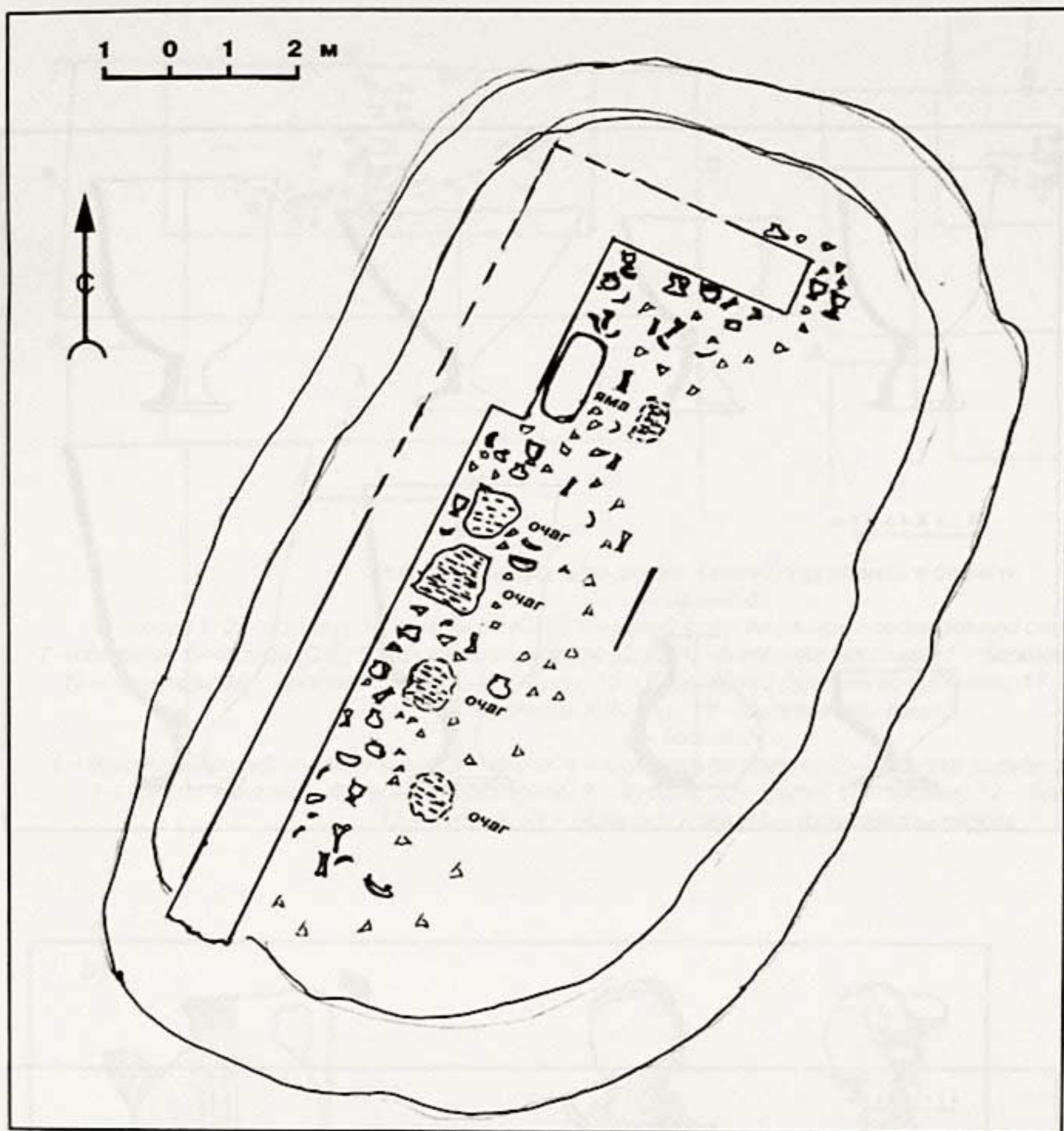

Рис. 13.
Восточная группа.
ПКС-III.

Рис. 14.
Восточная группа.
ПКС-III.

Рис. 15.
Восточная группа.
ПКС-III.
Керамика.

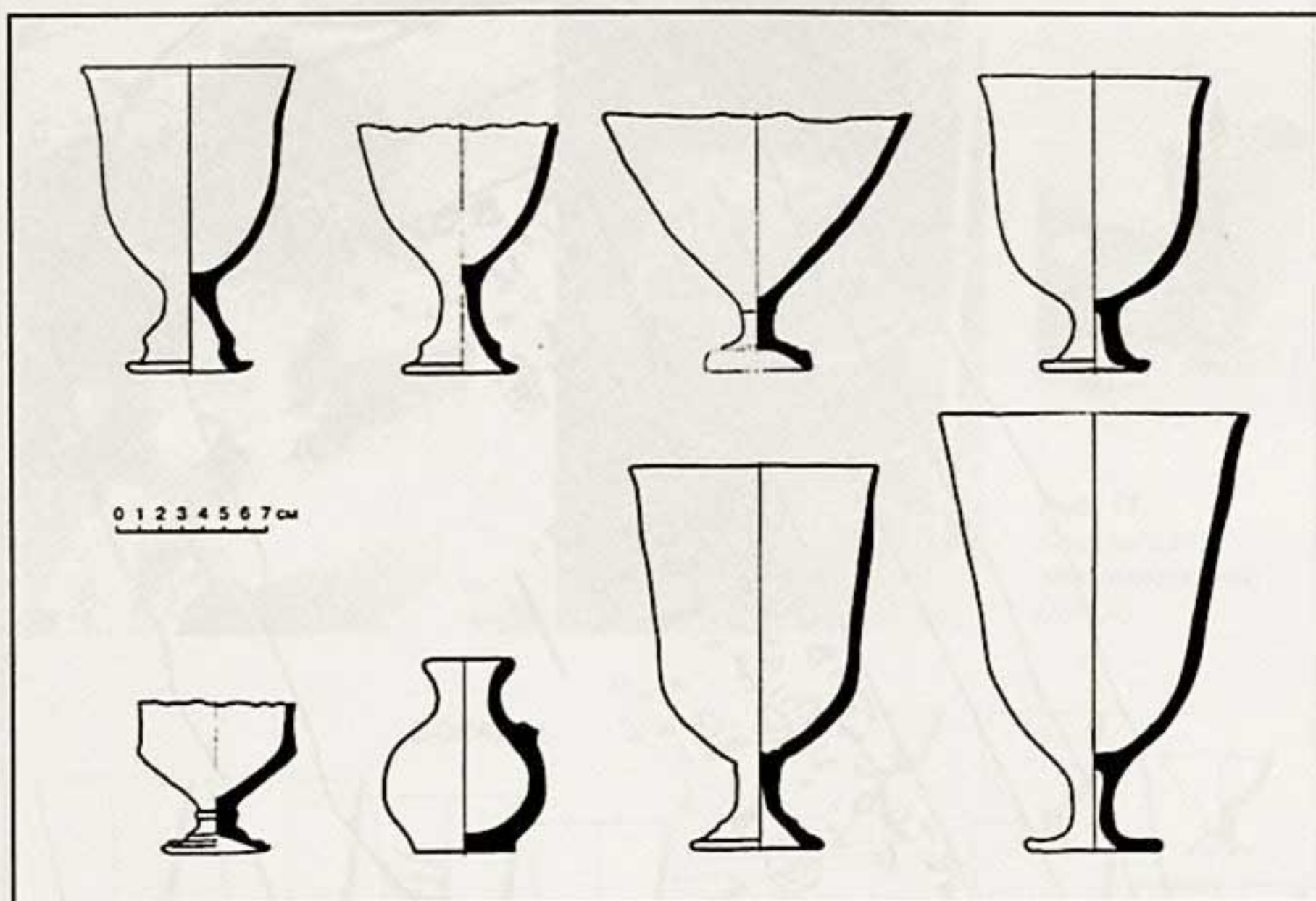
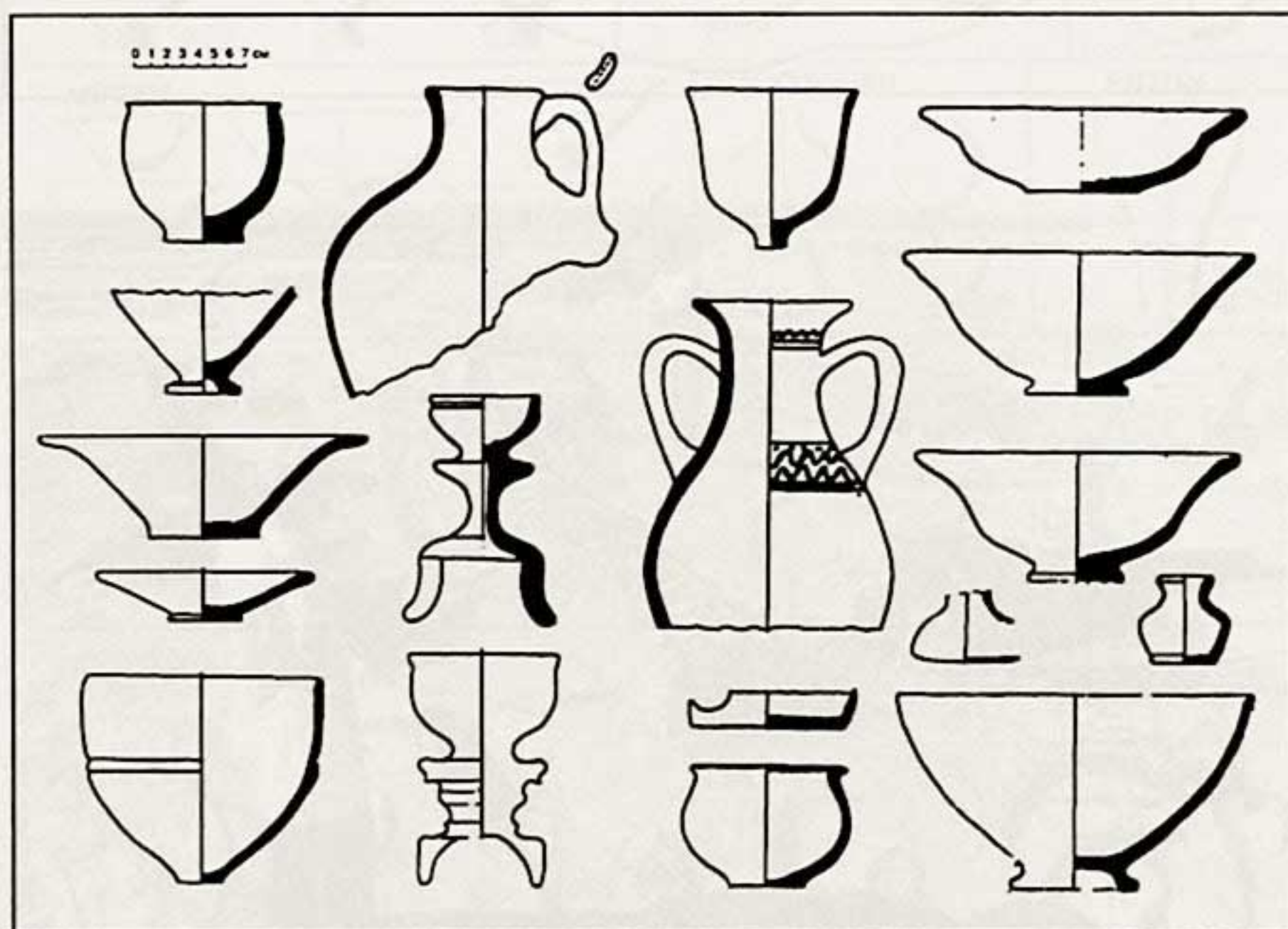

Рис. 16.
Восточная группа.
ПКС-III.
Керамика.

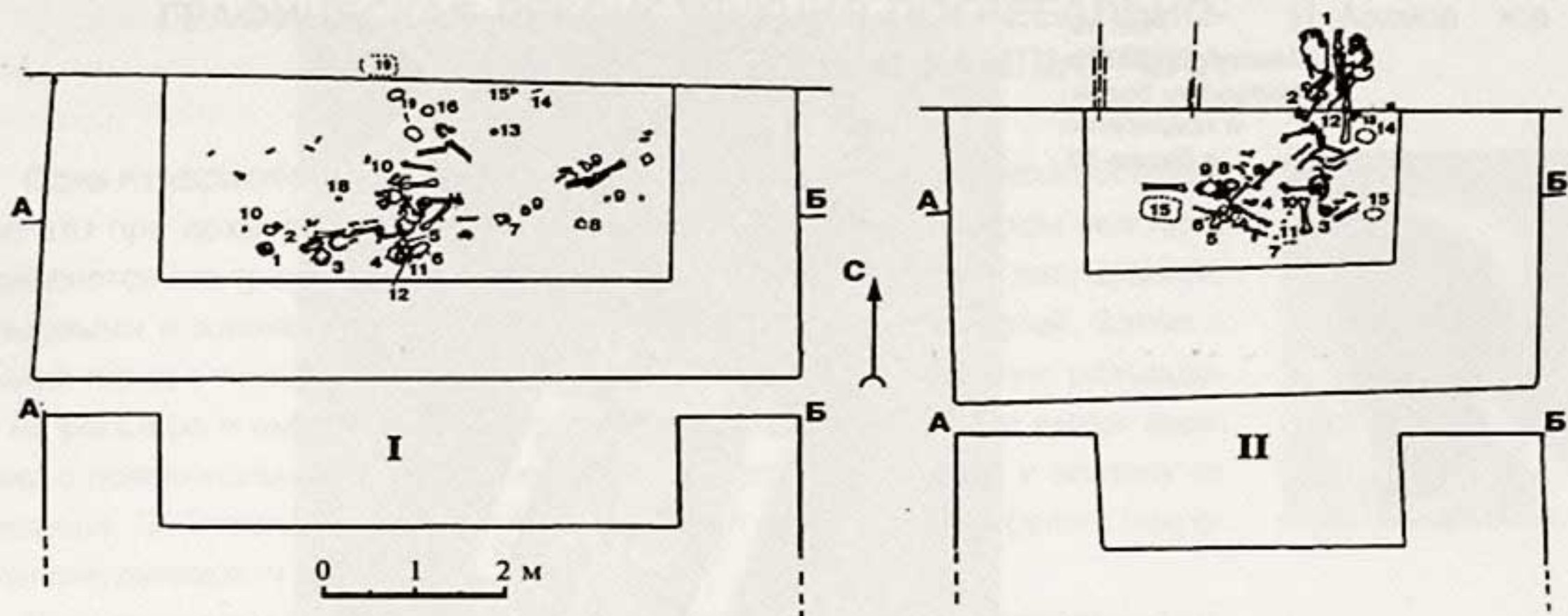

Рис. 17. Крепостная стена. Планы погребений в башнях.

I – башня-8:

1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2; 3 – поильник (С.3); 4 – сосуд 4; 5 – поильник с зооморфным сливом (С.5); 6 – сосуд 6; 7 – поильник; 8 – фляга (С.8); 9 – фрагменты фляги (С.9); 10 – железная шпилька; 11 – бронзовая заколка; 12 – связка бус; 13 – браслет; 14 – костяной стиль; 15 – бусы; 16 – браслет из бус, бронз. бубенчик; 17 – связка звездчатых бус; 18 – монета Хувишки; 19 – фрагменты ткани.

II – башня-10:

1 – двуручный сосуд; 2 – поильник; 3 – чашка; 4 – скульптура богини; 5 – фигурка голубя; 6 – яйцевидный предмет; 7 – кольцо железное; 8 – кольцо бронзовое; 9 – бусина; 10 – каури; 11 – бусина; 12 – браслет из бус (24 шт.); 13 – бусина; 14 – остатки кожи; 15 – фрагменты ткани.

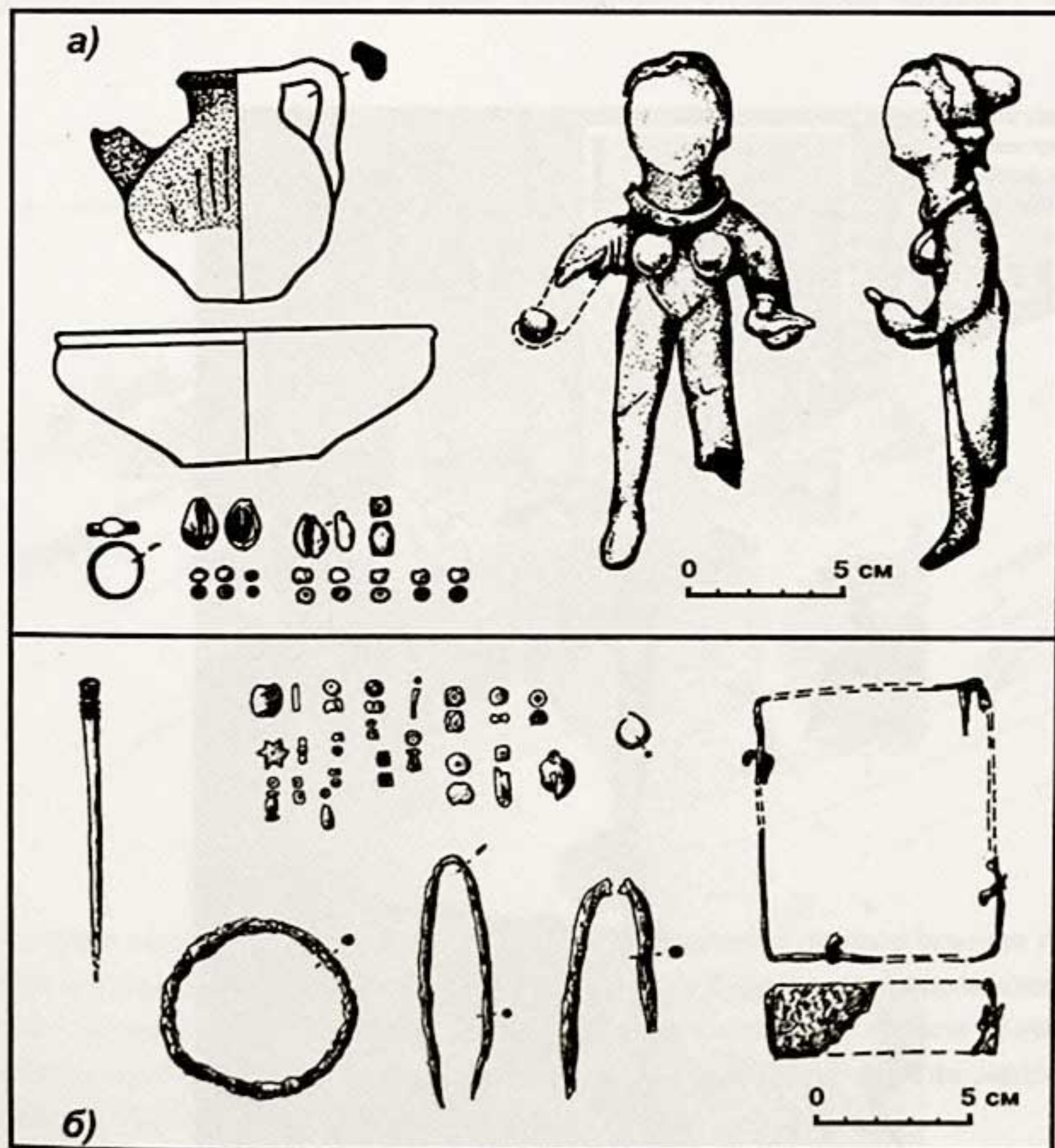

Рис. 18
Крепостная стена.
Инвентарь из
погребений в
башнях:
а) башня-10;
б) башня-8.

Рис. 19.
Местоположение
статуэтки богини
в погребении
в башне-10.

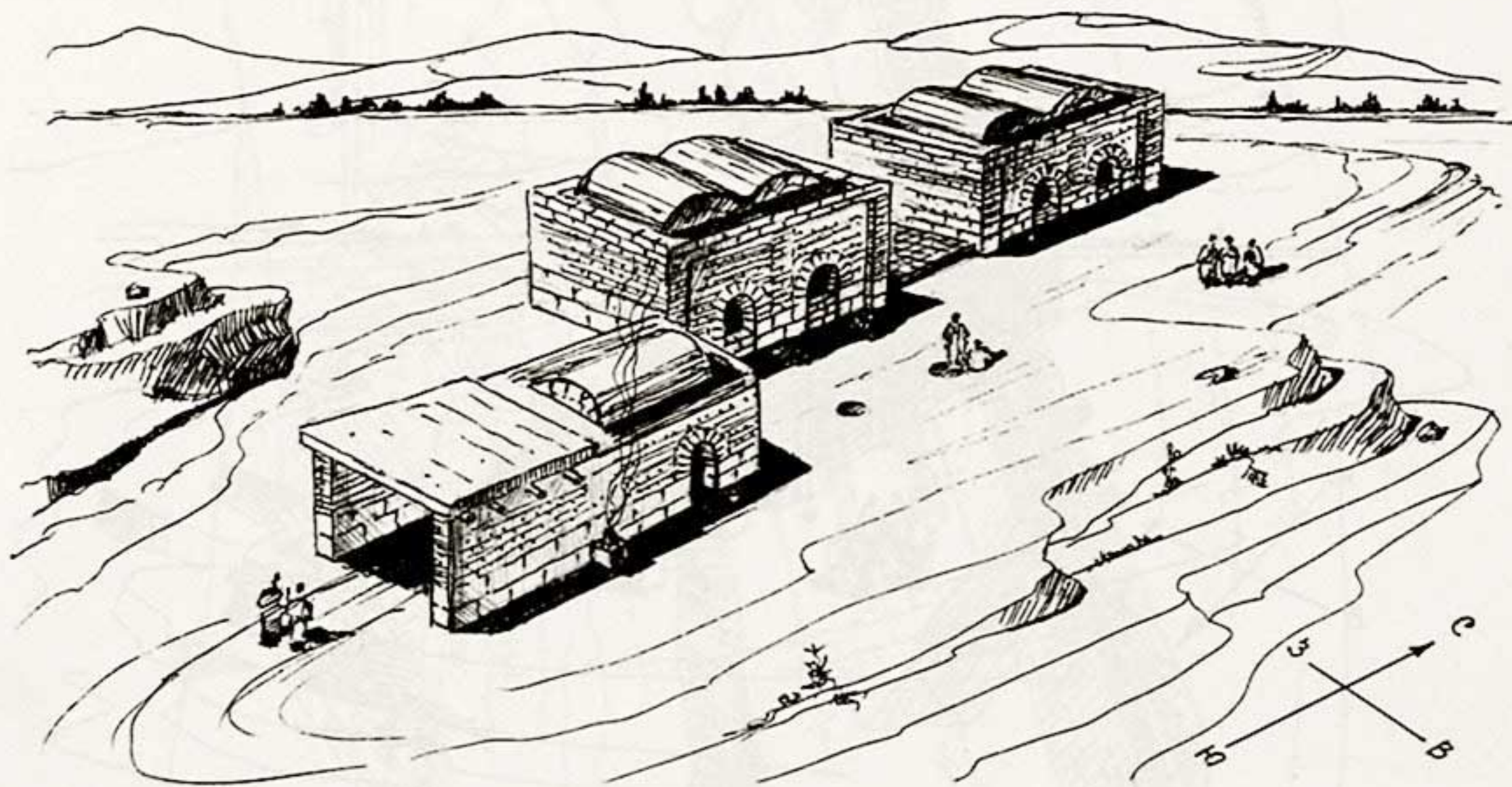
Рис. 20.
Оберег – связка яиц
на стене дома
в кишлаке Панджоб.

Одна из характерных черт бактрийского городища Кампыртепа состоит в том, что при археологических исследованиях в последние годы все ярче проявляется его трехчастность. Это – прежде всего цитадель с дворцовыми, культовыми и жилыми постройками, защищенная фортификацией. Затем – нижний город с жилыми кварталами, которые чрезвычайно удачно размещены на рельефе и амфитеатром раскрыты к цитадели. Он также имеет свою стену с прямоугольными башнями. За их пределами, к северу и востоку от городища, Э. Ртвеладзе выявил и исследовал руины целой группы погребально-культовых построек [3, с. 209].

Не останавливаясь на самих зороастрийских обрядах захоронения, которые весьма подробно освещены в научной литературе [1, с. 107–116; 3, с. 209–248], акцентируем внимание лишь на вопросах архитектурных композиций выявленных наусов и ката. Наблюдения на месте, отчеты экспедиции и научные публикации позволяют сделать некоторые предположения.

Во-первых, следует отметить, что для некоторых наусов характерно наличие антовых стен, удобных при возведении крытых айванов [3, с. 242, 244]. Во-вторых, на зафиксированных планах наусов с входной стороны выделяются небольшие выступы. Возможно, строители оформляли главный фасад П-образным обрамлением. В-третьих, сохранившиеся в этой области, на Дальварзине, наусы дают пример великолепного решения входов с возве-

денными над ними циркульными арками. И наконец, прямоугольные погребальные камеры строители той поры, опять же судя по дальварзинским наусам, прекрасно перекрывали цилиндрическими сводами. Купола были приемлемы для перекрытия квадратных или круглых помещений, как, например, в некрополе Тепаи-Шах [1, с. 105].

Рис. 1.
Наусы 1–2, 3.
Реконструкция
И. Азимова.

Обращают на себя внимание указания многих исследователей на то, что у зороастрийцев было три способа захоронения: положение на землю, погребение в земле и в закрытой камере [1, с. 107–116]. В постройках Кампыртепа можно было осуществить любой из трех способов захоронений, ибо здесь были открытые платформы, полузакрытые террасы и закрытые камеры, куда не могли попасть ни собаки, ни лисицы, ни волки, а сверху не проникала дождевая вода, как и предписывал Ахура Мазда.

Таким образом, выявляется материал, позволяющий выполнить графическую реконструкцию погребально-культовых построек Кампыртепа (рис. 1, 2, 3). В больших прямоугольных камерах можно допустить цилиндрические своды. Более того, известно, что в больших помещениях захоронения осуществлялись неоднократно. Поэтому входы в них закладывались лишь наполовину. Малые помещения шириной не более 60 см, видимо, было целесообразно перекрывать плоской конструкцией, и узкие входы в них, возможно, были замурованы полностью. По археологическим данным, с восточной стороны дахмы и двух больших помещений был ров с остатками четырех очагов. Возможно, над ними было легкое плоское перекрытие на деревянных опорах.

Известно, что графической реконструкцией памятников мемориального зодчества занимались ряд ученых, в том числе В. Воронина, В. Нильсен, Г. Пугаченкова и др. Они по археологическим материалам дали свои варианты реконструкций усыпальниц в Пенджикенте, Ангрене и Дальварзине. Остановимся на последнем [2, с. 7].

Рис. 2.
Наус 4.
Реконструкция
И. Азимова.

Предложенная реконструкция представляет достаточно монументальную многокамерную усыпальницу, чей громоздкий коробовый свод возвышается над коридором со стенами толщиной 60 см (рис. 4). Следует отметить, что наружные стены втрое толще, чем обращенные в коридор и межкамерные

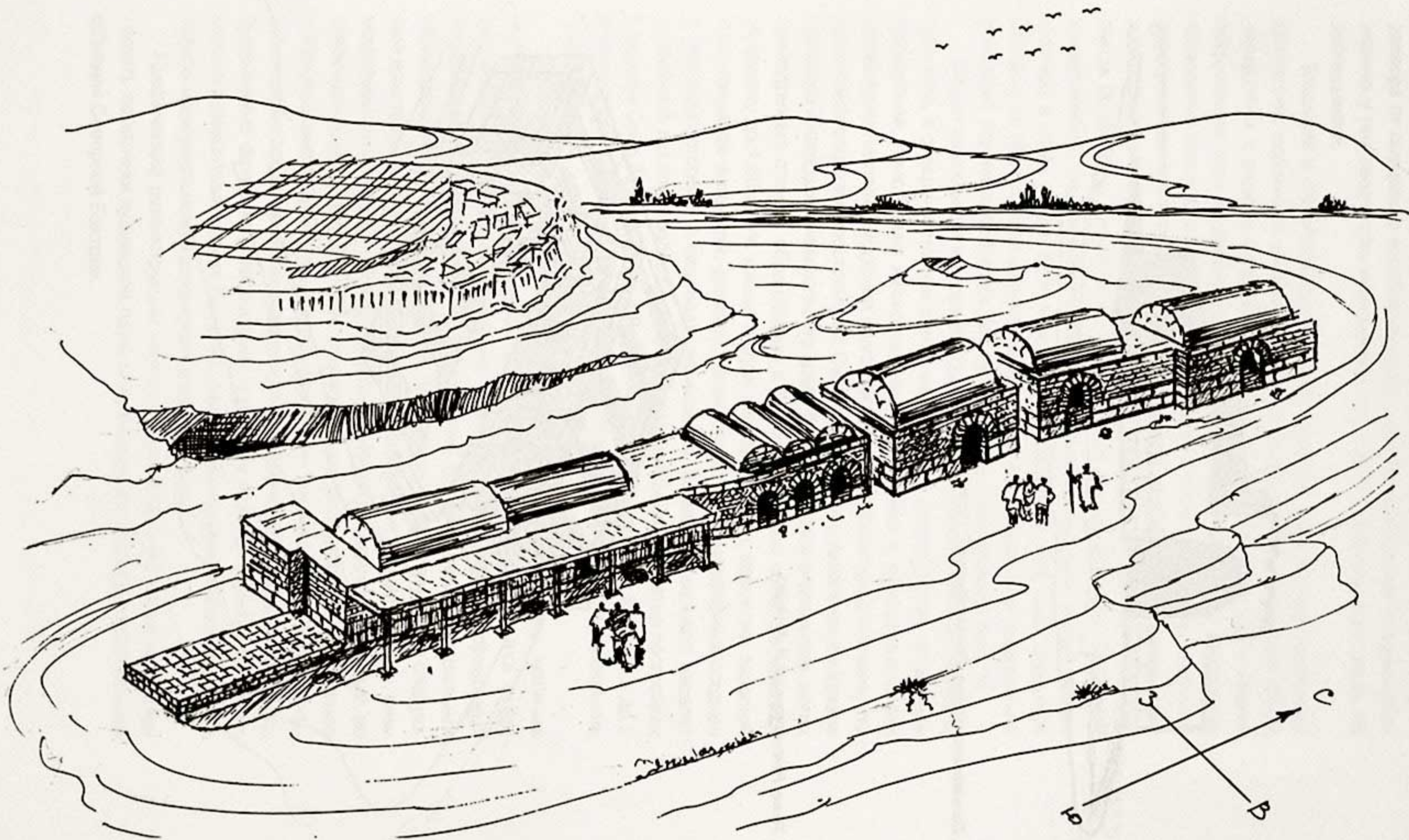

Рис. 3. Ката. Погребально-культовое сооружение - 1. Реконструкция И. Азимова.

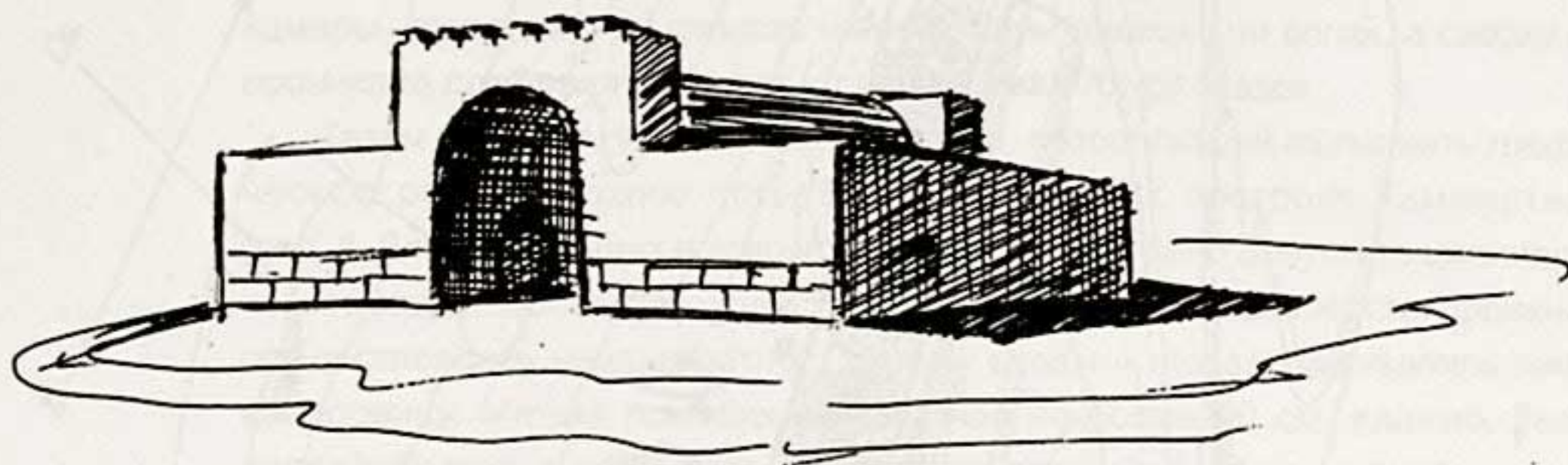
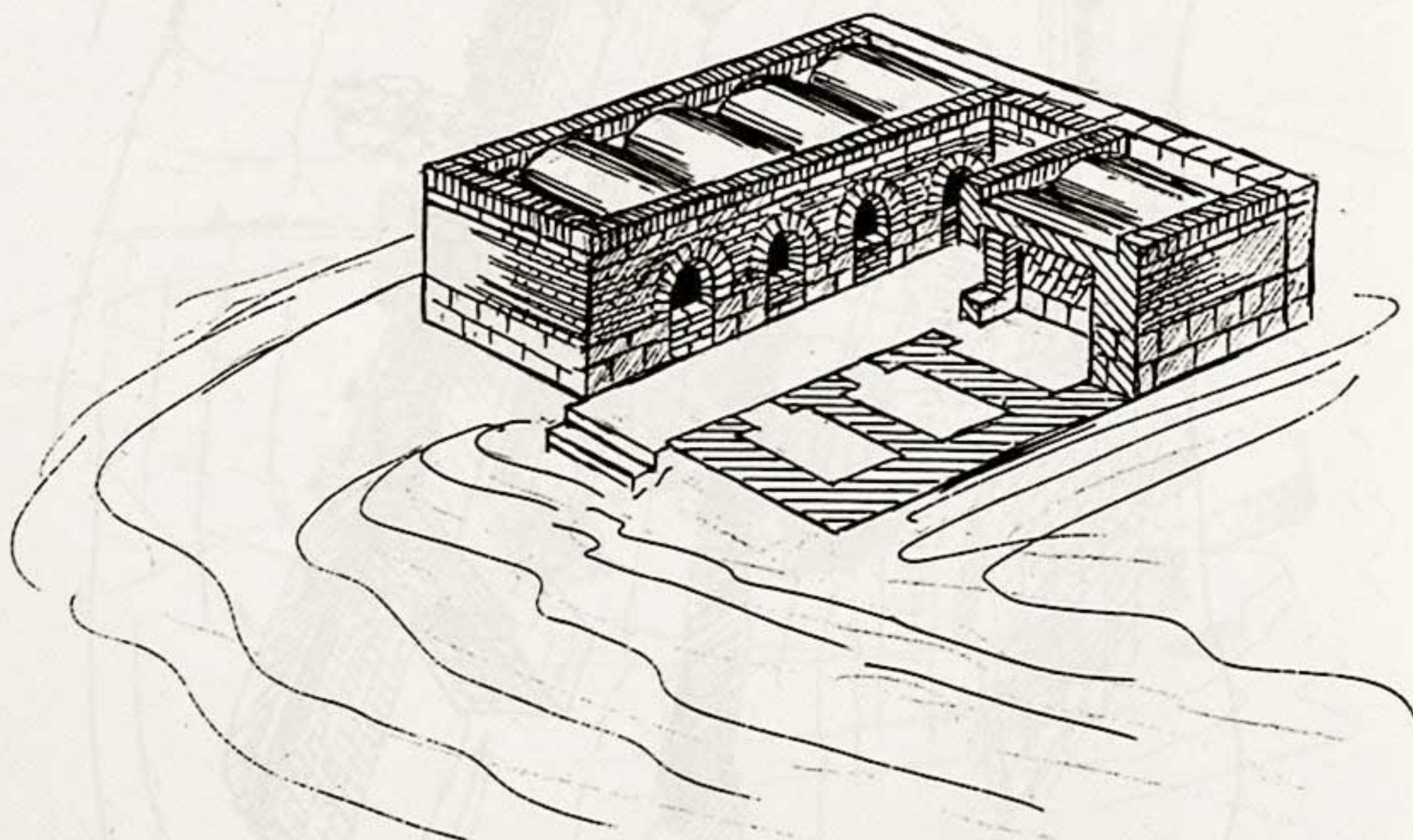

Рис. 4. Дальварзинский наус. Реконструкция Г. Пугаченковой.

Рис. 5. То же. Реконструкция И. Азимова.

ограждения. Между тем известно, что в сейсмоопасном районе для погашения распора от сырцового коробового свода нужна значительная толщина стен именно у пят сводчатого перекрытия, т. е. вдоль коридора, чего здесь не наблюдается.

Традиции в строительном искусстве Средней Азии весьма устойчивы. Достаточно вспомнить комбинированные кладки стен, где пахсовые блоки чередуются с рядами сырцового кирпича. Они сохранились как в ранних сооружениях, так и в современных постройках данной области, т. е. эта техника возведения стен известна здесь уже более двух тысячелетий. Или глубинно-пространственные композиции средневековых мемориальных сооружений коридорного типа, которые сохранились в Узбекистане до наших дней (Шахи-Зинда IX–XV вв. в Самарканде, Чор-Бакр XVI в. в Бухаре). Это позволяет предположить, что такой прием возведения усыпальниц также уходит своими корнями в глубь веков. Возможно, и дальварзинский наус имел открытый коридор, по обе стороны которого были построены камеры для захоронений и который служил прообразом для средневековых мемориалов (рис. 5).

Общая композиция мемориала была задумана симметричной, коридорного типа, а северо-восточная стена, замыкающая пространство, по данным археологов, пристроена несколько позже. Наличие в культурных слоях характерных натечно-надувных прослоек также позволяет предположить, что здесь было открытое пространство. Сырцовые кирпичи, выявленные в завале коридора и наведшие на мысль, что здесь было сводчатое перекрытие, могли принадлежать стенам, обращенным в коридор, которые ныне сохранились на высоту до 1,50 м. На крыше пазухи между сводами, вероятно, заполнялись глиняной засыпкой, дающей уклон для стока атмосферных осадков в наружную сторону. А перепады перекрытия, возможно, скрывал парапет с данданой, как это нередко мы видим в средневековых сводчатых постройках (медресе Сеид Аталык XVI в. в Денау, Хазрат Миен XVIII в. в Коканде и др.). Вместе с тем можно допустить наличие плоского деревянного перекрытия над коридором.

Итак, незначительная толщина стен, обращенных в коридор, наличие натечно-надувных слоев, достаточно выразительная кладка стен, рассчитанная на внешнее обозрение, традиции возведения мемориальных комплексов с глубинно-пространственной композицией и открытыми коридорами позволяют предположить, что дальварзинский наус имел следующее архитектурное решение: постройка на небольшой возвышенности, симметричная композиция, на продольной оси которой находился замкнутый, но открытый сверху коридор. По обе стороны от него были возведены по четыре прямоугольных в плане камеры для погребений. Ритмичная кладка циркульных входных арок и дандана художественно оформляли фасад усыпальниц. Выявленные фрагменты штукатурки, учитывая возраст памятника, можно отнести к ремонтным слоям. Простые, лаконичные формы вполне соответствовали мемориальному назначению этой постройки.

Графические реконструкции наусов и ката позволяют нагляднее представить памятники кушанской поры и иллюстрируют уровень строительной культуры Северной Бактрии.

Библиография:

1. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-Шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
2. Пугаченкова Г. А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые древности Узбекистана. Ташкент, 1989.
3. Ртвеладзе Э. В. Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыртепа // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов. М., 1989.

Штампованный орнамент на керамике Кампыртепа уже рассматривался нами ранее [10]. Во время полевого сезона весной 2000 г. коллекция керамики, орнаментированной штампом, значительно пополнилась. Было найдено более 10 новых для этого памятника видов штампов и несколько новых композиций. Следует отметить, что почти все эти виды уже встречались на других памятниках, и наше решение рассматривать лишь штампы, найденные на Кампыртепа, ограничивает комплекс штампованного орнамента, встречающегося в Бактрии, тем самым позволяя нам сделать частичный анализ материала, который в полном объеме будет исследован в последующих публикациях. Это представляет определенный интерес в плане выявления греко-бактрийских и затем римско-бактрийских связей.

Ранее нами рассматривались следующие типы штампов с Кампыртепа, найденные до 1999 г. [10, с. 121, рис. 5] (см. сводную табл. 4):

- 2 вида пальметтообразного (в виде листа) штампа – овального и ромбического контура (находки 2000 г., см. табл. 1, 5; 2, 1, 3; 3, 1, 3–6);
- 3 вида розеток с радиально расходящимися лепестками (находки 2000 г., см. табл. 2, 3, 5; 3, 5);
- вихревая розетка (находки 2000 г., см. табл. 2, 2, 4);
- стопа (находка 2000 г., см. табл. 2, 3);
- прямоугольник, внутри которого располагаются четыре точки и одна поперечная горизонтальная линия;
- U-образный штамп;
- кольцеобразные вдавления (кольчатый штамп) (находки 2000 г., см. табл. 2, 5–7);
- оттиск геммы с всадником.

Новые виды штампов, встреченные во время сезона 2000 г. (см. сводную табл. 4):

- круглый с зернистым заполнением (табл. 1, 1);
- круглый, рассеченный крестообразно перекрещивающимися линиями с точками и линиями в образовавшихся секторах (табл. 1, 2);
- 2 вида S-образного орнамента (табл. 1, 2–5);
- 3 вида трехлучевой свастики (табл. 1, 1; 2, 1);
- стопа с точкой на пятке (табл. 2, 3);
- овальный с поперечными линиями (табл. 2, 8);
- лист в виде ромба с одной продольной жилкой (табл. 3, 2);
- оттиски геммы с изображением человеческой фигуры (табл. 2, 9).

Рассмотрим типы сосудов и расположение штампов на сосуде. Следует отметить, что сосуды, орнаментированные штампованным орнаментом, очень немногочисленны. К сожалению, статистической оценки их встречаемости сделать не удалось. Все сосуды, декорированные штампованным орнаментом, изготовлены на гончарном круге. Черепок плотный, в изломе в основном красного цвета, остальная часть черепков – серого, иногда близкого к черному. В процентном соотношении наблюдается уменьшение со временем сероглиняной керамики. Чаще всего сосуды покрывались ангобом, светлым или красным (иногда неравномерно). Также применялось высветление поверхности сосуда с помощью мокрой тряпки, или поверхность не обрабатывалась вообще. В некоторых случаях присутствуют следы лощения. Все штампы, за исключением, в редких случаях, штампа в виде пальметты,

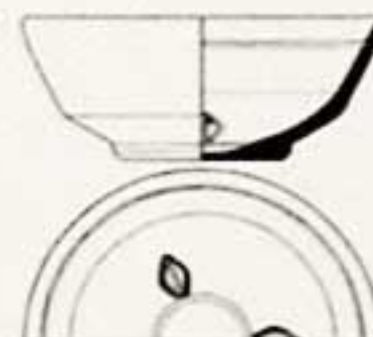

Рис. 1.
Фрагмент
сероглиняной чаши
(см. табл. 3, 2).

наносились на плечико сосудов закрытой формы, т. е. на верхнюю часть тулова. Скорее всего, это связано с общей традицией декорирования верхней части тулова сосудов закрытой формы в кушанский период. Что касается сосудов открытой формы – тарелок и блюд, то нами встречены лишь случаи декорирования внутренней поверхности дна штампом в виде листика. Листики располагались по 4 (в одном случае – по 3) радиально вокруг центра. Однако на одном сероглиняном блюде листики располагались вдоль двух окружностей.

Штампованный орнамент на керамике появляется в Бактрии в греко-бактрийский период, в III в. до н. э., после похода Александра и вхождения Бактрии в греческий мир. По наиболее распространенному мнению, именно влияние Средиземноморья стало источником появления этого типа орнамента в Бактрии [8, с. 251; 15, р. 122]. Напомним, что в греческом мире он существует уже в IV в. до н. э. на чернолаковой керамике в виде пальметт [4]. При появлении краснолаковой керамики *terra sigillata* в восточной части античного мира во II в. до н. э. штампованный орнамент естественным образом стал наноситься на новый тип изделий керамического производства, который достиг наивысшего расцвета в период правления Августа [1, с. 17]. В Средиземноморье нам известны штампы в виде стопы *planta pedis*, впервые появившиеся на территории Италии в начале I в. н. э. Вначале они заключали в себе надпись, трансформировавшуюся впоследствии в орнаментальные мотивы [1, с. 18]. Эпиграфические клейма вообще к концу I в. н. э. вытесняются более простыми розетками, пальметтами, кольцевыми и т. д., типичными для Малой Азии [2, с. 246]. В Бактрии клейма с надписями нам пока не встретились. Известен целый ряд глиняных, деревянных и металлических штампов, использовавшихся в Римской империи для нанесения штампованных мотивов [5, рис. 90]. Заметим, что в опубликованных работах не сообщается о найденных в Бактрии штампах для нанесения орнамента, датируемых античным периодом. Лишь, по устному сообщению Ш. Пидаяева, в шурфе на цитадели Старого Термеза был найден штамп в виде четырехгранной призмы с четырьмя видами мотивов на вершинах.

Рис. 2.
Фрагменты
керамики со
штампованным
орнаментом.
Слева: VI 10, галерея
запад, II период
(см. табл. 3, 5).
Справа: VI 10,
галерея запад, пол 2
(см. табл. 2, 3).

Еще Ж.-Кл. Гарден заметил, что греческая мода из Средиземноморья приходит в Бактрию удивительно быстро [17, р. 450]. Это относится к греко-бактрийскому периоду, а также к кушанскому, соответствующему римскому периоду [17, р. 458]. Одними из первых штампов на керамике среди найденных в Бактрии были пальметтообразные, встреченные на Ай-Хануме [23, fig. 14]. Штампованный орнамент со временем становится более разнообразным, и можно провести параллель между керамикой кушанского периода и *terra sigillata* западного эллинистического мира [16, р. 122].

Керамика с красным ангобным покрытием, аналогичным краснолаковой керамике Средиземноморья *terra sigillata*, появляется в Бактрии в предкушанский период. Провести параллель между *terra sigillata* и кушанской керамикой можно лишь на примере отдельных видов сосудов. Покрытие «лаком» в Бактрии в основном применялось для определенных типов сосудов – бокалов, кубков, чаш и тарелок, т. е. столовой посуды. Напомним, что столовая посуда появилась в Бактрии под влиянием греческой культуры [20, р. 147]. И именно эти виды керамики реже всего украшались штампованным орнаментом: бокалы и кубки никогда, а чаши и тарелки иногда украшались штампиками, располагавшимися на внутренней поверхности дна. Отметим, что покрытие красным ангобом типа *terra sigillata* встретилось на керамике, украшенной штампованным орнаментом, лишь в одном случае – на фрагменте дна тарелки, орнаментированной композицией из четырех листиков (табл. 3, 4). Этот фрагмент был найден на поверхности. Он, возможно, принадлежит сосуду, выполненному в матрице, и датируется предкушанским временем (греко-бактрийским или юечжийским).

Что касается штампов в виде стопы, то распространено мнение о буддийской атрибутике и индийском происхождении его в Бактрии. То же относится к штампу в виде вихревой розетки. Нам кажется, что происхождение этих видов штампов следует искать в греческом мире. Со временем в Бактрии они могли приобрести буддийскую символику. В искусствоведении известен феномен изменения семантики знака при его переходе из одной культуры в другую. Вместе с тем орнаментальные композиции из штампов в виде стопы, прямолучевой или вихревой розетки и листика могут иметь аналогии с композициями буддийской символики, выполненными в других материалах (архитектурный орнамент и пр.), и связываться с изображениями стопы Будды, цветка лотоса, символа чудесного рождения Будды, вращающегося колеса жизни и дерева просветления Будды.

Найденный нами S-образный орнамент нанесен полосами на верхней части сосудов закрытой формы. Интересно, что эти сосуды покрыты неблестящим красным ангобом. S-образный орнамент встречается всегда в комбинации с

Рис. 3.
Фрагменты керамики со штампованным орнаментом.
Слева: подъем (см. табл. 2,1).
Справа: цитадель, пом. 1, пол 4 (см. табл. 1,1).

другими видами орнамента штампованного или прочерченного. Это отмечено и на памятниках Северного Афганистана [20, р. 181]. Все найденные S-образные штампика – разные. Большинство фрагментов найдено на цитадели, один – на городище, в слое кушанского времени. Вероятно, использование S-образных штампиков связано с модой этого периода или с продукцией одной мастерской. На одном фрагменте, найденном на городище, полосы частого S-образного орнамента сочетаются с близко расположенной полосой штампиков в виде

листика (табл. 1, 5), тем самым отражая, как нам кажется, переходный этап между кушанским временем, когда оттискивались отдельные штампы или полосы редких штампов, и кушано-сасанидским периодом, когда вся поверхность сосуда покрывалась штампованным орнаментом.

Существует точка зрения, что в Средиземноморье некоторые клейма могли служить маркой определенной мастерской, по крайней мере в греческий период. Со временем они теряют свой маркерный характер и используются лишь в качестве декора. Нам кажется, что в Бактрии использование штампа в качестве знака принадлежности к какой-либо мастерской не практиковалось, ибо, несмотря на большое разнообразие штампов, они не имеют индивидуализированного характера, часто используются в композициях из нескольких видов штампов. Однако нам представляется возможным, что отпечатки гемм использовались заказчиком для маркировки своего сосуда, поскольку в большинстве случаев они обнаружены на толстостенных сосудах типа хума, представляющих большую ценность, чем посуда меньшего размера.

Каким образом греческое влияние в орнаментации керамики могло проникать в Азию? В греко-бактрийский период, вероятно, в связи с образованием греческих полисов и эллинизацией местной культуры [8, с. 251], затем по Великому Шелковому пути, который разделялся в своей средней части на три ветки [6, 121]: северную – через евразийский степной коридор к северу от Каспийского моря, южную – через территории современного Пакистана, Индии и Индийский океан и центральную – через Иранское плато.

Центральный путь для проникновения греческого влияния в орнаментацию керамики можно исключить, ибо на опубликованной керамике Парфии этого времени штампованный орнамент не встречается [22, с. 127]. Что касается северного пути, то у нас нет свидетельств, что *terra sigillata* могла транспортироваться по этому пути, хотя этот вид керамики с разными штампами, включая *planta pedis*, часто встречается в Северном Причерноморье. Однако тот факт, что на памятниках севера Центральной Азии и к северу от

Рис. 4.
Фрагменты
керамики со
штампованным
орнаментом.
Слева направо:
- подъем
(см. табл. 3,5);
- VI 10, галерея
запад, пол 2
(см. табл. 2,5);
- VI 10, III двор, II слой
(см. табл. 2,2).

Каспийского моря находки ни *terra sigillata*, ни керамики со штампованным орнаментом нам неизвестны, противоречит предположению, что этот тип керамики мог циркулировать по северному пути, в отличие от других видов изделий (например, ювелирных украшений [7, с. 178]). Самый северный пункт обнаружения штампованного орнамента на керамике, известный нам из публикаций, – это Бухарский оазис [11, с. 138]. Ни на севере Согда, ни в Хорезме

штампованный орнамент этого периода не обнаружен. В Сурхандарье наблюдается увеличение встречаемости штампованного орнамента с севера на юг. Причем на юге он появляется раньше, чем на севере.

Все это говорит в пользу варианта использования южного пути. Для проверки этой гипотезы необходимо рассмотреть материал из раскопок в Пакистане, Индии и в Персидском заливе. К сожалению, раскопки, дающие нам материал для анализа штампованного орнамента греко-бактрийского и кушанского периодов, были произведены лишь на небольшом количестве памятников. В опубликованных отчетах основное внимание часто уделялось исследованию архитектуры и скульптуры, керамика описывалась не всегда. Другая проблема, которая возникает перед исследователем, это вопрос легитимности рассмотрения штампованного орнамента независимо от формы сосуда, т. е. допущение передачи традиции орнаментации штампом без соответствующей формы сосуда. Этот подход нам представляется вполне оправданным.

На памятниках, расположенных к югу от Бактрии, керамика, орнаментированная штампованным орнаментом, встречается довольно часто. Рассмотрим керамику, датированную интересующим нас периодом, от III в. до н. э. до II в. н. э. Сразу заметим, что в научной литературе нам не встретилось описания образцов со штампами в виде стопы. Этот факт может быть объяснен недостаточностью произведенных археологических работ и их опубликованных результатов в данном регионе. В Гиндукуше, на городище Сака [18, pl. III] и в Беграме [18, pl. III] керамика со штампованным орнаментом авторами этих работ датируется первыми веками н. э. Здесь мы встречаем и простые, но чаще более сложные штампы, что дает нам право на некоторое сомнение в правильности указанной датировки. В провинции Сват современного Пакистана, в Саиду Шариф, также найдены фрагменты керамики с различными типами штампов: ромбики, простые круглые штампы, листики, розетки [13, fig. 183, 185], которые датируются монетами от Сотера Мегаса до Васудевы, т. е. I–II вв. н. э. В Гандхаре, в Чарсаде, описаны круглые штампы,

Рис. 5.
Фрагменты
керамики со
штампованным
орнаментом.
Слева направо:
- подъем;
- цитадель, пом 1,
сл. 1, пол 4
(см. табл. 2,8);
- VI 10, галерея
запад, II период
(см. табл. 3,6);
- подъем
(см. табл. 3,3).

состоящие из concentрических кругов, на керамике, датированной II–I вв. до н. э. [27, fig. 29, 244, 30, 264, 265]. На этом же памятнике была найдена керамика, орнаментированная штампами в виде розеток и датированная I–II вв. н. э. [27, fig. 33, 296]. Позднее здесь появляются более сложные штампы. В Таксиле найдены кувшины, декорированные рядами миндалевидных и S-образных штампиков [21, pl. 128, 248, 249]. Сосуды датированы сако-

парфянским периодом. На северо-востоке Индии, к западу от Дели, были найдены фрагменты керамики, орнаментированной штампами в виде розеток и листиков, а также ромбическими и миндалевидными [25, fig. 17]. Эта керамика датируется I–III вв. н. э. Юго-восточнее, в долине Ганга, при раскопках памятника Каушамби была найдена керамика, орнаментированная штампами в виде листика и датированная III в. до н. э. [24, p. 31].

Интересные находки были сделаны на юго-восточном побережье Индии. Эта территория никогда не входила в Кушанскую империю. Однако портовые города в прибрежной зоне могли служить торговыми пунктами на морских путях, соединяющих Рим с далекими странами. Именно при раскопках одного из таких портов, Арикамеду, были найдены фрагменты керамики, импортированной из Греции. Керамика местного производства датировалась импортированной греческой керамикой, в частности арретинской, производство которой на западе греческого мира прекратилось в середине I в. н. э. Таким образом, один из фрагментов местной керамики, декорированный штампованным орнаментом в виде розетки, был датирован временем после середины I в. н. э. [26, pl. XXXII, A].

При археологических работах в Персидском заливе штампованный орнамент был найден на керамике, датированной селевкидско-парфянским временем. Он представлен штампами в виде розеток, встреченных в керамическом материале из Урука-Варки в Ираке [14, p. 11, Abb. 6], а также на острове Файлака, в Кувейте [15, p. 72, fig. 10]. Особенно интересен фрагмент дна сосуда открытой формы со штампами в виде листиков [15, p. 68, fig. 7, 23], расположение которых очень напоминает фрагмент, найденный на Кампыртепа (табл. 3, 4). В Бахрейне, на памятнике Калаат ал-Бахрейн, на сосуд типа кратера была нанесена полоса штампов в виде листика [19, p. 143, fig. 9].

Все эти примеры наглядно показывают нам путь, по которому греческие традиции в декорировании керамики могли достигать Бактрии. В какой форме это происходило: были ли это импортированные сосуды, которые могли служить образцом для подражания в определенных аспектах? Или сами мастера-ремесленники каким-то образом достигали далекой страны? Не следует забывать, что вся повседневная керамическая посуда в Бактрии является продукцией местного производства, и несмотря на многие черты сходства с греческой керамикой, различия в них слишком велики для принятия второго предположения.

Другой вопрос, который встает при исследовании штампованного орнамента, – большая разница в наборе штампов в Бактрии по сравнению со Средиземноморьем. Если сравнить набор штампов *eastern terra sigillata* из Северного Причерноморья [2, с. 260, рис. 6; 3, с. 38, табл. 4] с бактрийским материалом кушанского времени, то мы увидим, что в Бактрии разнообразие намного больше. Мы уже говорили, что штампованный орнамент был принесен в Бактрию как технический прием из греческого мира в античный период. Однако в материальной культуре бронзового века в Бактрии известен широкий круг бронзовых печатей [12], которые, скорее всего, использовались для маркировки булл, ибо оттисков этих печатей на керамике не найдено. Нами отмечается поразительное иконографическое сходство между бактрийскими печатями бронзового века и античными штампами. Действительно, для последних почти всегда можно найти более ранний прототип. Это касается

листика, стопы, розеток прямолучевых и вихревых, круга, рассеченного на четыре сектора, и других видов штампов. Например, в одном из найденных нами на Кампыртепа типов трехлучевой свастики на концах загнутых лучей имеются утолщения, напоминающие головы змей, аналогичные четырехлучевой свастике на печати бронзового века [12, No. 457A, 350, 351].

Итак, античная традиция штампованного орнамента пришла в новую, но уже подготовленную в течение бронзового века культурную среду. Однако в ахеменидский период бронзовые печати исчезают. В массовом керамическом материале этого времени также не обнаружено отпечатков штампов на керамике, за исключением одного сосуда, полностью покрытого оттисками ромбовидного штампа, найденного А. Сагдуллаевым на Кызылтапе в слое VI–V вв. до н. э. Каким образом иконографическая традиция бронзового века могла возродиться в античный период, не оставив нам практически никакого субстрата, на базе которого она могла сохраниться? Можно предположить два пути: сохранение самих печатей, что опровергается их отсутствием на памятниках античного времени, хотя они могли быть впоследствии переплавлены, либо сохранение оттисков, что также проблематично, поскольку не найдено никаких артефактов этого рода. Ответ на этот вопрос дадут последующие исследования, включая археологические работы, которые пополнят наши знания о бактрийской культуре в ахеменидский период.

В заключение скажем, что в культуре античной Бактрии переплетаются и взаимопроникают различные культурные традиции – местное наследие древней Бактрии и новые, эллинистические и римские традиции.

Рис. 6. Фрагменты керамики со штампованным орнаментом.

Слева направо: галерея между башнями 1 и 2, верхний пол (см. табл. 1,5);
цитадель, пом 1, пол 3 (см. табл. 1,4); цитадель, пом 1, сл. 1, пол 4 (см. табл. 1,3);
цитадель, пом 1, пол 3 (см. табл. 1,2).

Библиография:

1. Домжальский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая керамика в Северном Причерноморье. М., 1998.
2. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика группы *Eastern sigillata B* из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. М., 1997.
3. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения // Эллинистическая керамика в Северном Причерноморье. М., 1998.
4. Леви Е. А. Ольвийская агора // МИА. № 50. Ольвия и Нижнее Побужье. М.; Л., 1956.
5. Максимова М. И. Обработка изделий. Керамика // Эллинистическая техника. М.; Л., 1948.
6. Ртвеладзе Э. В. Великий Шелковый путь. Ташкент, 1999.
7. Ставиский Б. Я. Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период) // Индия в древности. М., 1964.
8. Сычева Н. С. Античные элементы в керамике Северной Бактрии – Тохаристана кушанского времени и проблема связей Кушанского царства с греко-римским миром // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
9. Сычева Н. С. Керамика Кара-тепе // Кара-тепе 4. М., 1975.
10. Цепова О. В. Декорированная керамика Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Ташкент, 2000.
11. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
12. Baghestani S. Metallene compartmentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China // Archäologie in Iran und Turan. Bd. 1. Rahden / Westf., 1997.
13. Callieri P. Saidu Sharif I (Swat, Pakistan). The buddhist sacred area. The Monastery // IsMEO. Rome, 1989.
14. Finkbeiner U. Uruk-Warka. Fundstellen der Keramik der Seleukiden- und Partherzeit // Materialien zur Archäologie der Seleukiden und Partherzeit im südlichen Babylonien und im Golfgebiet. Tübingen, 1993.
15. Gachet J., Salles J.-F. Failaka, Koweit // Materialien zur Archäologie der Seleukiden und Partherzeit im südlichen Babylonien und im Golfgebiet. Tübingen, 1993.
16. Gardin J.-Cl. Ursprünge des Kussana-Keramik // Aus dem Osten des Alexanderreichs. Köln, 1984.
17. Gardin J.-Cl. Les relations entre la Méditerranée et la Bactriane dans l'antiquité, d'après des données céramologiques inédites // De l'Indus aux Balkans, Recueil Jean Deshayes. Paris, 1985.
18. Hackin J., Carl., Meunié J. Diverses recherches archéologiques en Afganistan (1933–1940) // MDAFA. T.VIII. Paris, 1959.
19. Lombard P., Kervran M. Les niveaux «hellénistiques» du Tell de Qal'at al-Bahrain. Données préliminaires // Materialien zur Archäologie der Seleukiden und Partherzeit im südlichen Babylonien und im Golfgebiet. Tübingen, 1993.
20. Lyonnet B. Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Vol. 2. Céramique et peuplement du Chalcolithique à la conquête arabe. Paris, 1997.
21. Marshal J. Taxila. Vol. II. Cambridge, 1951.
22. Puschnigg G. The Cultural links of Sasanian Merv in the light of the new ceramic evidence // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы). Ашгабад – С.-П., 2000.
23. Schlumberger D., Bernard P. Ai Khanoum. Céramique // Bulletin de Correspondance Hellénique. LXXXIX. 1965-II.
24. Sharma G., Negi J. The Saka-Kushans in the central Ganga valley (mainly a review of new data from Kausambi) // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975.
25. Sinha A. K. Note sur la céramique et autres trouvailles provenant d'une zone triangulaire entre Sistan, Dabra et Bharda // Prospections archéologiques au Nord-Ouest de l'Inde. Rapport préliminaire 1983–1984. MAFI1, «mémoire» No. 62. Paris, 1985.
26. Wheeler R. E. M., Ghosh A., Krishna Deva. Arikamedu: an Indo-Roman trading-station on the East coast of India // Ancient India. Bulletin of the archaeological Survey of India. No. 2. Delhi, 1946.
27. Wheeler R. E. M., Charsada. A Metropolis of the North-West frontier. Being a report on the excavations of 1958. Oxford, 1962.

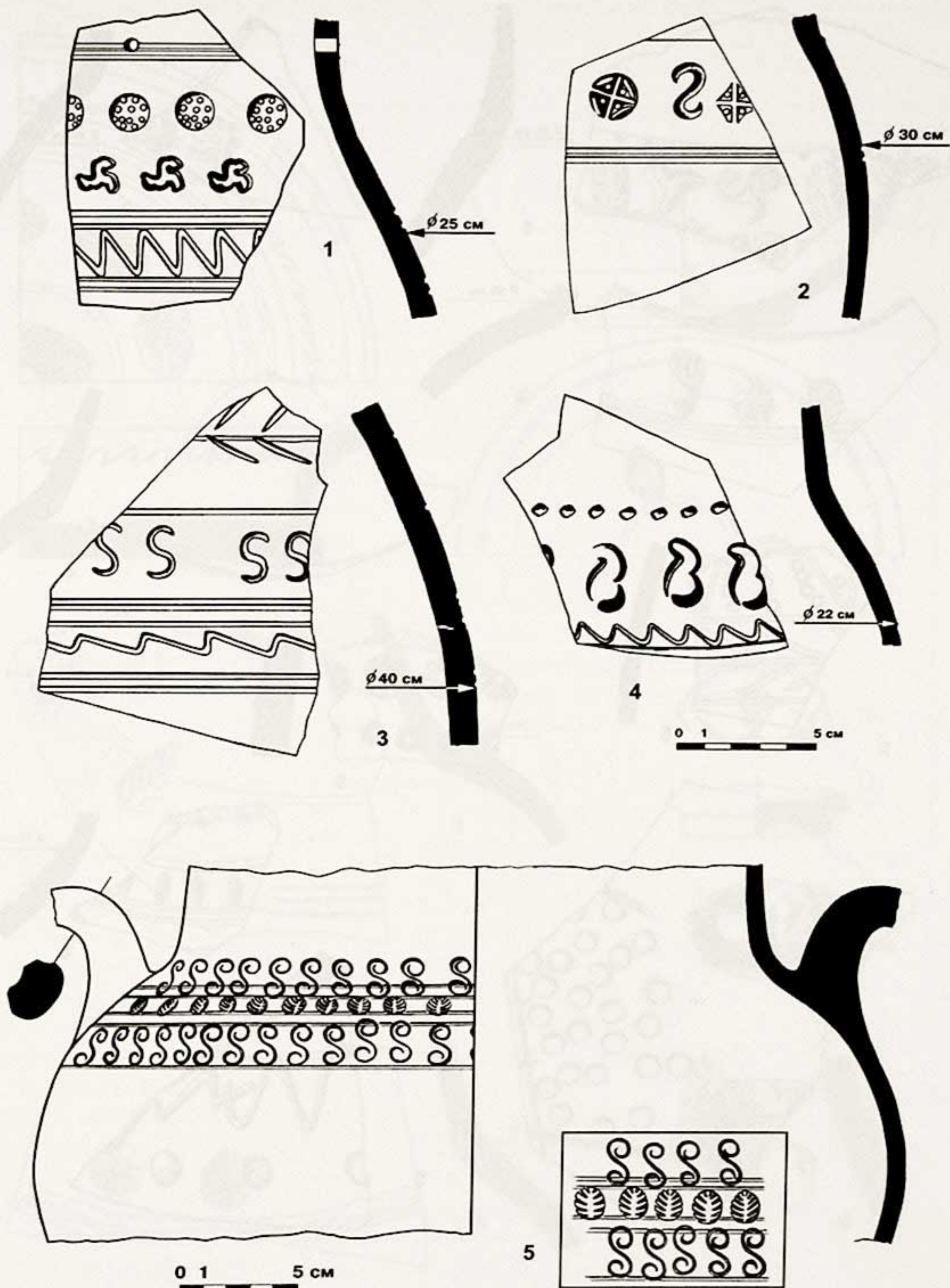

Табл. 1. Фрагменты керамики, орнаментированной штампами:

1. Черепок в изломе красного цвета (ГК), плотный (П), светлый ангоб снаружи. 2. ГК, П, снаружи неравномерный красный ангоб наклонными мазками. 3. ГК, П. 4. ГК, П. 5. ГК, рыхлый, большие примеси песка, наружная часть и горлышко внутри покрыты густым красно-коричневым ангобом.

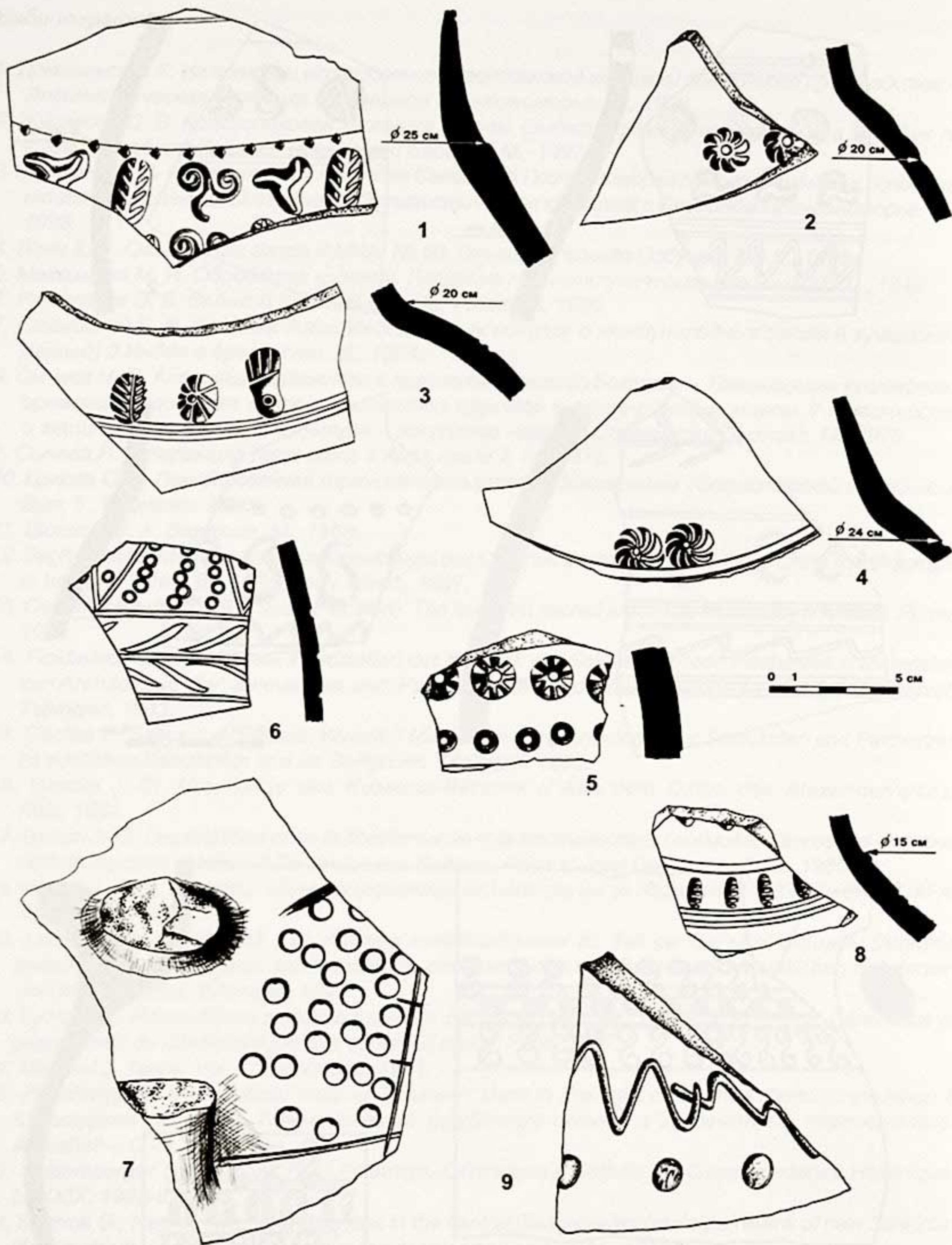

Табл. 2. Фрагменты керамики, орнаментированной штампами:

1. Черепок в изломе красного цвета (ГК), плотный (П), обжиг неравномерный, снаружи светлый ангоб (СА). 2. ГК, П, снаружи СА. 3. ГК, П, СА, сверху потеки красного ангоба. 4. ГК, П. 5. ГК, П. снаружи СА. 6. ГК, П. 7. ГК, П, СА. 8. ГК, П, снаружи красно-коричневый ангоб. 9. ГК, П, снаружи СА, идентичные оттиски геммы были встречены на фрагменте керамики на Каратепа [9, с. 117, рис. 53, 3].

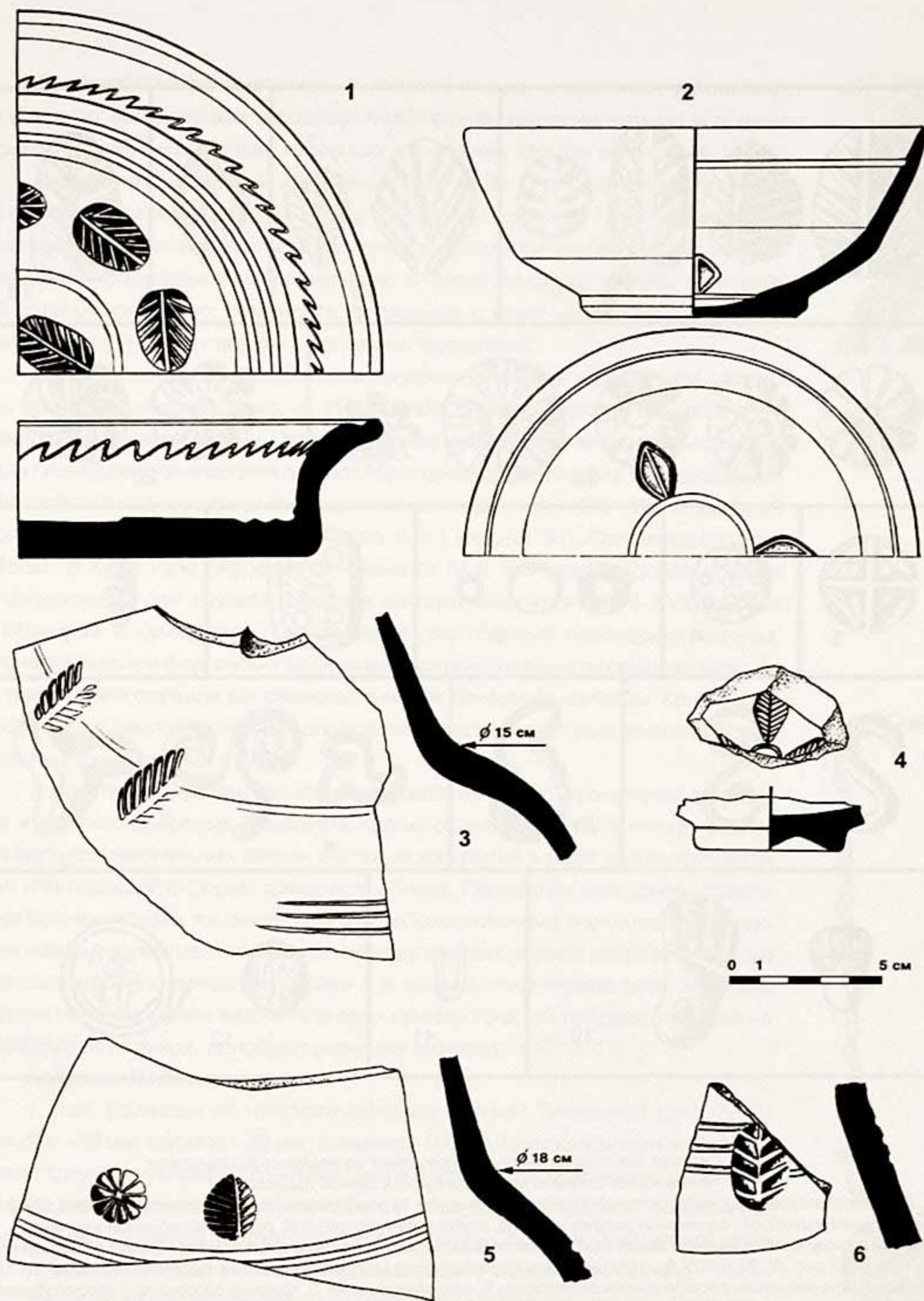

Табл. 3. Фрагменты керамики, орнаментированной штампами:

1. Черепок в изломе серого цвета (ГС), П. 2. ГС, П, снаружи и внутри затирка. 3. Черепок в изломе красного цвета (ГК), снаружи светлый ангоб. 4. ГК, красный ангоб везде. 5. Черепок в изломе светлого цвета, П, высветление внешней поверхности. 6. ГК, П, обжиг неравномерный, затирка.

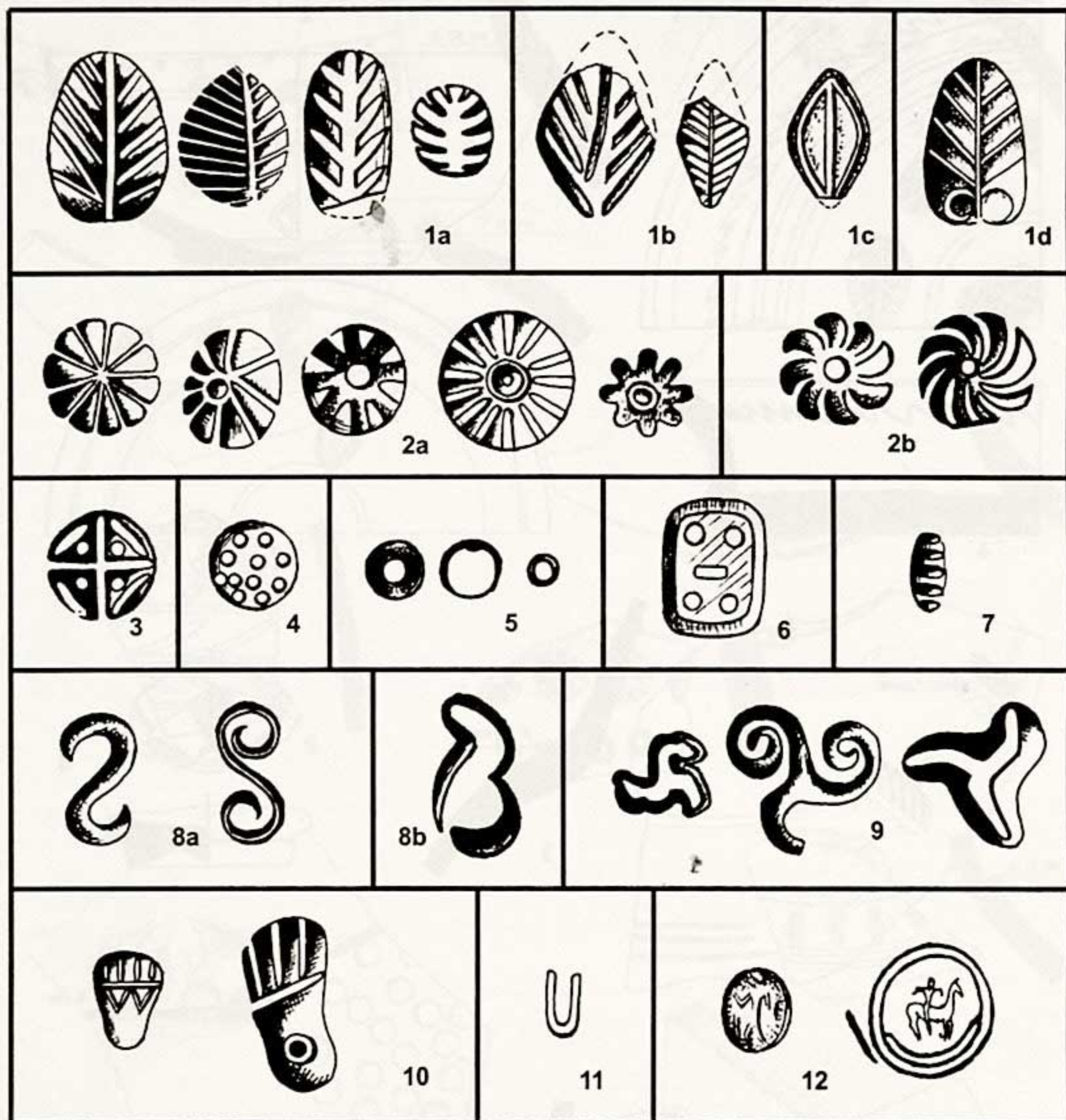

Табл. 4. Сводная таблица штампов, встреченных на керамике Кампыртепа (некоторые штампы не фигурируют в данной таблице):

1. Пальметтообразный (в виде листика): а) овального контура, б) ромбического контура, с) в виде ромба с одной продольной жилкой, d) исправление рисунка штампа, опубликованного ранее [9, рис. 1, 1] вследствие замечания, сделанного автору К. Абдуллаевым. Этот тип пальметты является переходным этапом между греческой пальметтой [4, с. 73, рис. 35; 23, р. 623, fig. 14] и штампом в виде листика, распространенным в Кушанской империи.
2. Розетки: а) с радиально расходящимися лепестками, б) вихревая розетка.
3. Круглый, рассеченный крестообразно пересекающимися линиями с точками и линиями в образовавшихся секторах.
4. Круглый с зернистым заполнением.
5. Кольцеобразные вдавливания (кольчатый штамп).
6. Прямоугольник, внутри которого располагаются четыре точки и одна поперечная горизонтальная линия.
7. Овальный с поперечными линиями.
8. S-образный: а) I тип, б) II тип.
9. Трехлучевая свастика (3 типа).
10. Стопа (2 типа).
11. U-образный.
12. Оттиски гемм.

Для удобства рассмотрения и классификации ювелирных украшений, найденных на раскопках городища Кампыртепа, выделим четыре условные группы – шейно-нагрудные, головные, украшения для рук и поясные.

Украшения шейные и нагрудные (рис. 1, 3). Они составляют большую и сложную для исследования группу ювелирных изделий. Грудь украшали во все времена. Доказательством тому служат археологические находки, изображения на средневековых миниатюрах, а также этнографические описания. О роли ожерелий, их семантике, связанных с ними верованиях, обычаях, вкусах и моде на них писали многие исследователи.

Самым важным, необходимым и распространенным украшением для груди являлось ожерелье (рис. 3, 31). Обычно оно состояло из бус, подвесок, часто добавлялись монеты. Первые древние среднеазиатские монеты с пробитым посередине отверстием для подвешивания обнаружены в Сурхандарьинской области на городище Кампыртепа: халк Деметрия (200–185 гг. до н. э.) (рис. 3, 29), Антиох I (280–261 гг. до н. э.) (рис. 3, 30), Селевкиды, Сотер Мегас. В Куне Уазе (Хорезм) III – начало IV в. есть сасанидские драхмы с отверстиями для амулета. Поздние находки относятся к XVII–XVIII вв. Это найденные в Кумкургане (Сурхандарья) серебряные персидские монеты. Обнаруженные в ферганских могильниках китайские монеты свидетельствуют о том, что они служили как символы, а не как денежные единицы. Кроме того, в Средней Азии украшения из большого количества монет выполняли оберегательную функцию [10, с. 317].

Доказательством того, что ожерелье было не только украшением для шеи, но и служило оберегом, символом, являются изображения в эпоху неолита на идолах, надгробных стелах и статуях ожерелий в виде концентрических дуг или подвесок в форме дождевого облака. Последнее нагрудное украшение больше похоже на символ облака. «Сопоставление всех этих изображений наводит на мысль, что у раннеземледельческих племен неолита ожерелье символизировало дождевое облако и в связи с этим играло роль эмблемы богини неба. Здесь мы видим еще один пример того, как предмет, похожий на графический символ, приобрел значение символа...» [7, с. 17].

I группа. Подвески.

1 тип. Подвеска из цветного металла. Литье? Тиснение? (рис. 3, 1). Высота – 30 мм, ширина – 30 мм, толщина – 0,8 мм. Цвет красноватый. Амулет имеет треугольную форму с петелькой для подвешивания. В центре рельефно изображен шестилепестковый цветок. Макушки лепестков соединены выпуклыми дугами в форме шестилепестковой розетки, внутри которой находился цветок. Все это высокохудожественно оформлено зернью.

Треугольник как знак женского пола появился еще в палеолите. «Примечательно, что этот знак в таком значении нередко изображался в перевернутом виде...» [7, рис. 156: 4, 6], следовательно, он представлял собой «не просто натурное воспроизведение вида женского детородного органа, а символ...» [7, с. 84]. Треугольник в эпоху палеолита, шестилепестковая розетка в эпоху бронзы были символами земли и относились к солярному знаку. Символом солнца такую композицию считали славяне и дагестанцы. Далее те же славяне

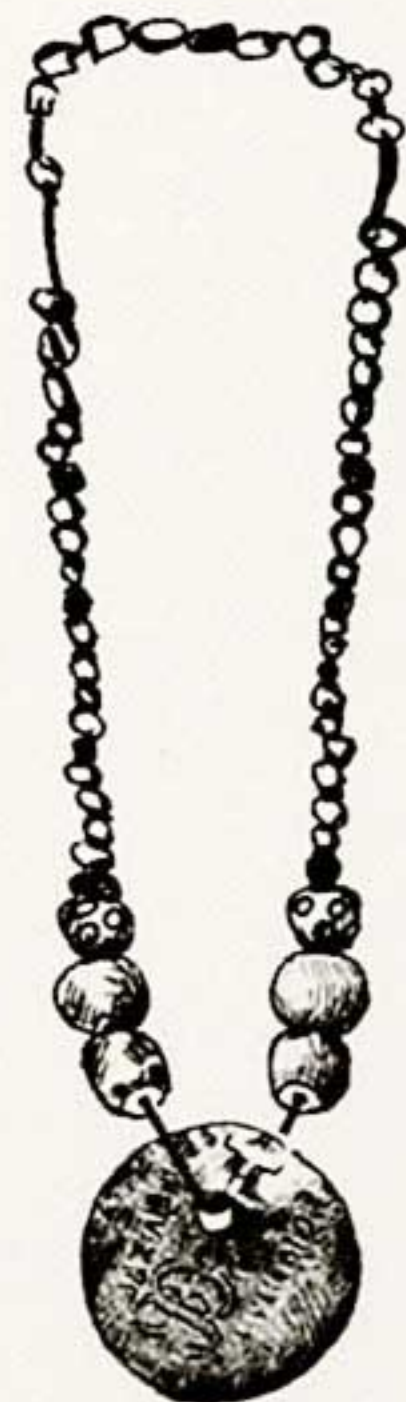

Рис. 1.
Нагрудное украшение.

шестилепестковую розетку называли «громовым знаком», римляне – «колесом Юпитера», кельты – богом преисподней Тараниса [7, с. 24].

2 тип. Подвеска из бирюзы (рис. 3, 2). Высота – 8 мм, ширина в верхней части – 3 мм, в нижней – 5 мм, толщина в верхней части – 3 мм, в нижней – 5 мм, в центральной части – 2 мм. Подвеска каплевидной формы, небольшая, ушко обломано во время сверления канала. Сохранность камня удовлетворительная. Каплевидные подвески найдены в Тепаи-Шах. Исследователи считают, что такой тип подвесок характерен для Вавилона [15, с. 58].

3 тип. Подвеска-амулет в форме птички или уточки (рис. 3, 3). Изготовлена из стекла. Цвет зеленый, непрозрачная. Длина – 10 мм, высота – 4 мм. Отверстие расположено на спинке амулета в 1 мм. «Птица – знак, символ и чувственный образ мироздания и духовный мир в широком аспекте человеческих чувств и представлений. Для каждой эпохи и каждого вида прикладного искусства у него свой художественный язык форм...» [20, с. 31]. В древний период изображение птицы-орла находим на печати II тыс. до н. э. из Сапалли-тепа, Джаркутана. В античное время птица как оберег от напастей и несчастий также встречается в изобразительном искусстве. В Тулхарском могильнике найдены две золотые серьги в виде птиц. Птицы изображены на печати Хорезма и на монетах парфянских, кушанских, хорезмийских царей, на их головных уборах, они считались символом Солнца, силы, власти [15, с. 58]. Изображались они и на заколках для волос [23, с. 47].

II группа. Бусы. Техника изготовления бус.

1 тип. Бусы, изготовленные путем накручивания (рис. 3, 4–11, 21–26).

Навивка – самый простой технологический прием. В расплавленное стекло опускался металлический стержень, и на него накручивали стеклянную массу. После остывания металла бусина легко снималась со стержня, так как он сжимался при охлаждении. Технологические приемы выделки бусин в технике навивки характеризуются двумя способами: 1) изготовление из тугой размягченной стекломассы (с использованием архаичного оборудования), при этом явно видны следы навивки; 2) способ более усовершенствованный, его применяли в мастерских с полным технологическим циклом: следы навивки едва различимы и видны только в бинокулярный микроскоп.

2 тип. Бусы, изготовленные путем сгибания стеклянной пластины (рис. 3, 12–13). Технология их изготовления очень похожа на навивку: стеклянную заготовку наворачивали на металлический стержень на весу или на плоскости. Как правило, отверстие канала в изделиях такого рода получается цилиндрическое, а при навивке – коническое.

3 тип. Бусы из тянутой трубочки (рис. 3, 18–20). Надо сказать, что описанные выше два способа изготовления бусин относятся к категории индивидуального производства. На это уходило много времени и требовались большие затраты для их выделки. Бусы из тянутой трубки изготавливались намного проще. В специализированных мастерских сначала отливали длинную стеклянную трубочку, которую затем нарезали в форме бусин различной длины. В таких бусинках пузырьки, свили вытянуты параллельно каналу отверстия. Отверстие канала у бусин получалось двух видов. Многочастные и единичные округлые бусы имеют форму немного сплюснутую, в виде сдавленной пинцетом стеклянной трубочки. Кампыртепинские бусы, изготовленные в данной технике, имели цилиндрическую форму (рис. 3, 18). Другие

изделия относятся к разновидности золоченых бус; в их химическом составе золото составляет 1% (рис. 3, 19). В археологических раскопках бусы с металлической прокладкой или золоченые встречаются разной формы: цилиндрические, бочонкообразные, ребристые, многочастные, «лимонки».

Н. Качалов, а затем М. Безбородов с помощью химико-технологических анализов и исследований раскрыли способ их изготовления [11, с. 68; 6, с. 117–119]. «В этих «ювелирных» мастерских работали ремесленники, имевшие дело с очень тонкой и художественной обработкой стекла, а может быть, они были одновременно и «златокузнецами» – золотых дел мастерами. Они не занимались варкой стекла из сырьевых материалов, но пользовались готовым стеклом со стороны и плавил его в тиглях, как плавил в той же мастерской золото и серебро. Они были искусными мастерами именно по художественной обработке стекла и выделке из него бус и украшению их золотом и серебром...» [6, с. 117]. Бусы в такой технике изготавливались поэтапно. Е. Алексеева пишет, что ранние бусы из Северного Причерноморья, по ее наблюдениям, изготовлены качественно и без закраин. С I в. н. э. качество их ухудшается, что наводит на мысль о массовом их изготовлении из трубочек способом резки. В IV в. бусы такого типа становятся менее разнообразными. Золоченые бусы пришлись по вкусу среднеазиатскому населению [1, с. 81, 89, 127; 14, с. 133; 18, с. 113, 118, 120]. Появились они в III в. до н. э., а массовое распространение получили во II–I вв. до н. э. – на рубеже н. э. Способы их изготовления аналогичны технологии, применявшейся в других регионах.

Золоченые бусы в УзИскЭ были подвергнуты химическому и петрографическому анализам. По результатам химического анализа, бусина из античного слоя имеет состав Na-Ca-SiO, традиционный для Ближнего Востока. Судя по технологии изготовления, часть бус, обнаруженных УзИскЭ, происходит из Сирии.

Следующую группу бус, изготовленных из тянутой трубки, составляет бисер (рис. 3, 20). Обычно он нарезался из тонкой трубочки диаметром 3–4 мм, длиной 5–7 мм, с диаметром отверстия 1 мм. Следы свилей, прожилок, пузырьков в бисере имеют продольное направление, параллельное каналу отверстия. Заготовку для бисера наматывали на круглый или квадратный стержень (об этом свидетельствуют отверстия бисера, округлые или квадратные); далее заготовку нарезали и полировали. Для полировки высыпали готовую продукцию в сосуд с мелким песком или золой и нагревали, тогда бисер приобретал гладкую и блестящую поверхность. Самые древние изделия такого рода (I тыс. до н. э.) выявлены в обширном ареале от Средней Азии до Крыма. На территории Средней Азии они известны по раскопкам памятников Хорезма Джанбаскалы (III в. до н. э.) [19, с. 106], Аязкалы (I–II вв. н. э.) [25, с. 128. табл. 33–71]. Другие аналогии выявлены в Северном Причерноморье, где бисер отмечен в эллинистическое и римское время [2, с. 62]. В более поздних слоях (X–XI вв.) в Средней Азии, а также на Средней Волге, в южных районах Восточной Европы, на севере Восточной Европы он существовал до X в.

На территории Северной Бактрии, по материалам УзИскЭ, бисер встречается на памятниках поры античности. Представлен он прозрачными изделиями синего (Дальварзинтепа) и зеленого (Ялангуштепа и Кампыртепа) цветов. Изготовлен из тянутой трубочки. Отверстие узкое, закругленное с одной стороны.

4 тип. Бусы из тянутой палочки (рис. 3, 14–16; 27–28). Они довольно оригинальны и красивы, характеризуются сложностью и изяществом исполнения. Технология их изготовления отличается от всех описанных выше. Как правило, канал таких бус узкий, и прокалывался он в конце, в готовой бусине или подвеске. С одной стороны канал имел узкое цилиндрическое отверстие, с другой – щель или полосу. Отверстие прокалывалось в разных местах. Бусы из трубочек З. Львова относит к изделиям мастерских Сирии и Египта, которые специализировались на изготовлении бус и их заготовок, распространившихся по всему Великому Шелковому пути [16, с. 7, 8].

Новые находки (2000 г.) из Кампыртепа – это небольшие в диаметре, шаровидные, одноцветные бусины. Одна, зеленая, отрезана от палочки без прессовки. Она полупрозрачная, диаметр – 3 мм, высота – 2 мм, отверстие – 2 мм. Другая, синяя, полупрозрачная, похожа на бисер. Диаметр – 3 мм, высота – 2 мм, отверстие – 1 мм (рис. 3, 27, 28).

Следующую категорию бусин с городища Кампыртепа, выделанных из тянутой палочки, исследователи называют бусами с «ресничковым орнаментом». Зарождение такого рода изделий известно с I в. до н. э. Большое распространение они получили во II в. н. э. Изготавливали их из одноцветного центрального стержня, обернутого по окружности другими параллельными и перпендикулярными разноцветными полосами. В итоге в сечении получался один глазок в центре, а вокруг него – кружки и реснички. Из этой болванки нарезали отдельные бусы, которые прокалывались в последнюю очередь. Бусина из Кампыртепа (рис. 3, 16) – округлой формы, зеленого, желтого цвета, непрозрачная. Декор изготавливался одновременно с самим изделием. Диаметр бусины 10 мм, отверстие – 1 мм. В. Деопик отмечает, что указанный тип бус из разноцветных мозаичных палочек появился в птолемеевскую эпоху в странах Ближнего Востока. Они встречаются в Скандинавии, южных районах Восточной Европы, на Северном Кавказе, в Средней Азии, в частности на территории Северной Бактрии на городище Ялангтуштепа (I–II вв. н. э.) и Биттепа (V–VI вв. н. э.) [9, с. 57].

5 тип. Шаровидная бусина из сердолика (рис. 3, 17), находка 2000 г. (ранние находки описаны в первом выпуске материалов по Кампыртепа). Диаметр – 14 мм, высота – 12 мм, отверстие – 2 мм. Цвет оранжевый, прозрачный, с красными прожилками; канал цилиндрический, ровный. Бусина с одной стороны имеет сегментированную или кратерообразную выемку, которая была сделана для облегчения сверления канала ее отверстия. Сверление производилось полрой трубкой с абразивным порошком. Бусы с подобным сверлением были широко распространены по всему Восточному Закавказью, в Северной Осетии, Грузии. Считается, что впервые этот способ начал применяться в Египте [3, с. 6].

Головные украшения (рис. 4). Украшению головы с древних времен отводилась важная роль. Это, очевидно, объясняется тем, что «головной убор соотносился с сакральным верхом». Головной убор отражал социальное положение человека, занимал важнейшее место в обрядах, особенно свадебных, коронациях, и наделялся другими практическими и символическими функциями. Кроме того, украшения для головы выполняли функции оберега. И этому было подчинено все: форма, композиция, цвет, техника исполнения. Считалось, что волосы обладают магической силой, их связывали с культом плодородия. Полагали, что накосники защищают женщину от дурного глаза и

благоприятствуют плодovitости. Чем больше украшений на голове, тем больше, дескать, она защищена от злых духов.

I группа. Украшения для волос.

1 тип. Металлические булавки-шпильки (рис. 4, 1-6; 14). Литье.

а) Железная булавка-шпилька простой дугообразной формы, напоминает современную шпильку для головы. Высота – 78 мм, диаметр самого широкого сечения – 5,4 мм, общая ширина – 23 мм (рис. 4, 1).

б) Вторая заколка аналогична первой, обломана на концах. Высота – 72 мм, общая ширина – 25 мм, самое широкое сечение – 5,6 мм (рис. 4, 2).

в) Фрагмент заколки с навершием в виде кулака. Сечение верхней части – 11 мм, нижней – 5 мм. Общие размеры – 48x11 мм (рис. 4, 3).

г) Булавка из цветного металла с навершием в форме кулака, довольно миниатюрная и изящная (рис. 4, 4). Высота – 6 мм, в верхней ажурной части с навершием – 25 мм. Состоит из вырезанных геометрических фигур в виде горизонтальных желобков-прорезов в форме трапеции, ромба, прямоугольника. Ранние находки булавок с навершием в форме кулака, бронзовых и литых, сделаны в Джаркутане, на территории Бактрии (X–XIV вв. до н. э.). Очевидно, их связывали с символом работоспособности: изображение руки является одним из древнейших символов. В частности, к числу самых ранних примеров относятся палеолитические наскальные росписи на стенах в пещерах [10, с. 400; 7, с. 153]. Бронзовые булавки с кулаком найдены в Сапаллитепа [4, с. 77], Джаркутане [5, с. 37], на Дашлы-3 [23, с. 26], в Дальварзинтепа (коллекция Института искусствознания) [26, с. 59]. На кампыртепинской булавке имеется изображение кулака правой руки. Считалось, что правая рука – это солнце, а левая – ночной месяц [8, с. 88].

д) Булавка из цветного металла с острым концом и шаровидным навершием (рис. 4, 5). Литье. Ковка. Высота – 64 мм, диаметр навершия – 6 мм, сечение – 2 мм. Навершие полое, состоит из двух соединенных полушарий.

е) Булавка бронзовая, в верхней части изогнута под углом 90°. Высота – 52 мм, в изгибе – 15 мм, диаметр шаровидного навершия – 8 мм, сечение булавки – 2 мм (рис. 4, 6). Литье. Ковка. Подобные булавки встречаются довольно редко. Аналогичны им находки на Яванском городище, на Дильберджине, Койкрылганкале и в Усунских комплексах [14, с. 55].

ж) Металлические булавки со спиральной петлевидной головкой или в виде петельки-кольца (рис. 4, 14). Кампыртепинская булавка такого типа имеет кольцо диаметром 25 мм. Гнутая проволока. Древнейшие экземпляры обнаружены в слое I тепе-Сиалка: одна в III раннем слое Шах-тепе, другая во II слое тепе-Гиссара, что свидетельствует о распространении их в Юго-Восточном Прикаспии в V–III тыс. до н. э. Такого рода булавки найдены во II слое Алишара на западе (1900–1700 гг. до н. э.) и в Библе. Е. Кузьмина считает, что «эта форма изделий является общей для Передней Азии, она сохраняется неизменной до эпохи поздней бронзы...» [12, с. 78].

2 тип. Костяные булавки-шпильки (рис. 4, 7–9). Украшения такого типа найдены на левобережье Бактрии, на Чакалыктепе и Дурман-тепе, а также южнее, в пределах Каписы, в Беграме II и III [15, с. 55]. На городище Кампыртепа отмечены 3 разновидности костяных булавок-заколов.

а) Костяная булавка в виде длинного стержня (рис. 4, 7). Высота – 49 мм до ажурного навершия. Вторая половина булавки – в виде двух вырезанных

катушкообразных фигур. Верхняя часть завершалась плодом граната (символ плодovitости). Булавка хрупкая, макушка обломана.

Аналогичная находка, обнаруженная ранее на Кампыртепа, находится в краеведческом музее Сурхандарьинской области. Это заколка, выточенная из кости и украшенная гранатом. Высота – 120 мм, диаметр в верхней части – 6 мм [24, с. 44]. Н. Скугарова подробно рассмотрела литературу о плоде граната как символе богини плодородия, начиная с раннеземледельческих культур, античности, средневековья и до образцов современного декоративно-прикладного искусства. «Изображение плода граната существовало на протяжении длительного времени, и как выражение магической идеи плодородия, и как поэтический символ изобилия – эти функции неразрывно существуют в народном сознании, объединив опыт многочисленных земледельческих обычаев и представлений...» [24, с. 49; 28, с. 97].

б) Булавка из кости (рис. 4, 8). Высота – 95 мм. Нижняя «катушка» имела размер 5 мм, вторая – 8 мм, а две верхние – по 10 мм. Верхняя горизонтальная площадка выполнена в форме семилепестковой розетки диаметром 6 мм. Кость хрупкая, не блестит.

Ранние булавки с розетковидным навершием, найденные на памятниках Средней Азии эпохи бронзы, изучала Е. Кузьмина. Она отметила, что «техника изготовления ажурных изделий известна по круглым печатям эпохи Намазга VI...» [12, с. 83]. Правда, она описывает металлические, а не костяные украшения. Автор находит аналогии в памятниках II тыс. до н. э. в Малой Азии (во II слое Алишара и IV слое Богазней). Мотив розетки часто встречается на троянских древностях. Навершия жезлов в виде семи- или восьмилепестковых розеток обнаружены во II слое Гиссара и II слое Шах-тепе. Это свидетельствует о широком распространении традиционного для всего Переднего Востока мотива розетки у населения Анау в пору Намазга VI [12, с. 83].

Катушкообразная форма украшений довольно популярна в Средней Азии. В археологических находках часто встречаются бусы такой формы, в основном из кости. О такой разновидности этих изделий писал Б. Литвинский [14, с. 145]. Автор отмечает аналогичную форму в эпоху бронзы в Индии и то, что она могла в раннекушанскую эпоху распространиться в Среднюю Азию. Поэтому предполагаем, что наши изделия – индийского производства или сделаны под его влиянием.

в) Костяная булавка. Высота – 85 мм. Навершие оформлено в виде шести дисков, насаженных на стержень, и завершается плоской гладкой площадкой в форме круга диаметром 7 мм (рис. 4, 9).

Булавки-шпильки, костяные, бронзовые, железные, относятся к самому массовому виду головных украшений. Основной их функцией считалась практическая, т. е. фиксация прически или головного убора, а также использование в качестве шила. Наличие изобразительного сюжетного мотива и высокохудожественное исполнение делало их украшением, которое считалось к тому же амулетом от сглаза.

II группа. Серьги, височные кольца (рис. 4, 10–13).

1 тип. Височные кольца (рис. 4, 10).

а) Из цветного металла. Кольцо несомкнутое, изготовлено из гладкой проволоки, округлой в сечении, диаметр в нижней части – 4 мм, в центральной – 5 мм, в верхней – 2 мм, общая высота – 22 мм. Литье. Ковка. Височные кольца

крепилась к головному убору или к волосам, очень напоминая кольцевые серьги. Ареал их весьма обширен. Древнейшие украшения в виде круглых проволочных колец выявлены в Дальварзинтепа и в Фергане. Аналогичная серьга в золотой фольге хранится в Туркестанском музее. «Древнейшие из найденных в Средней Азии височных колец обнаружены в памятниках культуры Анау, начиная с эпохи Намазга III, где они имеют место в наскальных изображениях и появились в культуре Анау с юго-запада...» [12, с. 73].

2 тип. Серьги (рис 4, 11–12).

а) Серьга из цветного металла, изготовлена из гнутой проволоки в форме кольца-овала, сплюснутого с боков (рис. 4, 12). Высота – 15 мм, в сечении – 3 мм, верхний конец – 1 мм, нижний – 2 мм. Проволочные несомкнутые овальные серьги имеют большой ареал. Кампыртепинские серьги данного типа довольно миниатюрны и схожи с изделиями такой же формы, найденными в Северном Таджикистане, в погребениях. Поздние серьги такого типа найдены на Афрасиабе (фонды Государственного музея истории культуры народов Узбекистана в Самарканде).

б) Серьги S-образной формы из цветного металла. Общая высота – 3 мм, сечение неравномерное – от 1,5 до 2 мм (рис. 4, 11а). Очевидно, форма серьги первоначально была округлой, в виде кольца, аналогично серьге, описанной выше. Следующие два экземпляра имеют высоту 22 мм, сечение проволоки – 2 мм (рис. 4, 11б).

в) Фрагмент серьги из цветного металла (рис. 4, 13). Изготовлена из гнутой проволоки в форме кольца. Высота – 20 мм, сечение – 2 мм, самое узкое место – острое – 1 мм, самое широкое – 3 мм. На серьге намотана проволока, имитирующая замок. Такого типа серьги выявлены в Западной Фергане [14, с. 30, табл. 1/7; 15, табл. XXVIII, II]. Автор считает их упрощенным типом серег Таксилы I в. н. э. Тип таких серег считается простейшим и находит многочисленные аналогии в Тулхарском, Аруктауском могильниках кушанского времени в Северной Бактрии [17, табл. XIII, 4, 5, 6].

Украшения для рук (рис. 5). Известно, сколь важную роль в жизни человека играют руки; поэтому их следовало всячески оберегать. Охраняли их орнаментами на рукавах, а на тыльной стороне руки рисовали магические знаки. Надежными оберегами для рук считались кольца, перстни и браслеты. Изображение самой руки или пятерни также считалось охранным для того места, где изображалось. Существует много обычаев и обрядов, связанных с этим. «Изображение руки в качестве священного символа встречается на мечетях, например, в Восточном Таджикистане. Подобные же металлические изображения на длинных шестах в качестве религиозных атрибутов носят в процессиях в Персии на празднике Шахсей-Вахсей. У мтиульцев на Кавказе вырезаются изображения руки на столбе у очага...» [8, с. 8].

I группа. Браслеты (рис. 5, 1–10).

а) Железный браслет (рис. 5, 1). Диаметр – 68 мм, сечение – 3 мм. Несомкнутый, изготовлен из проволоки круглого сечения, с зауженными концами. Древние варианты таких браслетов отмечены для начала III тыс. до н. э. Большое развитие данный тип получил в эпоху Намазга VI (середина III – начало II тыс. до н.э.). Аналогии выявлены в Иране, Сузы, Тепе-Гавра VI и Передней Азии. «Генезис этого типа можно искать на юго-западе и включать территорию культуры Анау в ареал характерного переднеазиатского типа украшений...» [12, с. 70].

б) Браслет из цветного металла с несходящимися концами; округло-овальный, немного сплюснутый (рис. 5, 6). С одной стороны имел раструбообразные завершения размером 4х6 мм. Аналогичные браслеты, выполненные из золота, найдены при раскопках Таксилы в слоях периода походов кушан на Индию (около 66 г.), а также в золотыхкладах Дальварзинтепа в Узбекистане и Тилля-тепа в Афганистане [22, с. 80, илл. 26, 28].

Другие типы таких браслетов из Кампыртепа найдены во фрагментах. У двух концы расширены и сглажены, с орнаментом в виде насечек и овалов (рис. 5, 2–4, 14), а последний – в форме стилизованной сплюснуто-пластинчатой лопаточки (рис. 5, 5).

в) Браслет из цветного металла, замкнутый, овальной формы, 60х50 мм, сечение широкой части – 7 мм, узкой – 3 мм. Такой тип браслетов часто встречается у персонажей античной скульптуры Дальварзинтепа, Гандхары. С дротовым браслетом изображена арфистка в стенной росписи дворца хорезмийских правителей в Топраккале (II – начало IV в. н. э.) (рис. 5, 7) [27, с. 26].

г) Железный витой браслет (рис. 5, 8). Размеры – 58х62 мм, сечение – 5 мм; а также фрагмент аналогичного браслета из цветного металла (рис. 5, 9). Кручение из проволоки. Витой золотой браслет с изображением змеи найден в Бактрии, в Амударьинском кладе III в. до н. э. [27, с. 18].

II группа. Кольца, перстни (рис. 5, 10–13). Литье.

а) Перстень на мизинец из цветного металла (рис. 5, 10). Внешний диаметр – 17 мм, внутренний – 13 мм, щиток – 6 мм, высота – 3 мм. Дужка проволочная, имеет плавный переход к щитку, слабо выраженному, овальному, плоскому, с углублением для камня – 1,5 мм. Такого типа железные перстни есть в Западной Фергане [14, с. 15]. Б. Литвинский, исследуя данную группу украшений, отмечает существование их в Бактрии в период Кобадиян II, Кобадиян III в Кую-Мазарском, Карабулакском могильниках, во втором захоронении на валу в Шурабаде III–I вв. до н. э. [14, с. 15, 20, 26].

б) Перстень из цветного металла, 22х18 мм, щиток – 13х5 мм, углубление для камня – 10х5 мм. Аналогичен первому, но большего размера (рис. 5, 12).

в) Фрагмент щитка перстня в форме тарелки диаметром 14 мм. Толщина – 2 мм, углубление для камня (?) – 1 мм (рис. 5, 13).

г) Железный перстень с бирюзой, 28х28 мм, щиток 23х15 мм; аналогичен первым двум (рис. 5, 11).

Украшения для пояса (рис. 2, 1–9). Пояс играл немаловажную роль. Поясом посвящали в мастера учеников. Считалось, что пояс дает возможность контактировать с иным миром, в связи с чем мусульмане при молитве всегда должны быть подпоясанными. Пояс определял социальное положение субъекта в обществе. Основная функция пояса практическая, он придерживал верхнюю одежду. На него вешали оружие, мелкие бытовые вещицы: кисет, мешочек с деньгами, в кушак заворачивали лепешку, соль, сухие фрукты. Пояса украшали нарядными пряжками, бляшками, благодаря чему пояс становился украшением.

I группа. Пряжки (рис. 2, 1, 3, 7).

а) Прямоугольная пряжка с изображением всадника на крылатом коне (рис. 4, 4) [29, с. 149]. Размеры внутри рамки 42х42 мм. Литье. Цветной металл.

Конь в Средней Азии изображался довольно часто. Многочисленные находки бронзовых пряжек имеют место в Сырдарье (V–IV вв. до н. э.), далее

в Индии, Иране – до Сибири и Восточной Европы. В Средней Азии образ крылатого коня распространен в изобразительном искусстве с эпохи бронзы, он символизировал идею света и добра. «В росписях Дильберджина крылатый конь изображен в связи с Диоскурами, а в нише малого Будды в Бамиане в связи с солнечным божеством...» [20, 44].

б) Пряжка из цветного металла в форме трапеции (рис. 2, 3). Литье; не орнаментирована, размеры – 22х22 мм, толщина – 2 мм. Сохранность металла хорошая. На изломе цвет варьирует от красноватого до светло-желтого.

в) Пряжка из кости прямоугольной формы с циркульным орнаментом (рис. 2, 1). Общий размер 68х37 мм, диаметр окружности орнамента – 13 мм, средний – 8 мм и малый – 5 мм, толщина пряжки – 5–6 мм, сквозные отверстия – 5 мм, рамка для вдевания ремня – 20х6 мм.

II группа. Бляшки:

а) Бляшка треугольной формы (рис. 2, 2). Литье. Размеры 23х24 мм, толщина – 5 мм. Сохранность металла удовлетворительная.

Химический состав цветного металла из Кампыртепа.

Для определения химического состава применялся спектральный, лазерный анализ, произведенный С. Левушкиной [13, с. 31].

В результате анализа автор выявила три основных химических элемента (висмут, сурьма, мышьяк), примеси (олово, свинец, цинк, железо, висмут, сурьма и мышьяк) и семь групп с родственными химическими чертами.

Самыми многочисленными оказались изделия двух групп: первой – без примеси висмута, сурьмы, мышьяка, и седьмой – с примесью висмута до 0,1%, сурьмы до 0,1% и мышьяка до 0,1–0,5% [13, табл. 1, с. 35]. Автор предполагает, что они с рудников кушанских металлургов. Химический анализ и состав металла Кампыртепа отличается от тех руд, которые использовали мастера Дальварзинтепа, Ялангтуштепа, Айртама. «Но, видимо, между жителями этих поселений и Кампыртепа существовал активный торговый товарообмен, чем и можно объяснить появление единичных экземпляров с нетипичными для данного поселения составами металлоизделий... В изделиях из Айртама таких составов около 10%, не отмечено вовсе в ялангтуштепинских и дальверзинских» [13, с. 36]. В одной трети кампыртепинского цветного металла наблюдается постоянная 3%-ная примесь железа.

Находка с Кампыртепа в виде пряжки (рис. 6, 35) имеет необычный для кушанского времени состав типа томпак – сплав меди с железом, цинком, с примесью до 8% свинца.

Отличительное свойство металла Кампыртепа – то, что в 80% случаев в сплаве меди нет примеси золота. Изделия, изготовленные «из чистой меди с последующей холодной ковкой и упрочняющим отжигом при невысокой температуре 200°... были легкие, механически прочные и тонкие в поперечном сечении, потому что чем чище медь, тем лучше она куется и тем тоньше лист можно получить...» [13, с. 37]. Таковы отдельные виды булавок (рис. 6, 1), височная подвеска (рис. 6, 16), стержень (рис. 6, 15). Сохранность массивных предметов, как правило, удовлетворительная, местами даже есть металлическая основа. Обычно они очень слоистые, хрупкие.

Кроме меди, как и в изделиях из других городищ, применялись двухкомпонентные сплавы: медь с оловом (бронза). С низким содержанием олова (0,1–0,9%) – перстень (рис. 6, 29), бляшка (рис. 6, 31); с высоким содержанием

олова (до 6%) – литая накладка на пояс или пряжка (рис. 6, 32). Эти составы лучше по качеству, но плохо куются и отливаются. Металл рыхлый, пористый. Очевидно, «механической прочности украшения был предпочтителен более высокий художественный уровень внешнего вида...» [13, с. 37].

Следующим видом двухкомпонентного сплава было соединение меди с цинком (латунь). Такая разновидность представлена металлом височной подвески и серег (рис. 6, 17-20). Сохранность металла очень хорошая.

Довольно популярными у кушан были трех- и четырехкомпонентные сочетания на основе меди. Это были медно-свинцово-оловянистые (с примесью олова до 6%) изделия – булавка (рис. 6, 6), бляшки (рис. 6, 33, 34), колокольчик (рис. 6, 10), браслеты (рис. 6, 22, 23), а также медно-свинцово-цинковые браслеты (рис. 6, 24, 25), перстень (рис. 6, 27), кольца (рис. 6, 26, 29). Четырехкомпонентного сплава (медно-свинцово-цинково-оловянистые) – булавка с шаровидным навершием (рис. 6, 3), булавка-стиль с навершием в виде кулака правой руки (рис. 6, 9), булавка-уховертка (рис. 6, 5). «Сохранность изделий очень хорошая, литье плотное, без поверхностных трещин и внутренних пор. Кроме того, они легко поддаются механической обработке...» [13, с. 38].

«Составы отдельных перечисленных сочетаний включают повышенные концентрации никеля, сурьмы, висмута, мышьяка – до 3%. На других синхронных городищах также отмечены сходные составы. Возможно, это импортные изделия или отражение творческих поисков древних ювелиров...» [13, с. 38].

В заключение отметим, что кампыртепинский ювелирный материал имел свои глубокие традиции, уходящие корнями в эпоху поздней бронзы и раннего железа – Сапаллитепа, Джаркутан, Дашлы, Амударьинский, Тиллятепинский золотые клады. Они органично воспринимали влияние привнесенных культур – эллинистической, индо-буддийской, иранской, «звериного стиля» скифо-сакских племен.

Технологический и стилистический анализ выявляет разнообразие художественных средств и совершенство технологических приемов кампыртепинских ювелиров: зернь, литье,ковка, тиснение, витая проволока, кругло-проволочные изделия. Своеобразие химического состава изделий выявлялось путем графического сопоставления процентного содержания примесей олова, свинца, цинка, железа, висмута, сурьмы и мышьяка (по горизонтали) с концентрациями серебра (по вертикали). Так удалось выявить три химических элемента и семь групп с родственными химическими чертами, характерными для рудников кушанской металлургии.

Специфика изделий из Кампыртепа – постоянная трехпроцентная примесь железа и отсутствие в 80% случаев в сплавах меди примеси золота; уникальный состав кушанского металла типа томпак в нагрудной подвеске; составы с повышенными концентрациями никеля, сурьмы, висмута, мышьяка (возможно, импортные).

Стеклянные бусы Кампыртепа находят многочисленные аналогии в украшениях Северного Причерноморья, Египта, Сирии, Месопотамии. Они отличаются полихромностью, разнообразием форм и декора. На Кампыртепа найдены также, как сказано, золоченые бусы. Помимо золочения, применяли навивку стеклянных нитей на основу, в результате бусина приобретала сложную рельефную поверхность. Многослойные орнаменты, которыми

покрыта бусина, указывают на то, что мастера использовали повторную оплавку стекла, что позволяло им отливать «глазчатые» или «ресничковые» бусины из мозаичных палочек. Такая техника появилась в странах Ближнего Востока в птолемеевскую эпоху.

Характерная особенность ювелирных изделий из Кампыртепа – их многофункциональность: практическое, магическое и эстетическое назначение. В формах, декоре, технике изготовления применялись зооморфные, растительные, геометрические и астральные мотивы.

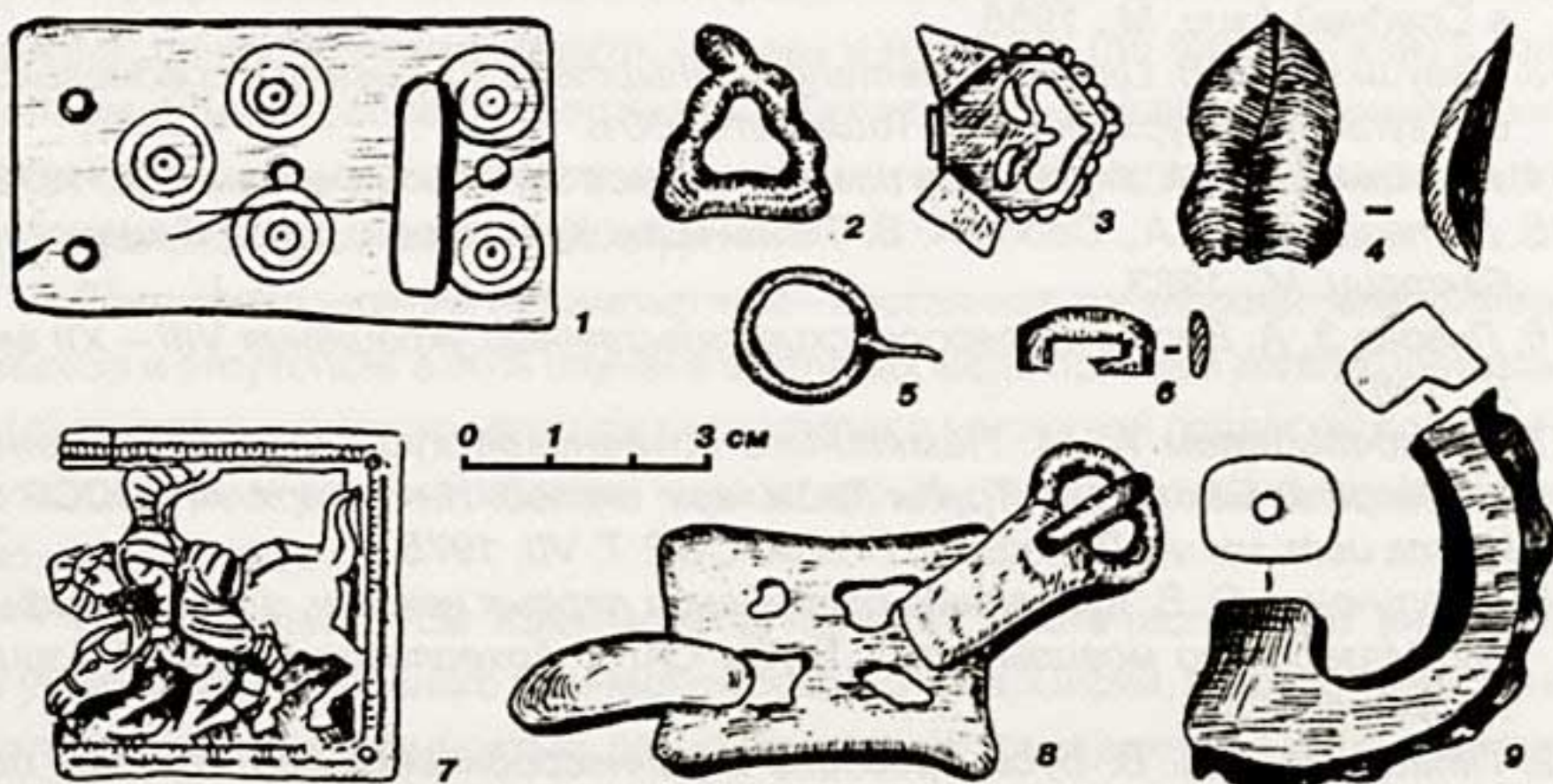
Описанный материал, таким образом, выявил разнообразие изделий кампыртепинских ювелиров. Украшения созданы в едином художественном стиле, отличаются соразмерностью, многообразием видов и вариантов, наглядно демонстрируя местные черты и воздействие иноземных влияний.

Библиография:

1. Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. *Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье*. М., 1963.
2. Алексеева Е. М. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Т. 2. М., 1978.
3. Алексеева Е. М. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Т. 3. М., 1982.
4. Аскарлов А. А. *Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана*. Ташкент, 1977.
5. Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н. *Джаркутан*. Ташкент, 1983.
6. Безбородов М. А. *Стеклоделие в Древней Руси*. Минск, 1956.
7. Голан А. Г. *Миф и символ*. М., 1994.
8. Гринькова Н. П. *Отражение производственной деятельности руки* // СЭ. 1935, № 1.
9. Деопик В. Б. *Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв.* // СА. М., 1959. № 2.
10. *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии* // Археология СССР. М., 1985.
11. Качалов Н. *Стекло*. М., 1959.
12. Кузьмина Е. Е. *Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии*. М., 1966.
13. Левушкина С. В. *Цветной металл Кампыртепа* // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.
14. Литвинский Б. А. *Украшения из могильников Западной Ферганы*. М., 1973.
15. Литвинский Б. А., Седов А. В. *Тепан-Шах: Культура и связи Кушанской Бактрии*. М., 1983.
16. Львова З. А. *Восточноевропейские стеклянные украшения VIII – XII вв.* Л., 1961.
17. Мандельштам А. М. *Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии* // Труды Тадж. арх. экспед. Ин-та арх. АН СССР и Ин-та ист. им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Т. VII. 1975.
18. Обельченко О. В. *Курганные погребения первых веков н. э и кенотафы Кую-Мазарского могильника* // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Ташкент, 1957.
19. Пташникова И. В. *Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма по материалам Топрак-Кала* // ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952.
20. Ремпель Л. И. *Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии*. Ташкент, 1987.

21. Ртвеладзе Э. В. Дальверзинский наус // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
22. Сарияниди В. И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.
23. Сарияниди В. И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы // Древняя Бактрия. Вып. 3. М., 1984.
24. Скугарова Н. Г. Костяные закладки из Кампыртепа // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.
25. Трудновская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам Топрак-Кала // ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952.
26. Тургунов Б. А. Дом богатого домовладельца // Дальверзин-тепе – кушанский город на юге Узбекистана. Указ. изд.
27. Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.
28. Хакимов А. А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX–XII вв. Ташкент, 1983.
29. Ilyasov J. Ya., Rusanov D. V. A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk road art and archaeology 5. Kamakura, 1997/98.

Рис. 2.
Украшения для
пояса:
1 – пряжка из кости;
2 – бляшка из
металла;
3 – пряжка из цв.
металла;
4 – бляшка из цв.
металла;
5 – пряжка из
металла;
6 – бляшка;
7 – пряжка из цв.
металла;
8 – пряжка из
металла;
9 – фрагмент
пряжки из кости.

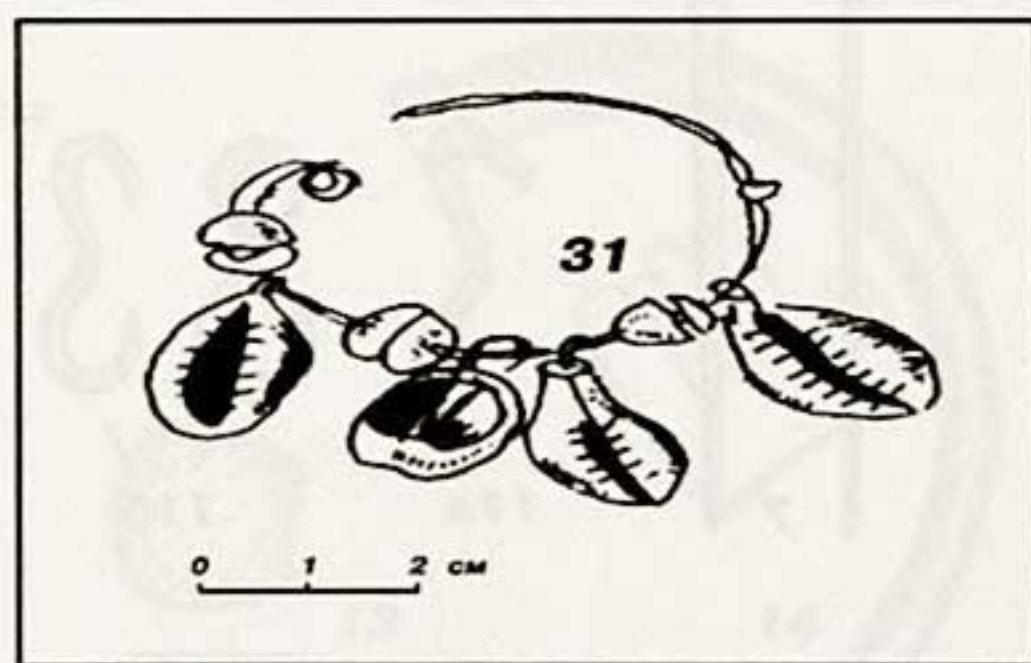
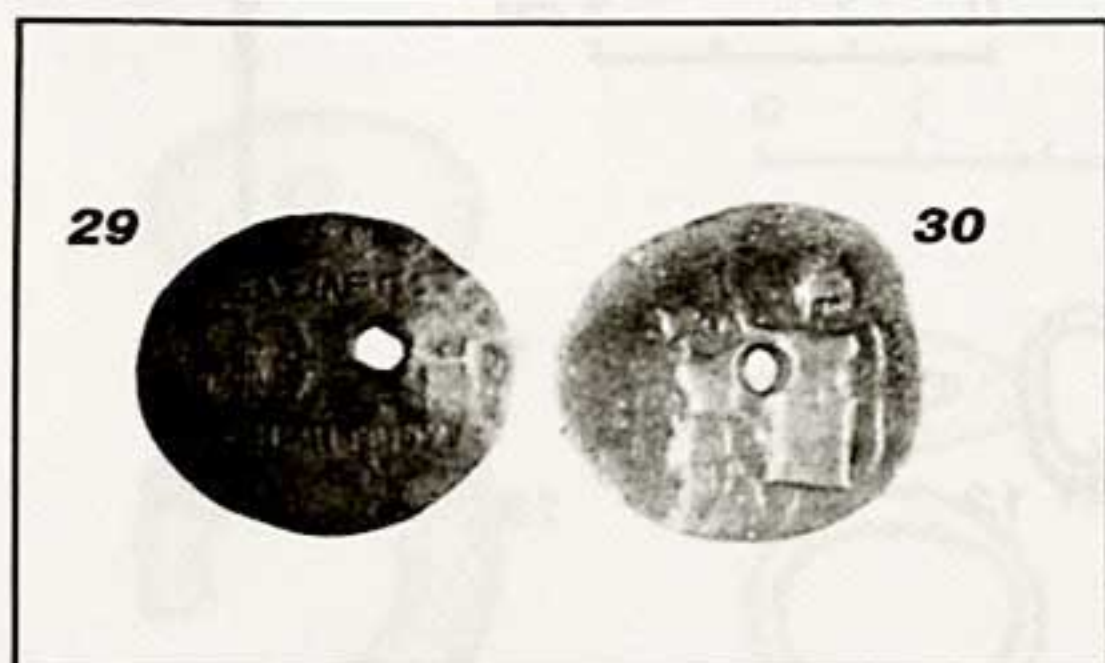
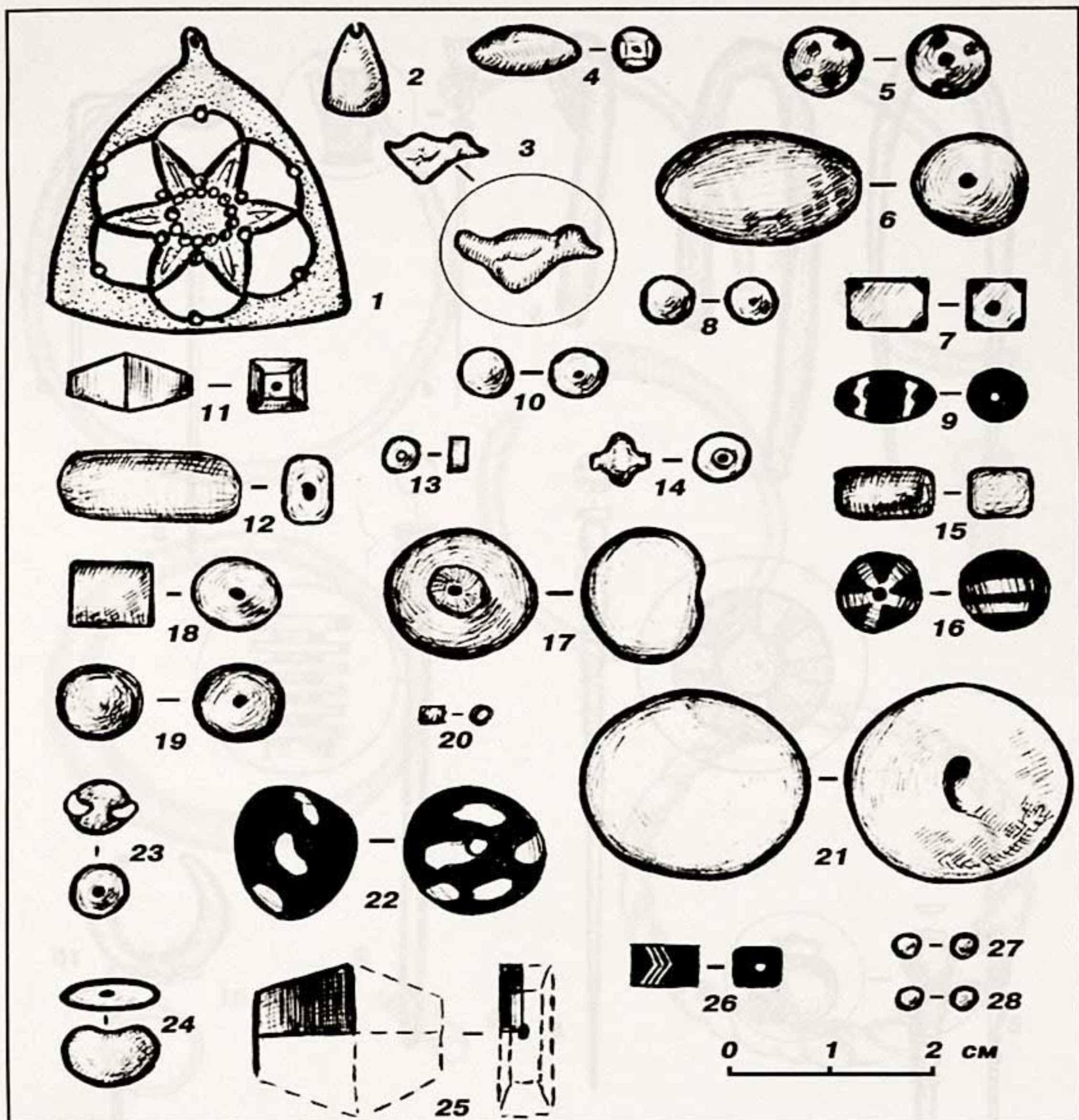

Рис. 3. Украшения шейные и нагрудные:

1-3 – подвески; 4-11, 21-26 – бусы, изготовленные путем накручивания; 12, 13 – бусы, изготовленные путем сгибания стеклянной пластины; 14-16, 27, 28 – бусы из тянутой палочки; 17 – сердоликовая бусина; 18-20 – бусы из тянутой трубочки; 29 – халк Деметрия; 30 – Антиох; 31 – ожерелье из раковин-каури.

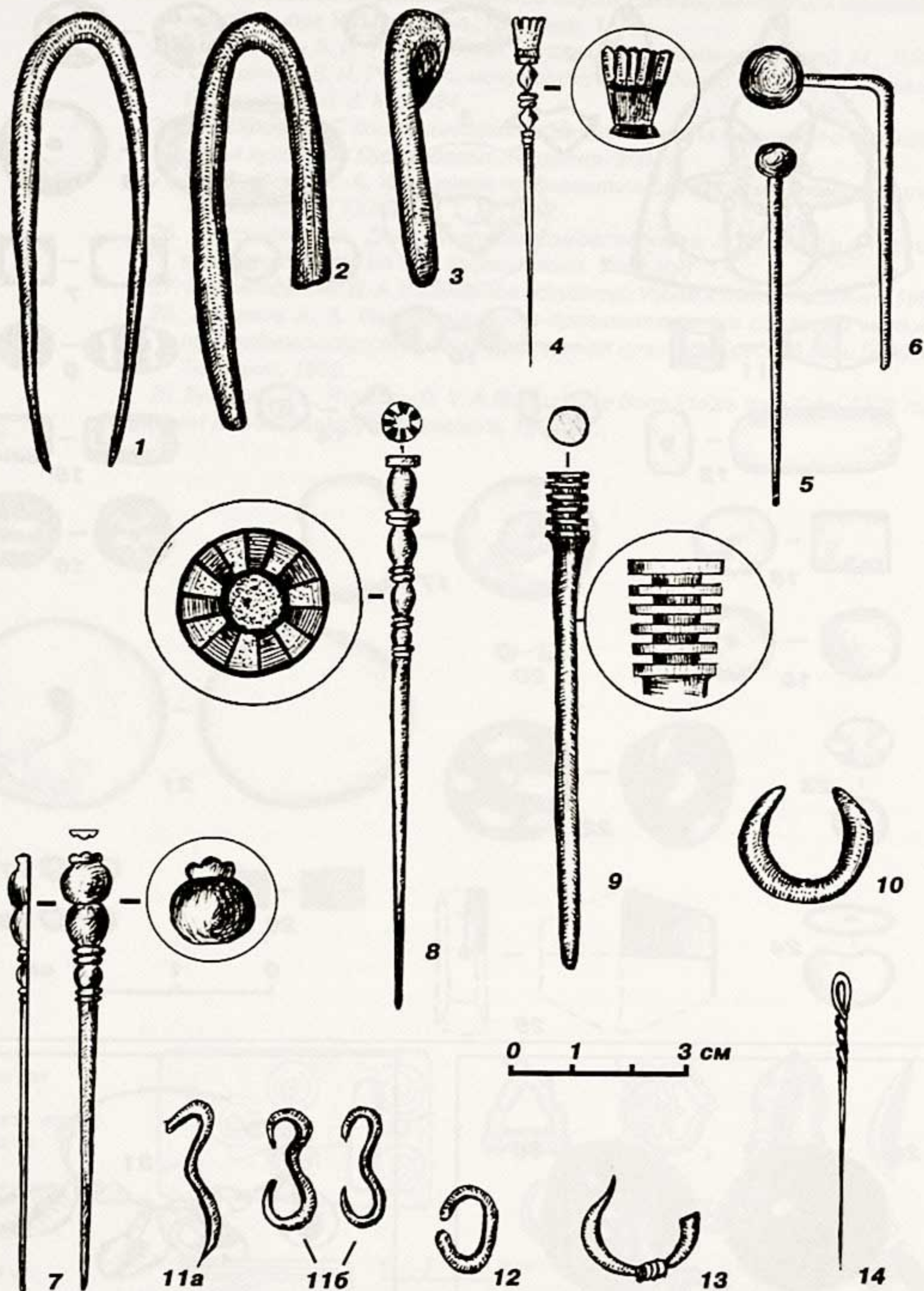
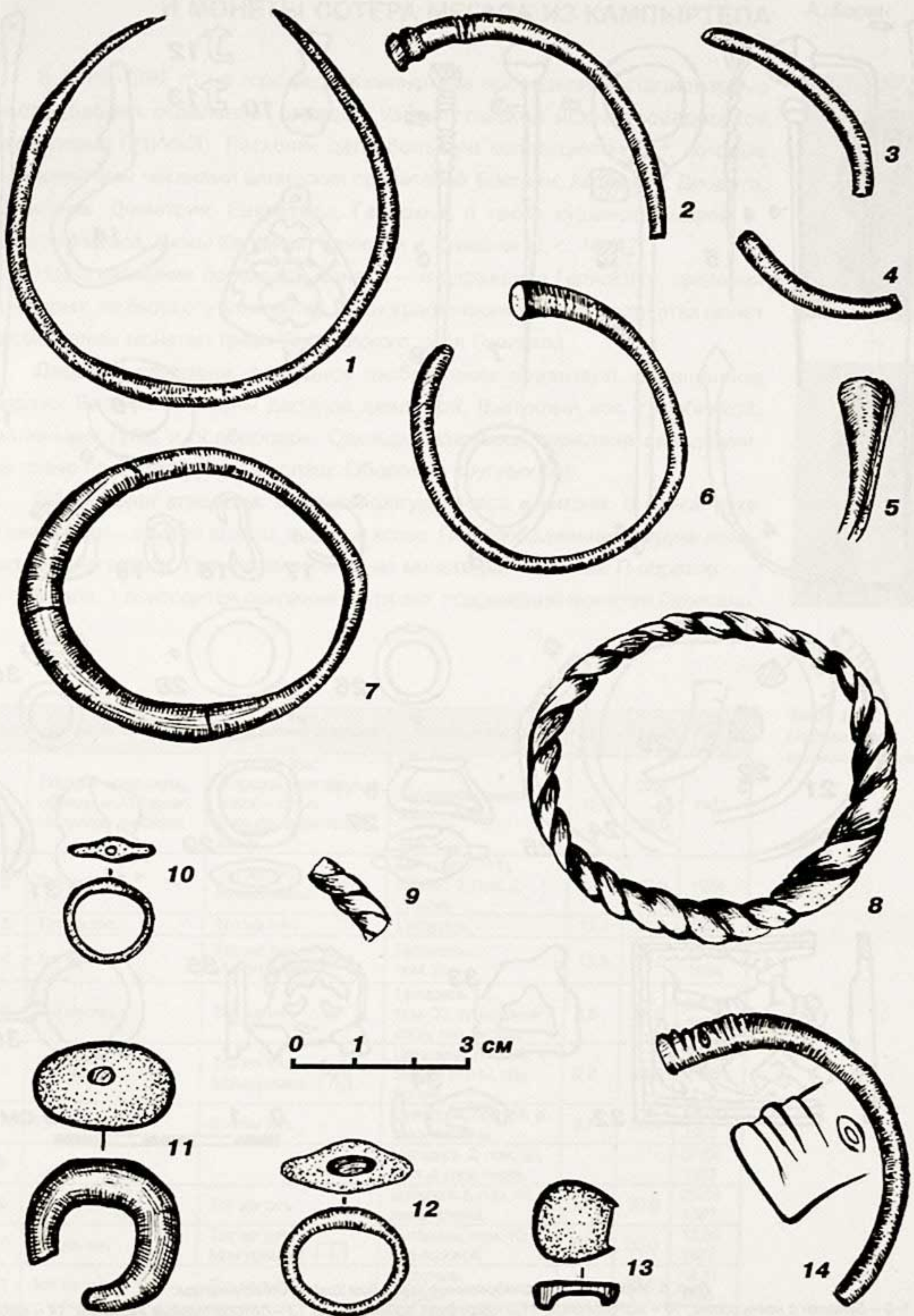

Рис. 4. Украшения для головы:
1-6, 14 – булавки-шпильки из металла; 7-9 – булавки-шпильки из кости; 10-13 – серьги из металла.

0 1 3 см

Рис. 5. Украшения для рук: 1-9, 14 – браслеты; 10-13 – перстни.

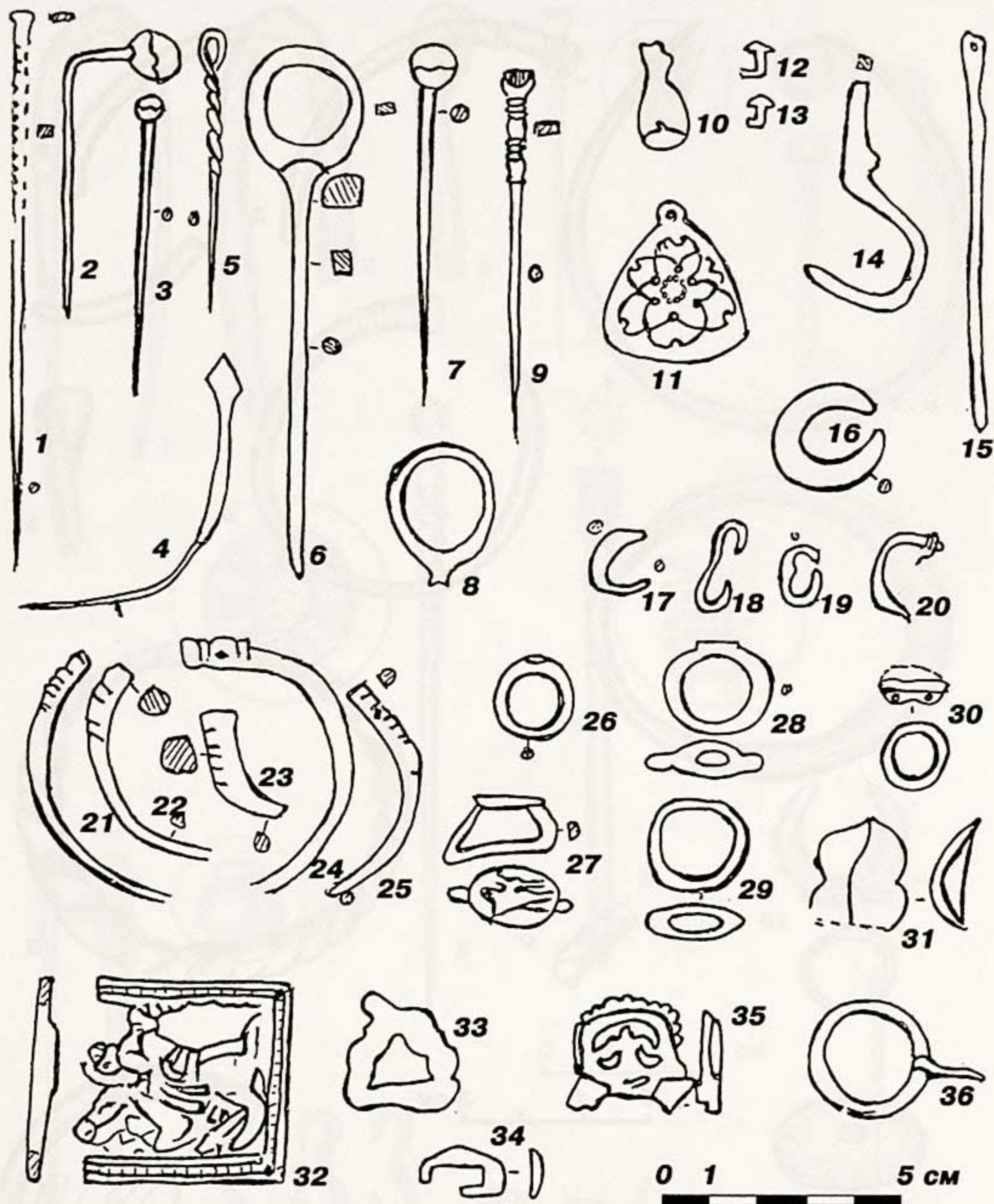

Рис. 6. Украшения, исследованные методом химического анализа:

1-9 – булавки с навершием; 10 – колокольчик; 11 – нагрудная подвеска; 12, 13 – декоративные гвоздики; 14 – крючок; 15 – стержень; 16-20 – височные кольца, серьги; 21-25 – браслеты; 26-29 – кольца, перстни; 30 – пуговица; 31-36 – пряжки, бляшки.

ПОДРАЖАНИЯ МОНЕТАМ ГЕЛИОКЛА И МОНЕТЫ СОТЕРА МЕГАСА ИЗ КАМПЫРТЕПА

Ф. Аюпова
А. Горин

В 1979–1992 гг. на городище Кампыртепа проводились стационарные исследования отдельным отрядом Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ). Раскопки дали большую коллекцию монет, которые представлены чеканами эллинских правителей Бактрии: Антиоха I, Диодота, Евтидема, Деметрия, Евкратиды, Гелиокла, а также кушанских царей – Сотера Мегаса, Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки [6, с. 14, 17].

Наше внимание привлекли монеты – «подражания Гелиоклу», сведения о которых, не были опубликованы. Иконографические особенности этих монет свойственны монетам греко-бактрийского царя Гелиокла.

Лицевая сторона: погрудное изображение правителя, обращенное вправо. Волосы повязаны двойной диадемой. Выпуклый нос с горбинкой, маленькие губы и подбородок. Одежда базилевса передана складками, на плече правителя завязан плащ. Ободок из крупных бус.

Оборотная сторона: стоящая фигура Зевса в хитоне. В одной руке у него перун – символ власти, в другой копье. Под изображением перуна находится монограмма. Греческая легенда на монете расположена П-образно.

В табл. 1 приводится описание 13-ти экз. подражаний монетам Гелиокла.

№	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Место находки	В	Д	Год
1	Портрет правителя, обращенный вправо. На голове диадема.	Стоящий Зевс. В правой руке перун, в левой – копье. Легенда на греческом языке.	Цитадель, северный завал стены.	12,9	27,0 - 26,0	1983
2	Тот же тип.	Тот же тип. Монограмма: 	Цитадель (Р-1), Объект 2, пом. 2, IV ярус.	2,3	17,0	1984
3	Тот же тип.	Тот же тип.	Цитадель.	13,4	29,0	1986
4	Тот же тип.	Тот же тип. Монограмма: 	Цитадель, пом. 26.	13,5	30,0	24.04 1986
5	Тот же тип.	Тот же тип.	Цитадель 11, пом. 33, культурный слой, под песком.	3,5	18,0	26.10 1986
6	Тот же тип.	Тот же тип. Монограмма: 	Цитадель, пом. 42, в завале стены, под полом.	2,8	20,0	28.10 1986
7	Тот же тип.	Тот же тип.	Цитадель, пом. 61, в завале стены.	9,7	33,0	04.04 1987
8			Цитадель 2, пом. 33, из-под слоя песка.			07.04 1987
9	Тот же тип.	Тот же тип.	Цитадель 5, пом. 46, завал стены.	10,0	30,0	26.04 1987
10	Тот же тип.	Тот же тип. Монограмма: 	Цитадель, пом. 10, под полом 4.	16,7	30,0	13.05 1987
11	Тот же тип.	Тот же тип.	Цитадель, подъем.	15,8	32,0	16.11 1988
12	Тот же тип.	Тот же тип.	Цитадель, пом. 24, верхний слой.	17,5	34,0	–
13	Тот же тип.	Тот же тип.	Крепостная стена между башнями 9 и 10 на глубине 30 см от дневной поверхности.	2,3	18,0	07.04 1985

Табл. 1.
Подражания
монетам Гелиокла.

Из 31 экз. монет Сотера Мегаса (см. табл. 2) 7 – находки на поверхности, 24 – из раскопов. Все они относятся к двум номиналам (средний и малый) монет Сотера Мегаса, составляющим самую массовую группу в его чекане (1 и 2 класс монет I группы, по М. Массону [4, с. 18]). На л. ст.¹ погрудное изображение государя, обращенное вправо. Волосы стянуты диадемой; одеяние передано складками плаща, скрепленного на плече фибулой; правая рука вытянута вперед и держит дротик, от наконечника которого опускаются два конца ленты. От головы исходят лучи (от 5 до 14). В поле монеты (слева за затылком) тамга – трехзубчатое навершие (иногда четырех- и пятизубчатое), «ножка» с перекрестием и основание в виде правильного замкнутого круга. Поле монеты обрамлено ободком из крупных точек (бусин). На об. ст. изображение всадника на коне, вправо; на всаднике конический головной убор, перевязанный диадемой, свободные концы которой развеваются за спиной; правая рука с боевым топором (табар-загнул) вытянута вперед. В поле монеты справа тамга как на л. ст. Кругом греческая легенда – «царь царей – великий спаситель».

Из описанной группы монеты 1 класса имеют диаметр 17–22 мм и колеблются в весе от 7,5 до 9 г [3, с. 161]. Они часто встречаются к северу от Амударьи и представляют собой самую массовую эмиссию монет Сотера Мегаса. Малый номинал (2 класс I группы) встречается реже. На территории Узбекистана он представлен находками 11 монет [7, с. 38], 4 из которых найдены на городище Зартепа [1, с. 40]. Диаметр монетного кружка – 13–14 мм, вес около 2 г. Соотношение этих двух номиналов 1:4. Всего найдено 3 экз. (№№17, 24, 27 в табл. 2).

Нумизматические находки на городище Кампыртепа дополняют массовый чекан «Безымянного царя», общее количество находок которого на территории Северной Бактрии превышает 1000 экз. [5, с. 80]. Анализ их предположительно свидетельствует о том, что начало функционирования цитадели Кампыртепа и возведение стен вокруг нее хронологически совпадают со временем правления Сотера Мегаса [6, с. 14].

Табл. 2.
Описание монет
Сотера Мегаса.

№	Особенности изображений и легенд		В.	Д	Сохран.	Год	Место находки
	Лицевая сторона	Оборотная сторона					
1	Тамга неразличима, ободок из продолговатых точек, сдвинут.	Легенда не просматривается, только следы букв.	8,95	20	C ₂ /C ₂	1981	Цитадель. Ден.
2	Поверхность монеты сильно коррозирована и расслаивается. Различим только ободок из точек.	Различим только силуэт всадника.		20	C ₃ /C ₃	1982	КТР-1, подъемная.
3	Тамга неразличима.	Видны лишь контуры изображения.		18	C ₂ /C ₂	5.05 1982	Кладка внутрстенной стрелковой галереи.
4	Изображение дротика и ободок плохо различимы.	Только следы букв и изображения.	8,8	19	C ₂ /C ₂	1983	Р-1, здание 1, пом. 2.
5	Монета коррозирована, край обломан.	Видны следы изображения.		20	C ₃ /C ₃	18.05 1983	Подъемная. У подножия цитадели в южном рву.

Продолжение
табл. 2.
Описание монет
Сотера Мегаса.

№	Особенности изображений и легенд		В.	Д	Сохранность	Год	Место находки
	Лицевая сторона	Оборотная сторона					
6	Видны только контуры изображения	От легенды остались следы букв.	9,2	20	C ₂ /C ₂	1983	Р-1, здание 1, пом. 2.
7	Ободок сдвинут за пределы монетного кружка. Изображение дротика и тамги неразличимо.	Видны следы букв и контуры изображения.	9,3	20	C ₂ /C ₃	1983	Р-1, здание 1, пом. 5. 0,1 м от ДП; 1,32 м от северной стены, 6 м от восточной стены.
8	Монета расслаивается. Видны следы изображения.	Видны контуры изображения.	9,4	20	C ₂ /C ₂	1983	Р-1, здание 1, пом. 5.
9	Хорошо видны следы развевающейся диадемы.	От легенды остались только следы букв.		19	C ₂ /C ₂	13.11 1983	Цитадель. Восточный фас, к северу от ворот.
10	Монета сильно коррозирована, видны лишь отдельные следы изображения.	Только следы изображения.	10,2	22 + 21	C ₂ /C ₃	21.04 1984	Р-1, в стрелковой галерее, в слое, 20 см от 7-го яруса.
11	Просматриваются следы изображения.	Просматриваются следы изображения.		20	C ₂ /C ₃	10.05 1984	КТ "Площадка"
12	Сохранность плохая. Видны контуры изображения.	Только следы изображения.		19	C ₂ /C ₃	1985	Цитадель. Пом. 38.
13	Сотер Мегас (подражание Гелиоклу?). Нимб из лучей, дротик и тамга не сохранились.	Только следы изображения.		20	C ₂ /C ₃	1986	Пом. 18, у южной стены, в завале.
14	Изображение тамги выходит за ободок.	Ободок и легенда почти полностью сохранились.		20	C ₁ /C ₁	16.04 1986	Цитадель. Пом. 78, у западной стены, в завале.
15	Четко просматривается ободок из бусин.	Сохранились следы букв.		20	C ₁ /C ₁	19.04 1986	Цитадель. Пом. 76 (?).
16	Края монеты неровные.	Изображение плохо сохранилось, осталась часть легенды.		16	C ₂ /C ₂	22.04 1986	Подъемная. Цитадель.
17	Малый номинал. Тамга плохо различима. Хорошо виден ободок.	Хорошо виден ободок, но легенда просматривается плохо.		13	C ₂ /C ₂	30.05 1986	Подъемная. Цитадель.
18	Изображение руки с дротиком полустерто.	Легенда не сохранилась, виден ободок.		20	C ₂ /C ₂	30.05 1986	Подъемная. Цитадель. Восточный фас, во рву.
19	Монета коррозирована, изображение едва просматривается; тамга видна.	Изображение плохо просматривается, видны детали.		21	C ₂ /C ₃	25.10 1986	Цитадель. Пом. 38. У северной и восточной стены, в завале, в промазке штукатурки.
20	Тамга находится не позади, а перед лицом государя.	От легенды сохранились только части.		21	C ₁ /C ₁	25.10 1986	Цитадель. Пом. 38. У восточной стены в промазке штукатурки.
21	Тамга плохо различима.	Легенда не сохранилась.		20	C ₂ /C ₂	25.10 1986	Цитадель. Пом. 38. У восточной стены в промазке штукатурки.

№	Особенности изображений и легенд		В.	Д.	Сохран.	Год	Место находки
	Лицевая сторона	Оборотная сторона					
22	Ободок не просматривается, изображение едва различимо.	Тамга и легенда не видны.		20	C ₂ /C ₃	28.10 1986	Цитадель. Пом. 38. В завале у южной стены.
23	Изображение нечеткое. Видна часть тамги.	Просматривается ободок. Легенда сохранилась не полностью.		22	C ₂ /C ₂	203.03 1987	Цитадель. Пом. 23. В завале стены.
24	Малый номинал. Изображение тамги нечеткое.	Изображение плохо различимо, часть затерта.		13	C ₂ /C ₃	25.03 1987	Цитадель. Пом. 18. В заполнении под верхним полом.
25	Изображение тамги нечеткое.	Легенда и тамга не сохранились.		21	C ₁ /C ₂	25.03 1987	Цитадель. Коридор 3. Завал северной стены.
26	Изображение четкое. Хорошо сохранился ободок.	Просматривается часть легенды, изображение тамги не сохранилось.		21	C ₁ /C ₂	08.04 1987	Цитадель. Пом. 109. В завале стены в с.-з. углу, к югу от хума.
27	Малый номинал. Изображение нечеткое.	Видны только контуры изображения. Тамга и легенда не сохранились.		13	C ₂ /C ₂	16.05 1987	Подъемная. Цитадель.
28	Четко просматриваются все детали изображения.	Часть легенды не видна.		21	C ₁ /C ₁	1988	Цитадель.
29	Изображение нечеткое. Тамга не видна.	Изображение всадника сдвинуто влево от обычного, часть легенды не сохранилась.		18	C ₂ /C ₂	1988	Цитадель.
30	Изображение плохо различимо. Тамга не видна.	Сохранилась только часть легенды.		21	C ₂ /C ₂	1988	Подъемная. Цитадель, под обрывом.
31	Изображение плохо различимо.	Изображение плохо различимо. Видны следы букв.		20	C ₂ /C ₂	13.05 1991	Р-1. Пом. 14.

Сокращения:

Л.ст. – лицевая сторона монеты.
О.ст. – оборотная сторона монеты.
В. – вес монеты в граммах.
Д. – диаметр монеты в мм.
Год – время находки монеты.
Сохран. – сохранность монеты.

Примечания:

¹ Против такого отождествления сторон выступает Е. Зеймаль. Ссылаясь на индо-сакские и индо-парфянские монеты, которые, по его мнению, послужили прототипом для монет Сотера Мегаса и медных монет Вимы Кадфиза, он склонен считать их оборотную сторону лицевой. То же самое можно сказать об изображении государя на л. ст., которое Е. Зеймаль считает изображением божества, возможно, бога Михра.

Библиография:

1. Альбаум Л. И. Балалыктепа: к истории материальной и художественной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
2. Аюпова Ф. Р. Находки греко-бактрийских монет из Кампыртепа // НЦА. № IV. Ташкент, 1999.
3. Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
4. Массон М. Е. Происхождение безымянного «царя царей – великого спасителя» // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Новая серия. Вып. 11. Гуманитарные науки. Кн. 3. Ташкент, 1950.
5. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия – Тохаристан. Ташкент, 1990.
6. Ртвеладзе Э. В. Кампыртепа – структура. Периодизация // Материалы Тохаристанской экспедиции. Археологические исследования Кампыртепа. Вып. 1. Ташкент, 2000.
7. Ртвеладзе Э. В., Пидеев Ш. Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.
8. Rtveladze E. V. La circulation monetaire au nord de l'Oxus a l'epoque Greco-Bactrienne. Revue numismatique, 6'serie, XXVI. 1984.

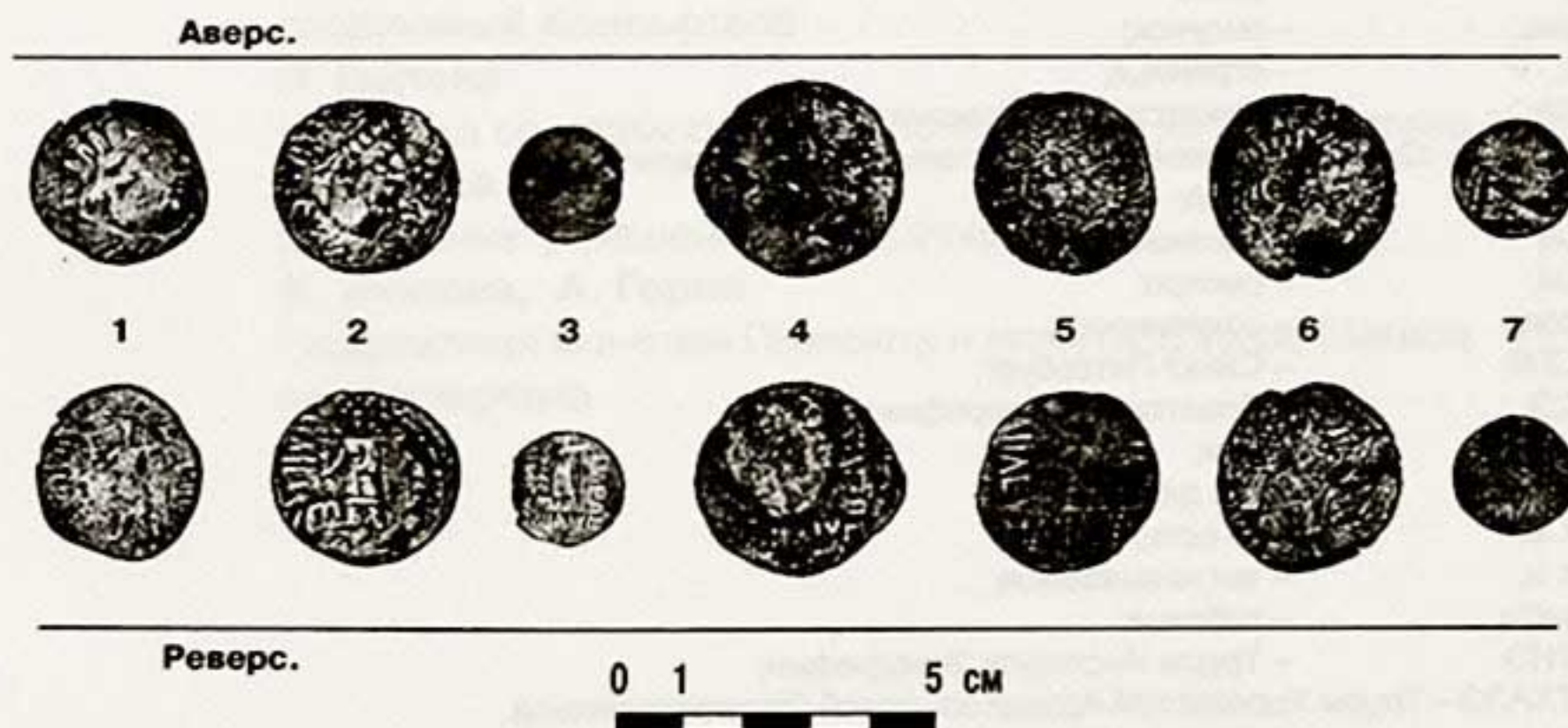

Рис. 1. Подражания монетам Гелиокла:
1 – в табл. 1 №1; 2 – №4; 3 – №5; 4 – №7; 5 – №9; 6 – №10; 7 – №13.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

в.	– век;
В.	– вес монеты в граммах;
ВДИ	– Вестник древней истории;
вып.	– выпуск;
г.	– год;
Д.	– диаметр монеты;
ДТ	– Дальварзинтепа;
ЗВОРАО	– Записки Восточного отделения Русского археологического общества;
ИВ АН СССР	– Институт востоковедения Академии наук СССР;
ИМКУ	– История материальной культуры Узбекистана;
ИЭ АН СССР	– Институт этнографии Академии наук СССР;
КД	– Каракумские древности;
км	– километр;
кон.	– конец;
КТ	– Кампыртепа;
КТР	– Кампыртепа, раскоп;
Л.	– Ленинград;
л. ст.	– лицевая сторона монеты;
м	– метр;
М.	– Москва;
МИА	– Материалы по Истории и Археологии
мм	– миллиметр;
МХАЭ	– Материалы Хорезмской Археологической Экспедиции;
н. э.	– наша эра;
нач.	– начало;
НЦА	– Нумизматика Центральной Азии;
о. р.	– общий репер;
о. ст.	– обратная сторона монеты;
ОНУ	– Общественные Науки в Узбекистане;
ООН	– Отделение Общественных Наук;
ПКС	– погребально-культовое сооружение;
пом.	– помещение;
пр.	– прочее;
ПС	– погребальное сооружение
р.	– река;
рис.	– рисунок;
с.	– страница;
СА	– Советская Археология;
САГУ	– Среднеазиатский Государственный университет;
сл.	– слой;
см	– сантиметр;
см.	– смотри;
сохр.	– сохранность;
СПб	– Санкт-Петербург;
СЭ	– Советская Этнография;
т.	– том;
т. д.	– так далее;
т. е.	– то есть;
т. н.	– так называемое;
табл.	– таблица;
ТИЭ	– Труды Института Этнографии;
ТХАЭЭ	– Труды Хорезмской Археологической Этнографической Экспедиции;
тыс.	– тысячелетие;
ТЮТАКЭ	– Труды Южно-Туркменистанской Археологической Комплексной Экспедиции;
УзИскЭ	– Узбекская Искусствоведческая Экспедиция;
цв.	– цветной;
Э. О.	– Этнографические Открытия;
экз.	– экземпляр;
ЮТАКЭ	– Южно-Туркменистанская Археологическая Комплексная Экспедиция;
JICA	– Japan International Cooperation Agency (Японское Агентство Международного Сотрудничества).

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 году	3
С. Болелов Гончарная мастерская III–II веков до н. э. на Кампыртепа	15
К. Шейко, Г. Никитенко К изучению квартала-блока №5 на Кампыртепа	31
Л. Сверчков Раскопки в северо-восточной части Кампыртепа	47
Э. Ртвеладзе Погребально-культовые сооружения Кампыртепа	65
И. Азимов Графическая реконструкция погребально-культовых сооружений Кампыртепа	95
О. Цепова Керамика со штампованным орнаментом из Кампыртепа	101
В. Лунева Ювелирные украшения из Кампыртепа	113
Ф. Аюпова, А. Горин Подражания монетам Гелиокла и монеты Сотера Мегаса из Кампыртепа	129

Материалы Тохаристанской экспедиции
Выпуск 2. Археологические исследования Кампыртепа
(Сборник статей)

Издательство «SAN'AT»
Академии художеств Узбекистана
Изд. № 00019

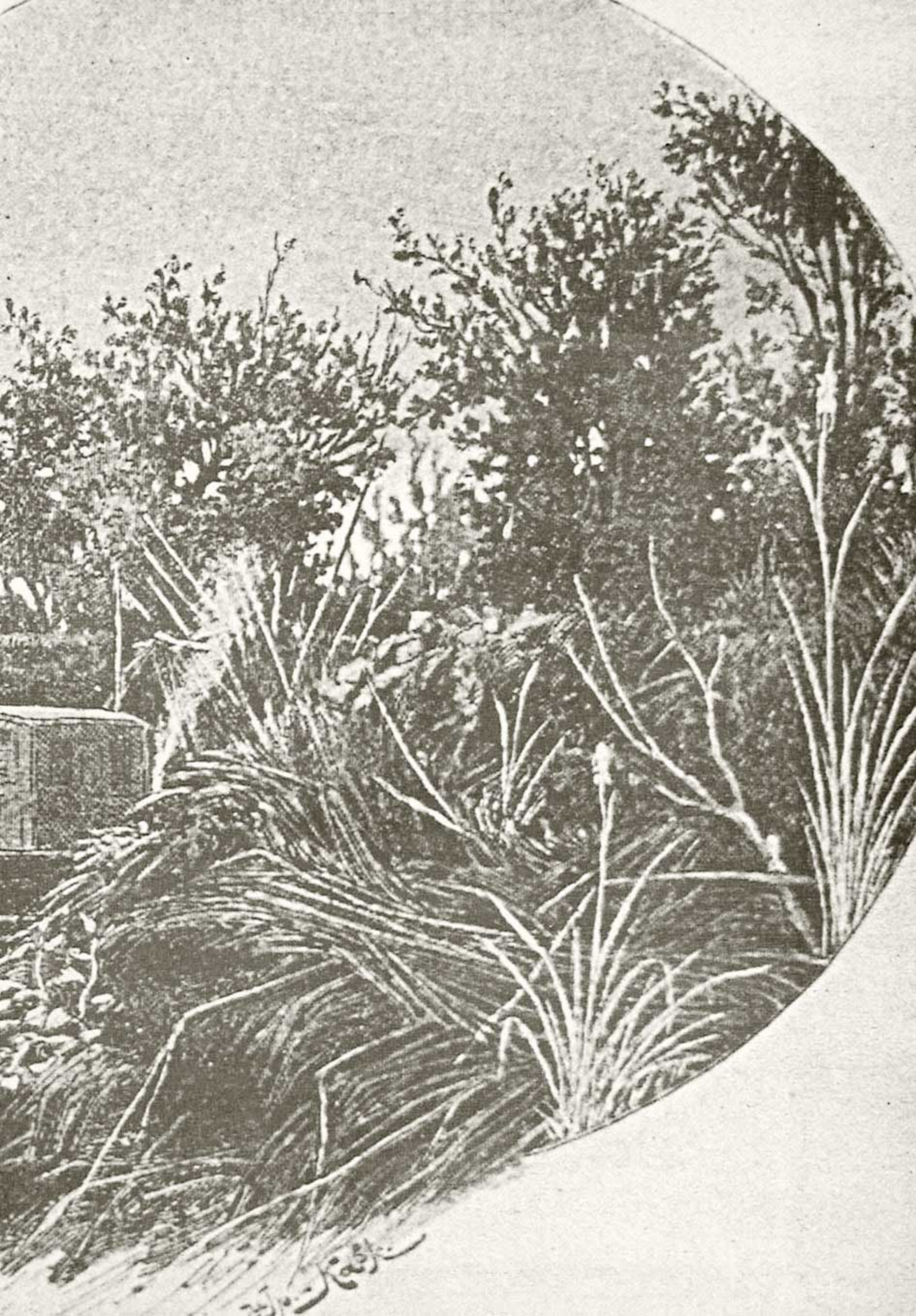
Научный редактор Э. Ртвеладзе
Редактор Б. Кнопов
Корректор Л. Шахназарова

Оригинал-макет изготовлен на базе технических
и программных средств «MEDIA LAND»

Директор С. Миргородский
Коммерческий директор Г. Бондаренко
Компьютерный дизайн и верстка Н. Рузыбаев
Компьютерное обеспечение
Д. Акифьев, Е. Миргородская, П. Шиловский

Подписано в печать 14.09.2001. Формат 60х90 1/8
Гарнитура Arial Cug. Печать офсетная. 17 печ. л.
Бумага мелованная. Тираж 500 экз. Заказ № 583
Отпечатано в типографии агентства "MEDIA LAND" г. Алматы

JICA